

Российская Академия Наук
Институт философии

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА**

Москва
2009

УДК 300.331
ББК 15.51
А 72

Ответственный редактор
доктор филос. наук *В.Н. Шевченко*

Рецензенты
доктор филос. наук *К.А. Зуев*
доктор филос. наук *А.Г. Мысливченко*

А 72   **Антропологическое** измерение российского государства [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. В.Н. Шевченко. – М.: ИФРАН, 2009. – 214 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0149-5.

В коллективной монографии обсуждается одна из самых острых и малоисследованных проблем в отечественной философии и науке, связанная с теоретическим изучением отношения «российское государство–человек». На основе представлений об антропологическом измерении российского государства как императиве современной эпохи в монографии дается критический анализ состояния духовной культуры и социальных качеств российского человека, а также сопоставительный анализ качества политического руководства в России и в Китае.

Книга предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов, а также широкого круга читателей, интересующихся историей и современными проблемами российского государства, положением человека в российском обществе, поиском новых принципов отношений между государством и человеком.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемой читателю коллективной монографии сотрудники сектора философских проблем политики представляют свою позицию по одной из самых злободневных проблем современной эпохи – проблеме взаимоотношений государства и человека. Острота этой проблемы применительно к реалиям, существующим в последние десятилетия в новой, постсоветской российской жизни, приобрела особый, судьбоносный характер для всей страны.

Историческое бытие России и как государства, и как цивилизации, и как российской нации, до сих пор не сложившейся, вновь подвергается в наступившем **XXI в. предельно опасному испытанию**. Над Россией нависла реальная угроза демографической катастрофы. Все прогнозы на этот счет носят в основном неутешительный характер. Есть расхождения лишь в масштабах убывания населения. Россия отстает по уровню своего экономического развития на десятки лет от высокоразвитых стран мира. Наконец, социальное положение россиян таково, что бедность и нищета стали уделом миллионов и миллионов наших граждан.

Судьба России в значительной степени будет зависеть не только от того, сможет ли нынешняя власть найти надежные и обращенные на длительную перспективу решения всех этих и многих других проблем. Но и от мудрости и политической воли руководителей, их мировоззрения и образования, хотя и здесь есть серьезные проблемы, как например, проблема «кадрового голода», массовой коррупции и бюрократической безответственности.

Нужны прорывные идеи и мысли, нужен новый уровень философских и конкретно-научных обобщений в понимании проблемы «государство–человек». Это хорошо понимает мыслящая часть российского общества. Собственно, по этой причине в последние десятилетия человеческая проблематика, без всяких преувеличений, перемещается в центр внимания научного и философского сообщества. Творческое переосмысление результатов и выводов западной мысли помогло становлению и быстрому росту таких новых для нас направлений, как социально-философская антропология, социальная антропология, политическая антропология, культурная антропология, историческая антропология, различные виды междисциплинарных исследований по проблемам человека,

целый ряд других школ и направлений. Историческое своеобразие российского государства – одна из самых частых тем научных и особенно публицистских работ.

При всем разнообразии развернувшихся исследований где-то на периферии исследовательского интереса оказались теоретические и особенно методологические вопросы отношений между российским государством и человеком. Остается во многом неясным то, как в ходе своего развития российское государство определяло типологические параметры, формат российского человека, какие сегодня задаются параметры человека сложившимся новым историческим типом российского государства, задаются им как целенаправленно, так и самим фактом своего бытия в мире, и, наконец, каковы возможные последствия происходящих сегодня с российским человеком значительных перемен.

Разумеется, можно говорить о глубоком онтологическом единстве российского государства и человека, уходящем в века. Российское государство как носитель и защитник идей общего блага, справедливости и солидарности, одним словом, как идеальное государство для русского, российского человека всегда выступало высшей ценностью. Но для отечественной истории не менее очевиден факт глубокого антагонизма между реальным государством, реальной политикой высшей власти и человеком. Размеры этого зора, расхождения между ожиданиями, надеждами, верой народа и реалиями повседневной жизни достигали таких масштабов, что они неоднократно приводили в истории страны к социальным потрясениям, восстаниям и революциям. Этот многовековой антагонизм российской жизни, его глубинная суть и последствия, перспективы преодоления и являются предметом изучения с самых разных сторон в настоящей монографии.

Необходимо также отметить и следующее. В огромном потоке современной литературы по российской проблематике большое внимание уделяется экономическому, политическому, культурному влиянию Европы на ход истории России. Эти факторы в значительной степени определяли на протяжении последних пяти столетий ведущую траекторию, ведущий тренд развития российского государства, который имел прямо противоположную направленность по сравнению с мощно выраженной тенденцией становления и развития в Европе либерально(буржуазно)-демократического го-

сударства. Стремление традиционной России всякий раз догнать ушедшие вперед страны Запада в экономическом и военном отношениях оказывалось непосильной ношей для населения, приводило и приводит к непомерному, неограниченному разрастанию властно-распорядительных функций высшей власти. Возникает и становится устойчивой хорошо известная ситуация экономического, социального и культурного раскола. Такой ход развития самым негативным образом сказывается и на формате, типологических чертах российского человека как человека традиции. Цель его трансформации в западного человека, человека рации, как и реализация в стране всего проекта модерн, так и осталась недостигнутой. Изучение российского социума, традиционного типа социальности, степени его отличия и сходства с западным типом социальности, принципиальной возможности перехода от одного типа к другому остаются в этих отношениях недостаточно изученными в теоретическом и сопоставительном аспектах.

Наконец, исключительная значимость обсуждения проблемы антропологического формата российского государства, неотложность ее решения состоит также и в том, что в современной России сошлись, как и сто лет назад, все важнейшие противоречия современной эпохи. Российское общество с конца 80-х гг. прошлого века вновь переживает раскол – экономический, социальный, политический, культурный.

В частности, институты западной либеральной демократии плохо приживаются на российской почве, что вызывает одновременно критику и справа, и слева. Радикал-либералы продолжают требовать смены сегодняшней «матрицы» российской государственности, которая якобы себя полностью исчерпала, на западную «матрицу». Но ведь именно неолиберализм несет «идейную» ответственность за полный провал либеральных реформ, принятых в стране в 90-е гг. прошлого века, и за развернувшуюся на бескрайних просторах страны подлинную антропологическую катастрофу. Все государственники и патриоты, от консерваторов до левых, говорят о том, что сильная централизованная власть есть первейшее условие устойчивости российского государства. В связи с этим можно констатировать, что в современной России в основном сложилось, особенно начиная с первых лет нового XXI в., по сути неотрадиционалистское государство.

Массовое сознание общества пронизано многочисленными противоречиями культурно-цивилизационного характера. Европеизированная часть населения страны – состоятельные и богатые люди, которые ориентированы на европейские, западные ценности и образ жизни, – составляют примерно 20–25 % населения, остальная часть российского населения живет по существу в традиционном мире, она бесконечно далека от европейских стандартов зарплаты, быта, качества услуг.

Капитализм как мировая экономическая система в ее нынешней форме исторически себя изжил, что убедительно показывает начавшийся осенью 2008 г., ставший закономерным итогом навязанной всему миру неолиберальной модели глобализации. Политические лидеры капитализма, западные ученые заговорили о радикальной смене модели капитализма. Как возможна такая смена – это отдельный вопрос. Но нас интересует другая сторона дела. Каким может быть в этих условиях наиболее оптимальный путь формирования российского человека, когда в современном российском социуме сосуществуют, взаимодействуют и противоборствуют такие типы или форматы человека, как человек традиции, человек рации, человек идеологии, человек массовый и человек культуры. Они принадлежат к различным историческим эпохам мировой истории, связаны с разными типами социальности, но по иронии судьбы, в связи с особенностями циклического, неорганичного развития страны, сведены сегодня все вместе. Политика реального российского государства пока не отличается цельностью и продуманностью шагов с точки зрения формирования тех качеств и черт российского человека, которые позволят преодолеть недоверие и отчуждение между ними, адекватно ответить на вызовы и угрозы XXI в.

Авторский коллектив вполне осознает, что выполненная им работа имеет во многом постановочный характер и не претендует на окончательность и бесспорность своих суждений и выводов.

В.Н.Шевченко

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ ЧЕЛОВЕКА И ГОСУДАРСТВА

Современные принципы антропологии государства

Исторический путь, пройденный человечеством, позволяет сегодня радикально переосмыслить роковую дилемму: «государство для человека или человек для государства». В классической парадигме ожесточенный спор велся между двумя крайностями, которые позднее воплотились в двух социологических схемах: тоталитарной и неолиберальной. Первая предполагает использование человеческого ресурса для реализации импульса развития государственного тела. При этом если речь и идет о слиянии усилий, то подразумевается, скорее, поглощение индивида и его энергетики государством, нежели создание некой целокупности. Вторая делает акцент на предельности разрыва двух оснований: индивида и государства, постулирует их «врожденную», генетическую и непреходящую враждебность.

В свое время идея «общественного договора», казалось, была призвана примирить две опорные точки общества. Возникшая, однако, в недрах либеральной мысли, концепция «социального контракта» превращала идею макросоциальной коммуникации индивида и государства не в *«контакт»*, «связь», «соединение», а в поиск конвенциональных условий временных перемирий, «прекращения огня» на поле военных действий двух противоборствующих сил. Интерпретация «общественного договора» колебалась от гоббсианской передачи всех полномочий индивида государству в лице единоличного правителя до постепенного освобождения индивида, утверждения его самостояния на базе собственности.

Руссоистская «общая воля» стала первой попыткой реального совмещения деятельности индивида и государства, деятельности, преследующей достижение «общего блага». Непререкаемым носителем суверенитета объявлялся народ, нация. Но достигался суверенитет благодаря государству. Появилось понятие гражданственности, синтезирующее человеческое отдельное и государственное общее.

XX в. стал ареной экспериментальной верификации теоретических исканий века XIX. И практика не подвела. В горниле испытаний сформировалась реалья «социального государства». Индивид социального государства – это не природный, естественный человек, бывший краеугольным камнем построения государственного тела в теориях «общественного договора». Индивид социального государства – это прежде всего гражданин, берущий на себя ответственность за бытие целого. Собственность этого индивида – не условие его самостояния и отдельности от общего целого, а условие коммуникации с этим целым. В Конституции ФРГ, провозглашившей ее демократическим и социальным государством, записано: «Собственность обязывает. Ее использование должно одновременно служить благу всего общества» (ст. 14, п. 2)¹. Немецкая ментальность очень четко определила основу сочленения демократичности и социальности современного типа государства. Она продемонстрировала бескомпромиссную связь физических и этических его оснований, соединив материальные принципы рыночной экономики, исходящей из незыблемости права собственности, и духовно-идеальные – нацеленность на достижение общего блага. Эта связь покоится на максиме, гласящей, что гарантированное право собственности связано с социальными обязательствами.

Еще более явным делает тенденцию развития гуманизации (а значит, антропологизации) современного государства самая «продвинутая» модель социального государства – скандинавская. Ее фундамент составило своеобразие скандинавского социального менталитета, в котором с начала XX в. выкристаллизовывалась концепция государства как «народного дома». Именно на нее легла современная модель социального государства, вобрав в себя такие социально прогрессивные и гуманные качества национального характера, как приоритет равенства, взаимного уважения и сотрудничества граждан.

Исследования и опросы, проводившиеся в странах Северной Европы в начале 1990-х гг., выявили такое качество коллективного сознания, как особое почтение к государству. Дело в том, что исторически «государство благосостояния» возникло в них не в итоге классового конфликта, и потому «люди **не** думают о администрации государства в понятиях “мы” и “они”². Иллюстрацией тому может служить малочисленность претензий к правительственным органам в этих странах, что компенсируется повышенной требовательностью к себе и своим действиям. Квинтэссенцией такого поведения жителей является рассуждение: «Если это наше государство, оно всегда поступает правильно, а если я чем-то недоволен, то причина не в недостатках системы, а во мне самом». По многочисленным наблюдениям западных ученых, такое уважение к «нашему» государству отчетливо выражено в Финляндии, Швеции и других странах Скандинавии³.

Это означает, что сущностную основу развитого социального государства представляет идея гражданственности. Она же составляет глубинный смысл современной антропологизации государственного тела. Главная характеристика зрелого гражданина – добровольное и осознанное самоограничение в рамках определенной социально-правовой парадигмы существования. У современного европейца *государство находится внутри его сознания*. Таким образом, речь идет о том, что в процессе исторического развития произошла постепенная интериоризация социально-политических ценностей государственного бытия европейскими народами.

С другой стороны, идет встречный процесс антропологической переориентации государства. Его современная социальная версия преследует задачи, соответствующие высшим ценностям антропологически выверенной политики, и нацелена на гуманитарные абсолюты – гражданский мир, достоинство человека, благоденствие социума.

Указанные изменения происходят в рамках макромасштабных перемен в методологии изучения социальных процессов и явлений. Современный взгляд на социологические объекты как на объекты постклассической реальности предполагает преодоление радикального антагонистического противопоставления субъекта и объекта. Начиная с последней трети XX в. мир переживает смену методологической парадигмы. Констатируется отказ от детерминизма любо-

го вида – экономического, технологического, биологического, культурного и т.д. Отныне анализ социальных объектов предполагает поиск не столько причинно-следственных связей явлений, сколько обнаружение их взаимобратимого взаимодействия⁴.

Этот принципиальный момент связан с тем, что мы сегодня имеем дело с постклассическими объектами. Точнее, следует говорить о том, что в современных объектах все отчетливее проступает их постклассическая природа, которая, как и в объектах физики микромира, проявляет свою двойственную сущность. Широко известным примером является поведение объектов микромира, которое актуализируется одновременно в статусе волны и частицы. Особенность такого рода объектов состоит в сложной взаимосвязи обеих сущностей, которые выступают *не как рядоположенные* или параллельные, изолированные друг от друга атрибуты, а как взаимодействующие на глубинном уровне в форме *интерферентной*, взаимопроникающей и взаимозамещающей связи.

В фокусе нашего исследования находятся взаимоотношения государства и личности. Это означает, что в онтологической перспективе необходимо перестать мыслить в терминах непримиримого противопоставления государства и человека как социальных сущностей. С гносеологических позиций это ведет к пересмотру устаревшей оптики субъект-объектных отношений применительно к паре «государство–индивид». Другими словами, в современном мире неадекватным представляется как тоталитарное рассуждение о том, что государство есть субъект, целиком и полностью формирующий частную сферу жизнедеятельности, так и неолиберальное суждение о том, что исключительно индивид в своей отдельности творит государство как проекцию собственного бытия. Сегодня очевидным стал процесс глубокого взаимопроникновения обеих реальностей в макросоциологическом креативном процессе. Свидетельством тому служит такая социологическая реальность, как социальное государство, смысл и суть которого в установлении справедливых отношений в обществе, а цели которого подчинены реализации общего блага как квинтэссенции частного блага. При этом активными полагаются обе стороны взаимонаправленных усилий: и индивид, и государство. Оба ракурса социального взаимодействия: ракурс «уникально-субъективного» и ракурс «универсально-субъективного» взаимодополняют и взаимопроникают друг в друга.

Социальное государство как универсально-субъектная сущность сегодня направлена не на деперсонализацию предметной сферы общества. Напротив, оно озабочено поддержанием активного креативного статуса каждого индивида ввиду первенства значимости категории «культурного капитала» в бытии и становлении постиндустриального общества. Как свидетельствуют современные западные исследователи, главной функцией современной разновидности социального государства становится приоритет инвестиций в человеческие ресурсы. Солидаристская, или интеграционная функции социального государства, подкрепленная функцией легитимации, видится как недостаточная. Вместо функции перераспределения и выравнивания доходов, которая считалась главной в 1970–1980-е гг., появляются задачи, подкрепляющие общую склонность «государства всеобщего благоденствия» вкладывать в будущее нации и народа⁵. В частности, декларируется появление «компенсаторной, инвестиционной и эмансипаторской функций»⁶.

Компенсаторная функция, или функция возмещения, призвана уравновесить последствия бума в информатике, увеличившего поляризацию зарплат и имущественного положения граждан. Утверждается, что система социального страхования должна охватывать все формы занятости, в том числе распространяться на тех работников, которые оказались в условиях неполной занятости или стали хозяевами самостоятельных предприятий. *Инвестиционная* функция способствует формированию социальных условий модернизации, в том числе развитию общественной инфраструктуры, образования и науки, что указывает на озабоченность государства стратегическими, важными для общества в целом, инвестициями, которыми пренебрегали в 70–80-е гг. прошлого века. *Эмансипаторская* функция сосредотачивается на обеспечении путей полноценной реализации индивида в духовной сфере и защите его от социальных рисков, связанных с необходимостью переобучения и получения качественного образования, ведущего к овладению новыми технологиями. Поскольку в постиндустриальных обществах все большее значение приобретает культурный капитал, то государство проявляет заботу о таком образовании граждан, которое способно создать, к тому же, дополнительные возможности для индивидуального развития.

«Антропологический кризис»

XX в., таким образом, был веком радикального пересмотра взаимоотношений человека и государства. Однако социально-антропологические перевероты не всегда имели позитивный характер. Нередко радикальное изменение перспективы анализа принимало вид «антропологической катастрофы», или «антропологического кризиса»⁷, в котором к настоящему времени выделяется ряд характерных черт. При этом Россия рассматривается как узловая точка мировых социально-антропологических катаклизмов⁸.

Первым шагом к *антропологической катастрофе* стала немолимая жажда покорения природы, когда человек возомнил себя равным Богу, что породило специфическую «антропологию господства». Вдохновляемые мечтой «сделаться как Боги», люди осознавали себя перед лицом природы как владыки, требующие ее покорности. Гордыня человека прометеевского типа с его высокомерием, жаждой власти, стремлением покорять и переделывать мир, сформировала определенный стереотип, в лучшем случае потребительского, а по сути враждебного отношения к миру, с которым он воюет вместо того, чтобы доверять ему и сотрудничать с ним. «Прометеевский человек героичен, но рационален и в известном смысле бездуховен, что отражается в его безоглядном фетишистском увлечении техникой, упоении прогрессом, который он понимает весьма одномерно», – замечает российский философ В.И.Самохвалова⁹.

Скрытые основы антропологической катастрофы уже были заложены в историческом мятеже Нового времени против засилья религии¹⁰. Для него характерна, выражаясь словами Ф.Ницше и Ф.М.Достоевского, ситуация «смерти Бога», когда «все дозволено». Орыв массового человека от бытийственных смысловых корней породил нравственный релятивизм и пессимизм, связанный с разрушением веры в гармонию мира, в исторический прогресс, в незыблемые духовные ценности и гаранты. Неверие в высший мир духовных ценностей сочеталось с верой в человеческую самодостаточность через технически-рациональную организацию всего сущего.

«Обратным эффектом» кризиса прежней концепции культуры и духовности стало созидание «государства-Бога», которое было призвано заменить индивиду метафизического Бога. Именно та

трагичность сознания и восприятия жизни человеком, которая явилась следствием провозглашенной Ф.Ницше смерти Бога, и ужаса, испытанного человеком, когда он оказался наедине с той метафизической пустотой, где царствует принцип: «если Бога нет, то все позволено», подготовили второй шаг к антропологической катастрофе. Именно этот ужас и трагедия заставили человека избрести для себя нового, более близкого к нему и более реального Бога, который все урегулирует и все за него решит, – государство и государственность тоталитарного типа. И вот «сегодня смерть этого государства-Бога составляет вторую смерть социальной трансцендентности», – замечает французский социолог М.Крозье¹¹. Она же знаменует собой один из завершающих этапов современного антропологического кризиса. Мы, таким образом, оказались перед лицом необходимости переосмыслить последствия новой социально-идеологической революции современности, которая обрела особую остроту в России вследствие соединения в ней всех указанных черт антропологической катастрофы в их наиболее радикализированном варианте.

В самом деле, человек Запада смог относительно легко пережить процесс секуляризации и адаптироваться к новым ценностям. Столетия средневекового господства Церкви дисциплинировали и даже дрессировали человека, сформировали в нем почти инстинктивное почитание семьи, традиций, власти, отношения к труду и т.д. Б.Н.Чичерин так охарактеризовал вклад католицизма в развитие европейского общества: «Западная церковь, проводя с изумительной энергией усвоенные ею начала, укротила грубые нравы и воспитала к новой жизни юные, вверенные ей народы. Смирняя произвол князей, заставляя их склоняться к подножию папского престола, она тем самым содействовала и развитию свободы. Сила духовной власти, вносявшей всюду начала порядка и дисциплины, сделала излишним чрезмерное развитие власти светской»¹².

В России серьезное религиозное образование и воспитание затронули только верхние слои общества. Русские философы еще в прошлом веке отмечали равнодушие масс к высшим авторитетам и духовному смыслу религии¹³.

Известное разделение единой и вселенской Церкви на Восточную и Западную не было исторической случайностью. Оно имело глубокий онтологический смысл и далеко идущие

социально-антропологические следствия. Напомним, что основанием раздора среди церковных иерархов явилось добавление, внесенное в христианский символ веры. Суть его сводилась (вникая в богословские установления) к утверждению об исхождении Святого Духа не только от Бога Отца, но и Бога Сына. Это означало в перспективе перенос акцента от трансцендентной устремленности помыслов человека к фокусированию на проблемах «здесь и теперь». Ведь Иисус пришел связать мир горний и мир дольний. И только от конкретизации акцента в интерпретации этого события зависело склонение чаши весов в сторону первого или второго. Уже здесь в потенции содержится переориентация Западной Церкви на дела мира сего.

Римско-католическая Церковь, приняв новый догмат, предопределила свою дальнейшую эволюцию к погружению в «социальное», его обустройство, используя притом глубоко укоренившиеся традиционные ценности. Это привело к рождению протестантизма, который был выстроен на таких качествах, как трудолюбие, ответственность, самостоятельность. Восточно-православная ветвь христианства предпочла полностью отвергнуть новый символ веры. Тем самым она утвердилась в традиции, но в то же время отделилась от мира дольного, отстранилась от участия в конструировании «социального».

Западная духовность пошла по пути освобождения личности на стезе социальных благ и трансформировалась в либеральные ценности. Православная, в первую очередь российская, духовность, оказалась накрепко привязанной к «запредельной» устремленности высших индивидуальных порывов при практически полном запустении социального «дела».

Российский тип религиозности был связан по преимуществу с интуитивно-чувственно-природной сферой человека. Акцент делался на природно-магической стороне вероисповедания, а не на социально-этической. Тому немало способствовало эстетическое и материальное богатство православного ритуала, его насыщенный символизм, поощрявший культ «сердечной», а не умственной жизни как истинного пути. Духовность виделась как специфическое качество вертикального восхождения в образе, свойственное пустынножительству. Аскетика понималась как работа прежде всего над самим собой, как внутреннее делание,

методология самосовершенствования. Духовность при таком подходе воспринималась более в **субстанциональном смысле, чем в функциональном.**

В своих социальных последствиях принцип созерцательности исключал творчество как преобразование чего-либо и развивал склонность к фатализму (на все воля Божья). Отсюда такие отличные от европейского характера черты российского человека, как пассивное переживание невзгод, долготерпение, отсутствие активного критицизма в отношении деяний властных структур и предпочтение позиции ухода от социальной деятельности вообще, массового эскапизма.

Разногласия между западной и восточной концепциями усилились, когда к исправлению главного догмата католики добавили догмат о «непогрешимости Папы в вопросах веры», который, очевидно, укрепил его претензии на мирскую власть. В итоге политическая ситуация европейского Средневековья определилась борьбой между двумя властями – церковной и светской. Острое противостояние власти папской и императорской достигло своей кульминации в известном «споре об инвеституре» (по вопросу о постановлении на церковные должности) между Генрихом IV и папой Григорием VII. Фактически это означало выстраивание **баланса** двух властей – церковной и светской. Самостоятельность обеих властей, с одной стороны, ускорила их конституирование преимущественно как **социальных** учреждений, а с другой – сам факт противоборства двух центров силы дал мощный импульс для развития политического диалога и индивидуализированной гражданственности. В отличие от Западной Европы восточная (византийская) ветвь христианства, напротив, породила тесный симбиоз государства и церкви с последующим первенством государства над Церковью – цезарепапизмом.

В результате раскола Римско-католическая ветвь христианства переориентировалась на посюстороннюю деятельность, сосредоточилась на исполнении своей социальной миссии. «Было сделано открытие, что христианство... может быть социально полезно для устройства царства кесаря...»¹⁴. Эволюция западной церковной доктрины претворилась в протестантской концепции «спасения», породившей социально плодотворную активную трудовую этику. Возможность «примирения» потустороннего и дольного миров де-

кларировалась через протестантскую интерпретацию идеи «спасения», которое достигалось через реализацию индивидом духа «мирской аскезы» – честного, постоянного, кропотливого и методичного повседневного труда, бережного и рационального отношения к использованию нажитого этим трудом капитала. Как свидетельствует М.Вебер, именно эти черты, положенные в основу «протестантской этики», создали тот «дух капитализма», на котором донныне стоит Европа. Социальная ориентация католицизма привела к активному развитию такого своеобразного явления, как привлечение к Церкви людей верующих не созерцательного плана, которые занялись благотворительной деятельностью, просветительством. Появилась возможность для возникновения разнообразных организаций мирян, что получило наименование «апостолата мирян».

Россия отличается от Европы как раз тем, что в ней на протяжении долгого времени концепция «спасения» сохраняла свою метафизическую интерпретацию, утверждая возможность прямой сопряженности дольного и верхнего миров. Послереволюционное распространение атеистического мировоззрения свело все наличное человеческое бытие к посюстороннему. Потенциальный спор между религиозным и светским началами был замещен полномасштабной «сакрализацией» государства. Вместо религиозного Бога в России укрепилось *Государство-Бог*. Тем самым была удержана и усилена склонность к «лиминальному» мировосприятию.

Сохранение метафизической устремленности к пределу, краю составило одну из коренных черт российского национального характера и глубоко вошло в природу человеческой личности. Академик Д.С.Лихачев пишет, что стремление во всем доходить до крайностей, до границ возможного составляет несчастье русских. Эту черту можно заметить в России во всем. Не только в пресловутых русских отказах от всех земных благ, но и в русской философии и в искусстве¹⁵. Он вспоминает поразительный по верности образ России, представленный еще в XVI в. Максимом Греком. Тот писал о России как о женщине, сидящей при пути в задумчивой позе, в черном платье. Она чувствует себя при конце времен, она думает о своем будущем. Она плачет.

Берег реки или моря, край света, пути и дороги для России являются весьма символическими не только в географической реальности, но и в политике, поскольку связываются с идеологическими

моментами – с решительными поворотами и преобразованиями в развитии страны. Первые стольные города Руси основываются на Великом пути из варяг в греки. Иван Грозный мечтает о переносе столицы в Вологду, и только случай заставляет его отказаться от своей затеи. Но уже Великий реформатор Петр реализует идею переноса центра империи на весьма опасный рубеж – к морю. «Столица на самой границе своей огромной страны! – думаю, это единственный в своем роде случай в мировой истории», – замечает Д.С.Лихачев¹⁶. Благодаря этой черте – доходить до крайностей – Россия не раз в истории находилась на грани чрезвычайной опасности. Причем «испытание пределом» происходило не только в координате пространства, но и в координате времени. Стремление к счастливому «бытовому» настоящему в ней всегда замещала мечта о счастливом будущем.

Тот факт, что над русской ментальностью довлеет лиминальность, подмечали многие философы. Так, Е.Трубецкой, размышляя над превратностями судьбы прекраснейших произведений древнерусской иконописи, указал на то, что они воплощались в двух крайностях. «Икона или превращалась в черную, как уголь, доску, или заковывалась в золотую ризу»¹⁷. Первое свидетельствует о пренебрежении, второе о неосмысленном почитании. Но и то, и другое не есть только лишь непонимание искусства. Оба ведут к забвению откровений прошлого. Оба свидетельствуют об отсутствии устойчивых критериев оценки исторической значимости, судьбоносности явлений. Это, возможно, указывает на то, что «в действительно существующем историческом сознании народа, общества, индивида нет монотонно нарастающей составляющей прогресса...», но тогда «там с неизбежностью будут существовать – и реально существуют – разрывы и провалы»¹⁸. Такое мировосприятие не только отрицает возможность учиться на ошибках. Оно есть показатель особой стихии развития, оно рождает специфические потенции исторической судьбы народа. В пережитом прошлом страны подобная логика не раз создавала приемлемость пути резких дискретных социальных скачков – революций.

Настроения устремленности к пределу, а также последствия феномена сакрализации государства воплотились в том, что для России, более чем для какой-либо другой страны, было свойствен-

но революционное экспериментирование – испытание на прочность коммуникации человека и государства. Но это есть своеобразный аспект маргинальной антропологии государственности.

В современном научном дискурсе понятие «маргинальность» (от лат. *margo* – ‘граница, грань, край’, *marginalis* – ‘находящийся на краю’) необязательно носит негативный оттенок исключенности, выпадения из социальной деятельности. Существует точка зрения, акцентирующая эвристическую и онтологическую ценность маргинальности. При этом понятие «маргинальность» коррелирует с понятиями «граница» и «предел» не только в значении статического пребывания на границе или у предела, но в смысле динамическом, т.е. как выражение самого процесса перехода, пересечения границы или достижения и преодоления предела¹⁹. Такой ракурс предполагает, что новые социальные структуры и отношения могут возникнуть только на границе, на периферии старых структур. Их становление происходит на изломе, в революции, при переходе через хаотическое состояние, когда меняются нормы и ценности, превращаются иерархии и формируются новые устойчивые системы.

Современная интерпретация маргинальности в антропологии стремится обнаружить предел возможностей, показать масштаб человеческого в человеке, исследовать духовные и интеллектуальные практики, которые находятся на грани или выходят за пределы общепринятых норм и традиций. Именно такого рода социальные эксперименты имели место в динамическом периоде становления российского социализма. Таковы макромасштабные события того времени: великие стройки коммунизма; программы индустриализации, коллективизации, культурной революции. Тот же дух маргинальной революционности был присущ социальным новациям среднего уровня и микроуровня: коллективизм быта, стремление поставить все возможные рекорды («дать всем рекордам наши имена»).

Эта тенденция сохраняется и в конце XX столетия. Для России с начала 1990-х гг. было характерно «решительное перевертывание перспективы, ценностей и методологический переворот, касающийся соотношения личности и общества, личности и государства, человека и среды»²⁰. Маргинальность экспериментирования качнула маятник в другую сторону: на этот раз в сторону полного отрицания государства. Понятно, что это было своеобразной всесокрушающей реакцией на недавний социалистический

эксперимент. В российском, преимущественно неолиберальном, мышлении возобладала антропологическая детерминанта, предполагающая широкое антропологическое движение при намеренном забвении и полном отстранении государства от дела «социального обустройства». Такая реакция объяснима, однако сегодня она рискует привести нашу страну к искаженному пониманию реалий и задач созидания постиндустриального общества, к новому отставанию.

Фактор территории, или антропология российской государственной телесности

Антропологическое исследование какого-либо объекта предполагает обязательное внимание к трем аспектам: телу, психике и сознанию и подразумевает описание их динамики и своеобразия.

Качественные трансформации государственного тела определяются прежде всего территорией, восприятием и отношением к ней человека. Уже первые попытки понять судьбу России в сопряжении с судьбой личности сформулировали неоспоримость географического фактора в интерпретации истории страны и народа. П.А. Чаадаев, которого нередко называют «пионером руссиеведения», считал существенным основанием для понимания российской специфики «факт, который властно господствует над историческим движением, который красной нитью проходит через всю нашу историю, который содержит в себе, так сказать, всю ее философию, который проявляется во все эпохи нашей общественной жизни и определяет характер, который является в одно и то же время и существенным элементом нашего политического величия, и истинной причиной нашего умственного бессилия: это – факт географический»²¹. Действительно, территория, ее характеристики определяют особенности формирования властных отношений в обществе и такие их частные аспекты как принятую в обществе «парадигму послушания», дисциплину, трудовую этику.

Прежде всего, следует отметить, что география воспринимается сегодня не как номенклатурный справочник открытых островов и морей, а как «хранительница специфической древней субкультуры, озабоченной пространством»²². Существуют устойчивые кар-

касы, инварианты, константы географической среды, ее генетический код, которые формируют информационно-культурные уровни географической реальности.

Динамика развития географического объекта состоит в том, что он стремится к точке своего территориального оптимума. Это означает, что на него действует сила, названная *давлением места*, или *позиционным давлением*. Под влиянием такого давления легкоподвижные объекты мигрируют. Менее подвижные меняют свои физические свойства или функции либо изменяют свое пространственное положение, формируя себе новую среду. Неспособные к миграциям или изменениям деградируют и даже погибают. Как верно заметили казанские географы А.М.Трофимов и Н.М.Солодухо²³, этот принцип перекликается с представлением Аристотеля о причинах движения: «Если тело находится на месте, свойственным ему по природе, то оно будет неподвижно; но если оно находится в месте, не свойственном его природе, то оно будет двигаться из места, где оно оказалось, к месту, указанному самой природой»²⁴.

Историческая устойчивость российского пространства, которое, периодически резко меняя свои конфигурации, всегда возвращалось к первоначальному состоянию, свидетельствует о том, что с точки зрения географии Россия приближена к своему территориальному оптимуму. Диалектика пространственного развития Советского Союза показала, что географические связи, скреплявшие Российскую империю, оказались прочнее царского самодержавия. «Караванные пути и постовые тракты сменялись железными дорогами и авиалиниями; на месте деревянных кремлей ныне высятся столичные мегалополисы, но сохранились прежние направления большинства путей и относительное иерархическое значение многих центров. Похоже, что само географическое положение обладает инерцией или потенциальной энергией, которая легко высвобождается и ускоряет развитие на проторенных путях, но тормозит необоснованные новации», – замечает российский методолог географии Б.Б.Родоман²⁵.

Очевидно, что чем дольше исторически существовала та или иная территориальная структура, тем она устойчивее и способнее к самовосстановлению. При этом следует подчеркнуть, что речь идет не об особом пути России, а о вполне прагматическом подходе к обновлению социальной и хозяйственной жизни, опираясь

на местные традиции, терпеливо приспособляясь к унаследованной ситуации. России нужно достойное собственное место, органически включающее нас в мировую цивилизацию, и поиск его должен базироваться на честном и глубоком осмыслении нашей истории и географии.

Современные исследователи отмечают, что российское коллективное «мы» отличает пространственное, «почвенно-земляное» представление о себе, собственной стране²⁶. О том свидетельствует исторический, в частности дореволюционный, опыт отождествления «народа» и «мира». Россия воспринималась как «мир», но мир подразумевает безграничность, что составляло основу энергетики русской экспансии, колонизации незанятых территорий. Одновременно, будучи установленными, границы стали восприниматься как сакральные, которые нельзя менять. Земли нельзя отдавать, ибо они суть «мир», они суть «мы». Территория и населяющий ее народ воспринимались как единое нерасчленимое целое. Неистовость обороны в периоды военных действий подкреплялась подсознательно ощущением «самообороны», сохранения собственной «телесности».

Стремление раздвинуть границы мира преобразилось в научных, технических поисках, творческих открытиях, общей креативности духа российского народа. В то же время первоначальный пространственный смысл продолжает ощущаться как органичный и современному человеку. Его отличает представление о своей стране как ««бескрайней», то есть бесконечно большой или хотя бы самой большой в мире»²⁷.

Главная черта российского пространства – это его огромность, которая задает тон формированию государственно-державных властных отношений и в то же время образует своеобразный тип личности – анархически-свободный, необузданный, волевой. Организация такого пространства требует относительно жесткого типа властвования. Становление «социального тела» – единого человеческого тела социального взаимодействия – в таком пространстве ожидает от властных структур определенных качеств. Это – прежде всего моральная ответственность, самоконтроль, напряженная активность. Именно эти черты подразумевались в категории «служения», которую личность в российском государственном пространстве исторически соотносила с культурой власти.

В условиях громадных пространств «служение» превращалось в сущностный мотив поведения, даже вопреки первоначальным намерениям и импульсам действия не только во властной среде, но и в среде народа. Анархическое своеволие породило в России такой особенный «человеческий материал», как казачество. Эта часть населения сформировалась в результате бегства смелых предприимчивых людей, ищущих свободы от государства. Они заселяли новые земли европейского Севера и Сибири. Они бежали от государства – и в то же время расценивали свои действия по колонизации новых районов как **служение ему**²⁸.

Огромность заселенного пространства порождала чувство защищенности, а значит жизнестойкость и уверенность в родовой неистребимости народа, исторический оптимизм. Это, в свою очередь, усиливало внутреннюю убежденность в том, что удастся пережить любые тяготы и трудности, которых действительно выпадало немало на долю российского народа. О.Шпенглер в свое время предостерегал Германию от войны с Россией, памятуя именно о грандиозности ее пространств. Такое государство невозможно победить, отмечал он, ибо народ будет уходить в бескрайнюю глубь собственной страны. «Население этой крупнейшей на Земле континентальной страны недосыгаемо для внешних нападений, – писал он в 1933 г., – Удаленность есть сила, которая политическими и военными средствами еще никогда не была преодолена... Что толку врагу от завоевания больших территорий? Чтобы сделать даже попытку такого завоевания бессмысленной, большевики переместили центр тяжести своей системы все дальше на Восток... Весь район западнее Москвы... представляет сегодня фантастический вал против “Европы” и может быть легко отдан, не приведя к крушению всей системы. Но поэтому любая мысль о нападении с запада стала совершенно бессмысленной. Она наткнулась бы на пустое пространство»²⁹.

И действительно, одним из коренных принципов географического «давления места» является постулат о том, что расстояние изолирует, заменяет стены. Дистанция – предмет стратегии и ее основа. И потому вызывает по меньшей мере удивление стремление «вождей перестройки» лишить страну ее огромного естественного стратегического преимущества вместо того, чтобы воспользоваться принципом *«приоритета уникальности»*, или

даже опереться на презумпцию *уникальности*. Ведь полноценно использовать местные ресурсы – это не значит поспешно разделить их или продать. Полноценно использовать местные ресурсы – значит в каждом месте делать прежде всего то, что можно делать только здесь.

Психоментальные аспекты российской государственной антропологии

Базовыми ценностями современной европейской демократии, которую призывают копировать в России, являются собственность, законность, гражданственность. Это, несомненно, важнейшие социальные приоритеты. Проблема, однако, состоит в том, что эти фундаментальные категории демократии не только прошли различный путь развития в Европе и в России, но по-разному воспринимаются общественным сознанием. Они иначе укоренены в исходных образах коллективного бессознательного.

Собственность

Индивидуализм западного образца сопряжен с уважением к собственности и иерархии богатства. Протестантская этика предполагает заботу о сохранении и приумножении капитала, накопленного предыдущими поколениями, отцами и дедами. Богатый гражданин – это почетный гражданин, заслуживший уважение сограждан тем, что долгим, честным и кропотливым трудом создал материальные сбережения.

Российская традиция пронизана отторжением какого бы то ни было стяжания богатства. Состояние годится лишь для того, чтобы его расточать, в лучшем случае раздать нищим. Бедность не рассматривается как порок, напротив, богатство видится как следствие несправедливого приобретения и нечестной наживы. Расхожее общественное мнение часто предаёт позору жадность и алчность, но никогда расточительство.

В этом отношении показательна разница в интерпретации библейской притчи о «блудном сыне». В западном сознании акцент делается на пренебрежении непутевого отпрыска к сохране-

нию отцовского богатства и труду над ним. Буквальный перевод английского «**prodigal son**», французского «**enfant prodigue**» означает «неэкономный», «расточительный сын», «транжира», «мот». В одноименном стихотворении Киплинга – это человек, не сумевший рачительно воспользоваться отцовским наследством и ставший социальным маргиналом, которого презирает родной брат и слуга³⁰. В славянском Евангелии фигурирует именно «блудный сын», а не «расточительный сын», как в других европейских языках. Подчеркивается мистически-странствующий характер духовного поиска указанного персонажа. В позднейших интерпретациях это – нередко подвижник, почти революционер, взыскующий правды-справедливости. Ему сочувствуют и на него возлагают смутные надежды на будущее.

Семантическая разница указанных словосочетаний свидетельствует о существовании противоположных установок общественного сознания, позволяет увидеть принципиально разные основания бытия человека. Но поскольку сама собственность представляет собой особый способ человеческого отношения к предметному миру, то в таком ракурсе онтология собственности есть сторона онтологии человека.

Исходным антропологическим фактом является противоречивость человеческого бытия, которая в концентрированном виде выражается в собственности. Человеческое «Я» в самом себе содержит элементы конкретно-индивидуального и родового начала, «историческое Я и вечное Я». Смертность человека, его безосновность и безопорность порождают стремление укорениться в мире. Индивидуальное, субъективное начало собственности исходит из желания преодолеть собственную малость и ограниченность и состоит в стремлении к освоению мира, слиянию с бытием. С другой стороны, та же конечность человеческого бытия вкупе с ограниченностью возможностей человечества в целом ориентируют личность на высшие ценности, на овладение культурой совокупного человечества, т.е. на полное и абсолютное слияние с вечным Я, с человеческим родом.

Как верно замечает российский исследователь В.К. Гавришин³¹, собственность переживается человеком в трех аспектах. Во-первых, она становится опорой и основанием «моего бытия», тем, что укореняет меня в бытии. Земельный участок, дом, счет

в банке – символ устойчивости. Они не только являются удовлетворением конкретных потребностей, для них характерно то, что они переживут своего хозяина и сохранят отпечаток его личности. Именно поэтому утрата собственности воспринимается как посягательство на часть человеческого «я», его телесности. Более того, потеря собственности ощущается трагически как крушение, как осознание того, что мир рушится. Во-вторых, собственность есть средство самоидентификации. Она есть то, что отделяет меня от других и определяет мой статус, мое место в социальном пространстве. Такой аспект интерпретации собственности выделяет человека из безликой общности, подтверждает его право на индивидуальность или же принадлежность к значимому для него кругу людей. Будучи модификацией телесности, собственность срастается с собственником и создает границу индивидуального мира. Наконец, в-третьих, собственность является средством экспансии «Я», его безграничного расширения, что воплощается в наращивании предметов собственности.

В экзистенциальной структуре российского человека преобладает ярко выраженное кочевническое степное начало, которое, в определенной мере, противоречит стремлению к укорененности, убедительно проявляющем себя в европейском моральном самообязывании перед трудом предков, в почитании собственности как сохранения волевых усилий, опредмеченных в имуществе. Основанием европейской культуры был «полис», российская культура вышла из «поля». Европейское пространство родилось из ограниченности и всегда стремилось к отграничению. Российская телесность характеризовалась бескрайностью и вскармливалась идеей изобилия Земли Русской. Для европейца собственность воплощалась прежде всего в желании закрепить и отграничить свое индивидуальное право на место. Для россиянина такого рода собственность воспринималась скорее как обуза, что подпитывалось православной традицией, в которой горнее превалировало над материальным, соборность над индивидуальностью, созерцательность над действием. Очевидно, такой менталитет нельзя назвать коллективистским в собственном смысле слова. Он близок к восточной ультимативности, ориентирован на мессианские ценности, для него характерна устремленность к предельности, абсолютности бытия, неприятие любого рода границ. При этом важно

отметить, что экспансионизм русской кочевнической стихии, облагороженный религиозной метафизикой, носит духовный характер. Он зиждется на стремлении освоить общечеловеческие ценности, внять культурным идеалам, духу разных народов. (Вспомним блоковское: «Нам внятно все: и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений»).

В российской интерпретации собственности родовое начало имеет явное преобладание над конкретно-индивидуальным. Более того, в российском сознании сильна антисобственническая ориентация, которая исходит из отрицания ценности индивидуального бытия в пользу бытия высшего, воплощенного в Боге или в человечестве. Она восходит к формуле, гласящей, что «в действительности не человек владеет вещью, а вещь обладает человеком, связывает его, делает несвободным, вносит раздор в среду людей»³². Глубинные основания антисобственнической ориентации лежат в стремлении к подлинности человеческого бытия, в желании освободиться от власти вещей и отчужденных форм существования. Антисобственническая направленность мышления рождена убежденностью в том, что возможно сделать человека целью, а не средством. К сожалению, именно эта ориентация, позитивная по своему высшему смыслу, в современной бездуховной и морально-упаднической реальности оборачивается небрежительно-растратным поведением большинства современных внезапно разбогатевших «новых русских».

В российском восприятии вообще силен акцент на «блуждании», поисках в вере, странничестве, неприкаянности в земной жизни, которое накладывает определенный отпечаток на отношения в хозяйственной сфере. В этом смысле русский человек до сих пор остается тем самым «таинственным незнакомцем» в среде общепринятых экономических деловых взаимоотношений, о котором так много писала русская литература и философия³³. Кочевническая стихия русского человека, мистически-сказочное самочувствование заставляют его воспринимать все земное как преходящий лик этого мира, существующее только предварительно, «до времени и между прочим»³⁴.

Восприятие это отягощено тем, что природа на Руси обращена к человеку своей угрожающей стороной, и потому отношение к природной среде – не деятельностно-творческое, а приспособительно-

пользовательское. Русский человек легко переходит в природу, как бы растворяется в ней. Это – не «фаустовский» человек Запада. Он не возделывает, не перерабатывает природу, не превращает ее, сознательно очеловечивая, а потребляет, непосредственно воссоединяясь с ней. От далек от оптимизма, от непоколебимой уверенности в земную позитивность прогресса гончаровского Штольца. Он приемлет творческий потенциал прогресса как устремленность в будущее, «за предел».

Катастрофичное мироощущение, изначальная неприкрепленность, непредназначенность к укорененной и обстоятельной жизни мешают русским воспринимать и продуцировать цивилизационные перемены, отмечают современные исследователи³⁵. Восприятие природы у русского человека созерцательно-философское, а не деятельно-трудовое. Если и присутствует в этой активности некая страсть, то она происходит более из борьбы со страхом человека, никак не могущего справиться с гоголевским «заколдованным местом» своего бытия.

Оборотной стороной и следствием созерцательности становится то, что в России формируется специфическая «культура бедности». Н.О.Лосский приводит следующие замечания немецкого исследователя Шубарта: «Среди европейцев бедный никогда не смотрит на богатого без зависти, среди русских богатый часто смотрит на бедного со стыдом»³⁶. Российское «нищелюбие» – это не только особое милостивое отношение к просящим подавание. Оно шире. Это также некий мистический страх показать себя богатым. Богатством не принято хвалиться, его нужно скрывать. Обратной стороной такой установки является жажда получить «нежданное» или даже несправедное богатство. Отношение к нему соответствующее – его тратят, не раздумывая, а не стремятся сохранить и приумножить, опираясь на чувство «заботы об отцовском капитале», трудах предков.

«Культура бедности» европейского разорившего предпринимателя или американского жителя негритянского гетто базируется на ощущении себя маргиналом, что является сигналом к преодолению этого состояния. Русское «нищелюбие» как бы санкционировано свыше. Оно также есть умение «выжить», преодолеть неблагоприятные природные условия, «предустановленные изначалью, Богом данные», а не сократить социальную дистанцию, которая есть творение рук человеческих.

Западная предприимчивость, американская нацеленность на «успех» в психологическом плане требует демонстрации результатов – от достижений на поприще карьеры до бытового «счастья в семейной жизни». В американских офисах, например, принято иметь на столе фотографии своей жены, детей, которые воспринимаются как признак «состоявшегося» человека, что кажется совершенно нелепым и странным у нас. Российская нелюбовь к условностям дополняется глубоко укорененным анархическим неподчинением власти и одобряет неприязнь к иерархическим отношениям «лицом к лицу», что влечет за собой необязательность и самих социальных достижений.

Негативный эффект подобных психологических установок сказывается на приоритетах современных российских предпринимателей. Движущие силы российской экономики не укладываются в западные принципы максимизации прибыли, но они не тождественны также восточной концепции минимизации риска, выросшей из культуры выживания в условиях крайней бедности. Действия российских бизнесменов – это поведение «временщиков», на которых свалилось или которые «урвали» нежданное и несправедливое богатство. Прикрываясь фразами о демократии, такие новые «собственники» не обладают главными преимуществами и стимулирующими мотивами приобретения собственности – гражданской ответственностью и заботой о собственности, которые позволяют совместить частный интерес с интересами общего блага, вдохновляясь идеалом служения обществу.

Характерной чертой русского общества долгое время было презрение к буржуазной сосредоточенности на собственности. Н.О.Лосский отмечает, что «в русском живо чувство, что собственность владеет нами, а не мы ею, что владение означает принадлежность чему-то, что в богатстве задыхается духовная свобода»³⁷. Отсюда родилось отождествление обладания собственностью с мещанством, под которым часто понималось приверженность к земным благам, стремление «жить как все», иметь комфортные условия жизни. Литературная традиция в лице Герцена, Достоевского, Л.Толстого с отвращением описывала мещанский характер жизни в Западной Европе. При этом термин «мещанство» включал и такие социально продуктивные характеристики трудовой этики, как умеренность, аккуратность. Все

это квалифицировалось как «коллективная посредственность» и противопоставлялось свободе и достоинству личной индивидуальности³⁸.

Непродуктивное отношение к собственности на индивидуальном уровне сопрягалось с укоренившимся незначительным распоряжением общественной собственностью. Исторически сложилось так, что вся Русь принадлежала одной княжеской семье, которая постепенно делила и переделывала свои владения. Итогом стало то, что, как подчеркивали многие исследователи, в России отсутствовала и до сих пор отсутствует «западная идея собственности», ей противопоставалась так называемая «вотчинная» структура имущественных отношений.

Европейская традиция явилась логическим оформлением воззрений римского права и унаследовала римский правовой индивидуализм. В его основе лежало положение, что собственность есть результат волевого или силового захвата единоличного человека, который отвоевал ее в борьбе с другими. Собственность определялась как нечто, на что наложена рука (*mancipio*), а сам собственник был тем, кто способен взять рукой (*hegus*). На почве римских правовых представлений возникли многочисленные европейские теории собственности, «основой которых является идея завладевающей миром личности, договаривающейся с другими личностями по поводу захваченного ею, – и таким образом устанавливающей собственность»³⁹. Такая интерпретация собственности квалифицируется исследователями как **абсолютная собственность**. При абсолютной собственности общество имеет по отношению к собственнику только отрицательные обязанности: терпеть, не вторгаться, воздерживаться от вмешательства. Именно такое понимание собственности стало фундаментом европейского либерализма. Оно основывается на праве **безусловного** присвоения и трансформируется со временем в понятие абсолютного собственника, «единственного и его собственности».

По мнению российских исследователей, римский индивидуализм и соответствующая ему интерпретация собственности чужды представлениям народов России. Само понятие собственности возникло в русском праве не ранее XVIII в. До тех пор оно заменялось словом «владение», «вотчина».

Более того, нередко категории «собственность» и «владение» воспринимались как тождественные, что указывает на то, что в русском праве личности не приписывалась безусловная сила присвоения. Присвояемое принадлежало не только тому, кто положил свою руку, оно принадлежало также Богу и государству⁴⁰. Соответственно, в России была принята другая форма собственности – **относительная, или функциональная**. Относительная собственность включает момент публично-правовой ограниченности и предполагает целый ряд социальных обязанностей, которые лежат на собственнике и его связывают. Права ограничиваются обязанностями. При относительной собственности общество приобретает по отношению к собственнику некоторую положительную миссию. Для нее не характерна обязанность терпеть любые действия собственника. Государство может вмешиваться в права собственника, может ограничить его свободу и даже лишить его права в случае явного злоупотребления своим правом, наносящим вред общественному целому.

В связи с этим евразийцы указывают на необходимость различия между двумя видами собственности: собственностью-управлением (лат. «*possessio*») и собственностью-господством (лат. «*dominium*»). **Первый тип собственности широко распространен** на Западе и вытекает из либерально-индивидуалистической логики максимизации личного выбора. Эта концепция выводит все общественные явления из отношений индивида к индивиду. Государство в ней видится как один из индивидуумов. В такой теории всякое ограничение отношений собственности сверху воспринимается либо как печальная государственная необходимость, либо как несомненное правонарушение.

Вторая разновидность хотя и предполагает неограниченное эксплуатирование занятых участков государственной земли, предусматривает сохранение собственности как **dominium за государством**. В России собственность всегда рассматривалась с точки зрения государства, которое призвано поддерживать целое как многоединство. *«Понятие собственности строится не индивидуалистически, не из индивидуума, которому потом аналогизируется государство, но – политически, т.е. из симфонического целого, которое как единство, и утверждает всякое индивидуальное право»⁴¹*, – пишут евразийцы.

Отрицательным моментом функциональной интерпретации собственности является то, что на всем протяжении российской истории ни одно сословие не было воспитано в рамках полномасштабного обладания собственностью. Его заменяла категория пользования. Мир крестьянского общинного хозяйствования соприкасался с дворянско-помещичьими имениями, которые фактически были арендой. Дворяне не имели полных прав на свои поместья. Они были им отданы царем во владение на условиях обязательного несения царской службы. Вотчинная идея государства как нераздельность прав суверена с правами собственника – политического и экономического аспектов властвования – дожила до XX в. Император Николай II при заполнении анкеты переписи населения в 1897 г. именовался «хозяином земли русской».

Стремление сохранить целое породило «обратный эффект» неукорененности в собственности даже слоя «власть предержащих». Главное различие между Русью и Западом состояло здесь в направлении интересов: князья стремились не расширить и укрепить свой наследственный удел, а обменять менее выгодный удел на более выгодный⁴².

Такова и современная местная управленческая бюрократия, которая оформляется в качестве «князьков в новых бюрократических уделах». Наследуя подобную матрицу собственности, современные региональные власти сохранили и усилили беспринципное и незаинтересованное отношение к той собственности, которую они получили в результате процесса федерализации начала 1990-х. Региональная высшая администрация не почувствовала себя хозяином, призванным печься о полученных богатствах, приумножать их во имя общего блага. Она вела себя как временщик, который стремиться как можно больше «прихватить» для себя в ожидании смены чина и места властвования.

Особенности российской интерпретации собственности свидетельствуют о том, что российская ментальность сохранила отдельные черты традиционного религиозного отношения к миру. Собственником мира является Бог, а в новом прочтении – государство как сверхличный и безличный субъект. Человек же – только владелец. Российское сознание удерживает признание того неоспоримого факта, что деятельность человека ограничена и заклю-

чается только в оформлении уже существующей материи. Материя дана ему изначально в пространстве и времени. Он только организует ее, придает ей конфигурацию в соответствии со своими нуждами, поскольку испытывает необходимость в определенной форме вещей. Тем самым российская ментальность сохраняет ощущение подчиненности человека. Он не есть безусловный и абсолютный хозяин мира, «царь природы».

По сути своей, это очень современное сознание, поскольку оно есть сознание глубоко экологическое. Такое сознание коренным образом расходится с классическим европейским, которому, начиная с Возрождения, был привит взгляд, что господство человека над миром естественно и безусловно. Раннее капиталистическое мировоззрение строится на центральном постулате об исключительности прав самочинной самовольной человеческой личности. Для позднекапиталистической эпохи и современной ситуации на Западе характерно повсеместное признание внедрения экологической доминанты в отношении к миру, что находится в гармоничном соответствии с архетипической направленностью российского сознания.

Новый российский либерализм привел, однако, к появлению на свет именно раннекапиталистической разновидности мировоззрения с ничем не ограниченными притязаниями собственности. Ему соответствует агрессивный, претендующий на грубый захват и жесткие формы борьбы собственник, враждебно настроенный не только по отношению к другим людям, но и к обществу в целом, прежде всего в лице государства, которого он почитает своим первым врагом. Понятно, что такая собственность, как и сам такой собственник, не принимаются народным сознанием, поскольку они входят в резкое противоречие с глубинными архетипическими ожиданиями.

Важной особенностью идеи собственности является то, что она формирует ощущение границы, пределов человеческой экспансии. Именно это чувство внутреннего постановления предела, препятствия для другого лежит в основании главного принципа демократии, гласящего, что свобода одного субъекта заканчивается там, где начинается свобода другого. Это, в свою очередь, есть твердый фундамент субъективного восприятия закона.

Законность

Что касается принципа законности, то здесь мы соприкасаемся с самим ядром этики, сыгравшим роковую роль в русском гражданском развитии.

Не существует русских параллелей к легендам о праведном суде Карла Великого, Людовика Святого или Гаруна-аль-Рашида. Русский человек или выше закона, или ниже и почти никогда не способен «ценить закон за его специфическую функцию, как этический минимум или необходимое опосредование между Царством Божьим и звериной борьбой за существование», – замечает русский философ Г.П.Федотов⁴³.

Даже просвещенный слой российского общества всегда отличался и продолжает отличаться пренебрежительным отношением к закону. Б.Н.Чичерин указывает на широкое распространение правового нигилизма в характере того слоя, который является носителем образцов поведения в обществе. «Русский либерал, – пишет он, – теоретически не признает никакой власти. Он хочет повиноваться только тому закону, который ему нравится. Самая необходимая деятельность государства кажется ему притеснением. Он в иностранном городе завидит на улице полицейского чиновника или солдата, и в нем кипит негодование. Русский либерал выезжает на нескольких громких словах: свобода, гласность, общественное мнение, слияние с народом и т.п., которым он не знает границ, и которые поэтому остаются общими местами, лишенными всякого существенного содержания. Оттого самые элементарные понятия: повиновение закону, потребность полиции, необходимость чиновников кажутся ему порождением возмутительного деспотизма»⁴⁴.

Наконец, та же ситуация наблюдалась (и наблюдается) в правящих кругах российского государства. «Русский, какого бы звания он ни был, – писал А.И.Герцен, – обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно так же поступает правительство»⁴⁵.

Трудности воспроизводства в России идеи законности в европейском ее понимании связаны во многом с расхождениями в трактовке идеи справедливости.

Западная правовая реальность исходит из единства нравственного и правового смысла идеи справедливости. Там существует ныне единый термин «justice». Господствует представле-

ние о том, что этические нормы не противоположны идее права. Напротив, право есть лишь формализация базовых исторически сложившихся моральных требований, выстраданных и глубоко пережитых членами единого сообщества. В результате образуется ситуация, когда право и закон уважают. Право и закон обладают авторитетом, а это означает, что существует принципиальное глубинное фундаментальное *согласие* граждан на подчинение им. Право и закон, а также основанную на них власть признают не только и не столько как источник силы, но прежде всего как то, что вызывает уважение и согласие всех. Характерно высказывание одного из самых заметных российских правоведов дореволюционной эпохи А.Ф.Кони об общественном сознании Англии, где, как он пишет, «...живое правосознание разлито в население, где чувство законности и государственного порядка вошло в плоть и кровь общества...»⁴⁶.

Русское народное правосознание исторически противопоставляло право и мораль. Закон в России никогда не ассоциировался в общественном сознании с нравственной, моральной основой, что породило правовой нигилизм и цинизм⁴⁷. Сам термин «справедливость» не существовал в русской лексике вплоть до XVII в. Представления о тех признаках и свойствах, которые впоследствии вошли в состав понятия «справедливость», выражались широким спектром слов, объединенных общеславянской корневой морфемой «-прав-»: правда, праведный, правило, правильный⁴⁸.

Само слово «справедливость» приходит в Россию через дипломатические миссии, т.е. из-за рубежа, и постепенно приобретает три коннотации и начинает восприниматься как: 1) как истина, точность; 2) как воздаяние должного, т.е. как нравственная категория, как добродетель; 3) как собственно юридический смысл, как беспристрастность и формальное равенство. Зависимость от предшествующего развития, склонность к восприятию справедливости как «правды» естественным образом предопределила доминирование первых двух значений в русском общественном сознании. Характерно также, что в значении беспристрастного отношения справедливость интерпретируется как «воздаяние должного», а не как формальное юридическое равенство. При этом динамика смыслов, смешение акцентов происходит в направлении от индивидуальной этики самосвер-

шенствования к социально-философскому дискурсу. Проблема справедливости воздаяния становится прежде всего проблемой устройства общества.

Право как истина, т.е. то, что верно фактически и существует независимо от человека, в реальном поле России претворилось, в частности, в многовековом «крепостном праве». Подавляющий, жестокий, аморальный характер такой реальности, очевидно, не способствовал тому, чтобы такое право было признано справедливым. Оно не могло стать «правдой». Соответственно, отношение к «закону» как производному силы и тиранического права не сопрягалось с уважением. Ему противостояла «правда», которая вырастает из морали и подотчетна только требованиям совести.

Справедливость, ассоциируясь с «правдой», превращалась в поиск абсолютной правды, моральной правды. Ее почитали как высшую этическую ценность, противопоставляя относительной ценности – праву. В стремлении к достижению высшей этической ценности (в частности, революционной справедливости) можно пренебречь относительной ценностью – правом. Таковы были основания российского террора второй половины XIX в., который оправдывали высокими нравственными целями борьбы с царским режимом. С другой стороны, для русской культуры традиционна духовно-нравственная, теологическая семантика слова «правда» (праведник, правдоискательство и т.д.), что укрепляло позиции понимания справедливости как дихотомии «внутренней» и «внешней» правды, как противопоставления душевной жизни личности и политики. Упрочивался разрыв и даже конфликт между справедливостью-юстицией и справедливостью как нравственным идеалом.

Власть традиции столь сильна, что и сегодня в сознании граждан закон как сила власти противоположен справедливости как высшей моральной ценности. А потому в России закона принято скорее бояться, чем уповать на него и соглашаться с ним.

Традиционное для России раздвоение права и справедливости привело к тому, что создало две параллельные реальности: «жизнь по закону» и «жизнь по понятиям». Причем первая реальность до сих пор остается гипотетической, вторая – действительной. Широкое проникновение тюремной лексики в повседневную жизнь российских граждан, являясь ключевым элементом совре-

менной интерпретативной реальности⁴⁹, подтверждает преобладание «неписаных» ценностей и норм, а также общего невнимания к закону в нашем обществе.

Патернализм и гражданская ответственность

Почти все российские авторы, начиная со славянофилов, отмечают склонность народного сознания к патерналистскому попечительству со стороны власти. Нередко это объясняется чрезвычайно трудными природно-климатическими условиями проживания и производства, наследием общинного быта, долгой традицией подневольного крепостничества. Эти факторы оказали определенное воздействие на формирование указанной черты. Однако далеко не всегда сам патернализм был равноценен безвольному послушанию и покорности властям, породившим деспотизм и тиранию. История свидетельствует, что воплощение патернализма предусматривало в первую очередь требование ответственности власти, избирательный поиск народом «пригодного» властителя, ориентированного на достижение «общего блага».

Призвание князей-варягов по летописной легенде осуществлялось союзом племен и прежде всего предполагало «служение». Первоначально князья выполняли роль военных специалистов. Князя призывали, чтобы он послужил стране, а не повелевал ею. По свидетельству Г.П.Федотова, князь был не столько правителем, сколько защитником и воином⁵⁰. При этом контроль со стороны общества в Древней Руси был силен и эффективен. Так, новгородских князей даже не пускали жить в пределах города, чтобы избежать диктатуры⁵¹.

Таким образом, в России складывалось своеобразное чувство иерархии, которое характеризовалось некоторыми авторами как «бытовой демократизм». Позднее наиболее ярко он проявлялся в нелюбви к условностям, порою принимающей крайние формы, как это было в среде российских нигилистов XIX в. «В числе многих парадоксов русской жизни один из самых замечательных тот, что политически Россия была абсолютной монархией, а в общественной жизни в ней была бытовая демократия, более свободная, чем в Западной Европе»⁵², – отмечал Н.О.Лосский.

Европейская традиция исходит из непреложного уважения иерархии. Человек, знающий свое место в мире, должен смиряться перед высшим: Богом, императором, начальником, богачом. Российское мирозерцание легко опрокидывает иерархию, часто буквально выворачивая ее наизнанку (обращение юродивых к царю с требованиями отчета перед Богом и «миром»), требует взаимного обязательства, которое должно осуществляться не только между равными, но между высшими и низшими.

Правовая и политическая история России, как и Европы, во многом определена религиозной историей. Склонность к патернализму находит яркое отражение в концепции царя-спасителя, которая уходит корнями в глубокую древность. Однако она имеет принципиально различную эволюцию в европейском и российском контекстах. Уже древнеегипетская формула власти, оказавшая влияние на европейскую античность, предполагала четкое разграничение человеческого, актуально светского и божественного в образе правителя. Божественной священной считалась должность, но не личность фараона. Вечный двойник-помощник фараона («Ка») был воплощенным Богом (Гором или Осирисом), но в своем актуальном бытии фараон оставался смертным человеком⁵³.

Дальнейший ход европейской истории, проходившей под знаком долгой борьбы между папами и европейскими монархами, их взаимные беспощадные обличения приучили европейцев критически относиться к любым институтам власти. Они не видели ни в светской, ни в духовной власти непререкаемого «сакрального» авторитета. В конечном счете это привело к тому, что личностное начало европейской истории воплотилось в полисубъектности европейского общества.

Российская императорская идея и модель властвования унаследовали восточно-ромейскую (византийскую) матрицу, в которой василевс провозглашался наместником Христа. В эпоху Ивана Грозного окончательно оформилась религиозная доктрина власти, согласно которой московский великий князь был признан не просто «могуществом, силой Бога на земле», а его реальным воплощением – спасителем, мессией всего народа Божьего⁵⁴.

В отличие от европейской модели общественного устройства, в которой развитое личностное начало претворилось в идею развитого политического общества, российская модель оформила

власть как личность. Западной идее государства как института была противопоставлена идея государства как «моральной личности». Как отмечал К.Д.Кавелин, анализируя «тайный смысл» русской истории, «царь, по представлениям великорусского народа, стал воплощением государства... Царь есть само государство – идеальное...»⁵⁵. И только Петр Великий ввел в русскую политическую мысль идею государства как института. Однако в то же время родилась идея особого ответственного этического **служения** первого лица государства благу народа.

Сам Петр стал ярким воплощением эффективной «личности» русской власти. Он был «первой свободной великорусской личностью»⁵⁶, создав тем самым особый строй русской власти, которая характеризуется, по выражению Ю.С.Пивоварова, моно-субъектностью⁵⁷. Фактически сложилась такая система властвования, при которой на протяжении длительной и сложной российской истории только власть оказывалась и оказывается способной на положительное переустройство. При этом общество, и в частности элиты, не только бессильны, но часто встают в непродуктивную оппозицию реформам, мешая преобразованиям и создавая прекрасную иллюстрацию известной пушкинской мысли о том, что «правительство все-таки единственный Европеец в России»⁵⁸. Это, замечает поэт, надо бы прибавить не «в качестве уступки цензуре, но как правду»⁵⁹.

Эта функция особой ответственности власти, выходящей за рамки простой патерналистской опеки, привела в ходе исторических трансформаций «к различению в русской философии права между двумя родами властных отношений – между властями хозяйскими и властями служебными»⁶⁰. Хозяйская власть определяется как такая, которая осуществляется над тем, что является только средством. Именно такова власть собственника, экономического хозяина. Служебная власть (или власть социального служения) есть власть над тем, что есть не только средство, но и цель в себе. Она имеет, следовательно, особую, высшую ценность. Таковы властные отношения над людьми, в семье, в обществе, в государстве⁶¹. Указанный своеобразный «служилый» характер власти есть отличительная черта российской государственности, которая, таким образом, приобретает этическое измерение в отличие от сугубо институционального западноевропейского понимания феномена государства.

Позитивно-личностный характер власти дополняется широким общественным «нестроением». Отсутствие социальной привычки к договорному типу взаимоотношений, т.е. к отношениям, основанным на законе, создает питательную почву для патернализма, но уже другого уровня и характера – покровительства, граничащего с nepотизмом.

В условиях необеспеченности контрактом доверие между партнерами невелико. Возникает желание минимизировать риски, опираясь на архаическую родовую связь. Общество рассыпается на мозаику малых групп, члены которых доверяют только близким, хорошо знакомым людям и не доверяют всем остальным. Так, по данным современного опроса российских предпринимателей (выборка 174 человек из семи регионов РФ), 45 % респондентов привлекают в свой бизнес родственников, в том числе 25 % – в качестве партнеров⁶². Но доминирование персонифицированных отношений создает «заколдованный круг», мешающий утверждению идеи законности в обществе, т.к. предполагает прежде всего поддержку выживания «своих» при игнорировании законных требований «чужих». Персонифицированные отношения мешают формированию и усвоению универсальных норм – кратчайшего пути к уважению формального законодательства как принципа жизни. Не возникает общества как единого нормативного пространства.

Таким образом, основой взаимоотношений становятся не формальные нормы права, а те ценности, традиции, «рутины», которые часто нигде не зафиксированы и не осознаны, но гораздо основательнее «программируют» поведение людей, чем кодексы и законы. Ситуация, которая упрочивает положение, когда основой жизни остаются заповеди, записанные в головах, а не законы, записанные в кодексах и инструкциях, малоперспективна. Современные российские исследователи Н.О.Латов и Т.А.Новик, изучающие культурные особенности и этнологические причины возникновения теневой экономики и коррупции в стране, отмечают, что «можно принять сколь угодно замечательные законы, но если люди привыкли решать свои проблемы не по закону, а по “справедливости”, то эти законы все равно окажутся мертворожденными»⁶³.

С таким заключением невозможно не согласиться. Но в то же время очевидно, что ситуацию не изменишь указом или декретом, приказывающим всем в одночасье стать законопослушными

гражданами. Распространение правовой культуры тесно связано со становлением в стране активного политического общества. Общество, действительно, должно стать гражданским, т.е. обрести общественную солидарность как самостоятельное качество, способное критически оценивать действия властей. Проблема, однако, заключается в том, что предпосылки и ожидаемые формы самой этой солидарности иные, нежели европейские.

В европейских теориях принято резко разводить понятия индивидуализма и коллективизма. В российской модели возникла не только особая харизматическая персонификация личности сильного властителя – спасителя Отечества, но и особая диалектика солидаризма личности и общества. Российская солидарность воплотилась в формуле, в которой общество рассматривалось как «дополненная или расширенная личность, а личность – сжатое, сосредоточенное общество»⁶⁴. «Солидаризм» понимался как общий принцип, заключающий в себе как индивидуализм, так и коллективизм. В российском контексте жизнь человека виделась как «лично-общественная», и, соответственно, солидарность трактовалась как тесное глубинное переплетение двух принципов – индивидуализма и коллективизма. Индивидуализм в чистом виде отождествляется с превращением человеческого существа в животное, в пустую форму. Коллективизм в чистом виде делает общество сборищем «нравственных нулей». И только объединение этих двух принципов способствует появлению настоящего человека⁶⁵. По мысли Вл. Соловьева, реализация принципа солидаризма возможна только при успешном выполнении задачи по усвоению и личностями, и обществом солидарности со стороны всех и каждого.

Это означает, что сегодняшней России придется искать свой вариант решения классической дилеммы между тем, как на практике согласовать *принцип солидарности* (по которому общество имеет обязательства перед своими членами) с *принципом личной ответственности* (в соответствии с которым каждый индивид является хозяином своей судьбы и отвечает за себя сам). В этом отношении, несомненно, европейский опыт может оказаться полезным. Однако он не заменит конкретно-исторического экспериментирования, которое одно способно адекватно ответить на локальные запросы и сформировать соответствующую времени и месту национальную и политическую идентичность.

В недавно открытой работе крупного российского философа Б.П.Вышеславцева, посвященной анализу русского характера через призму фольклорного материала, есть пронизательное замечание о том, что «горе» как-то страшно привязывается к русскому человеку, неотступно его преследует, доводя до последней черты, до конца, до предела. Вдобавок, русскому человеку непременно нужно дойти до отчаяния, прежде чем он подумает о спасении. При этом, замечает Б.П.Вышеславцев, существует огромная разница между внешней судьбой греков, которая покоится на незнании, на заблуждении и рождает волевой импульс для ее преодоления, и русским «горем», которое «здесь сидит в самом человеке»⁶⁶, и есть его собственная воля, а точнее собственное безволие. Именно такое, замешанное на безволии, радикальное «недеяние» закодировано в знаменитой сказке о Емеле, который лежа на печи на всякое предложение пальцем шевельнуть для какого-нибудь дела неизменно отвечает «Я ленюсь». Но у Емели-то была «волшебная щука», и ему можно было надеяться на чудо.

В российской современности именно эта пассивность, бездельность, **безволие** – глубинная причина практически всех национальных неудач и социального попустительства. Е.Н.Трубецкой в своем эссе о поисках русскими «иног царства» поразительно точно охарактеризовал исторические результаты подобного безволия. «...Оттого-то современная Россия оказалась в положении человека, которого разорвали в глубоком сне», – замечает он⁶⁷. Дело в том, что русский человек совершенно забывает о своей, личной ответственности, надеясь на помощь извне.

Европейский индивидуализм сопряжен с практической деятельностью, с общественной активностью, с каждоминутной включенностью в события, с напряженным отслеживанием изменений и угроз. Российский человек если и «индивидуализируется», то впадает в крайности анархизма и агрессивности, враждебности другим и миру. Для того, чтобы российский индивидуализм был плодотворен, необходимо, чтобы он чувствовал свою включенность в сообщество. А потому нам нужно искать некую иную, свою, по верному выражению Вл.Соловьева, «лично-общественную» форму социальной жизни. Нужна новая «собирающая нравствен-

ность»⁶⁸, которая будет оказывать прямое воздействие не только на «лучших» людей, но на средних и даже плохих людей, входящих в состав общественного целого.

Российский характер и российскую судьбу, несомненно, задает ее телесность, и прежде всего бескрайность ее просторов. Именно она дает возможность уйти от конфликта, который составляет динамику всякого развития. Противостояние рождает столкновение интересов, а значит, выработку правовых установлений и начал социальной, а не только религиозно-этической справедливости. Противодействие вызывает сопротивление, которое вырабатывает упорство и тщательность трудовой деятельности. Наконец, стесненность вызывает к жизни гражданственность, выработку политических мнений и позиций.

Ограниченность пространственных возможностей сотворила европейские социальные приоритеты, которые показали миру и человеку достойные перспективы гражданского развития. Но та же стесненность привела к развертыванию «виртуальности», которая в экономической и финансовой реальности обернулась невиданным доселе крахом – кризисом, не имеющим «ни образа, ни подобия» в прошлом. «Экстерриториальность», ставшая главным козырем современности, реализовала «бестелесность», главным образом в ее финансовой форме. И поскольку в новой действительности миром правят финансы, то заговорили уже не о конце истории, а о «конце географии», об уничтожении пространства и сродненных с ним понятий – государства и государственности. Россия, как и ранее, оказалась узловой точкой «территориального кризиса» – она, как никакая другая страна мира, пережила распад физических связей и сильнейшую экзистенциальную катастрофу.

Однако говорят, что «сущность молотка» постигается в тот момент, когда он ломается. Осмысление сегодняшнего кризиса хотя и далеко от своего полного завершения, с неумолимостью выявило огромную значимость государства в его первоначальном значении, включая теснейшую связь с территорией. По общему признанию, только обращение к помощи государства может помочь пережить трудные моменты теперешней истории народов. Повсюду растет внимание к разумному и продуманному государственному регулированию экономических и финансовых процессов. Для России

такой поворот оказывается особенно важным, ибо территория формирует ту «целостность жизни», которая лежит в основании складывания идентичности и сплоченности людей, без коих никакие хозяйственные и технологические начинания и новации невозможны. Социальная сплоченность есть функция согласия и наличия общих знаний и опыта, которые задаются постоянством взаимодействия в рамках определенной территории. Упрочение территориальной целостности и рациональная государственная политика становятся сегодня решающими факторами прогресса и позитивных перемен в развитии нашей страны.

Примечания

- ¹ Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. Bonn, 1967.
- ² *Вейт-Уилсон Дж.* Государство благосостояния: проблема в самом понятии // Pro et Contra. М., 2001. Т. 6. № 3. С. 134.
- ³ Там же. С. 155.
- ⁴ *Гидденс Э.* Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999 <http://iir-mp.narod.ru/books/inozemcev/>; *Инглегарт Р.* Модернизация и постмодернизация // Там же; *Хэнди Ч.* Алчущий дух. За гранью капитализма: поиск цели в современном мире // Там же; *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур // Там же.
- ⁵ *Мацонашвили Т.* Проблемы перестройки социального государства в Западной Европе // Pro et Contra. М., 2001. Т. 6. № 3. С. 108.
- ⁶ *Urban H.-J.* Sozialpolitik in der globalisierten «Wissengesellschaft» // Sozialer Fortschritt. München, 2000. № 11–12. S. 301–309.
- ⁷ *Мамардашвили М.К.* Необходимость себя: Введение в философию М., 1996; *Барулин В.С.* Российский человек в XX в.: Потери и обретения себя. СПб., 2000; *Ремезова И.И.* Современная философская антропология. М., 2005.
- ⁸ *Барулин В.С.* Основы социально-философской антропологии. М., 2002.
- ⁹ *Самохвалова В.И.* Человек и судьба мира. М., 2000. С. 66.
- ¹⁰ *Некрасова Е.Н.* Проблема человека в русском экзистенциализме: (Этический аспект) // Человек как философская проблема: Восток–Запад. М., 1991. С. 108.
- ¹¹ *Crozier. M.* Etat modeste, Etat moderne? Strategie pour un autre changement. P., 1987. P. 303.
- ¹² *Чичерин Б.Н.* История политических учений. М., 2006. Т. 1. С. 137.
- ¹³ *Франк С.Л.* По ту сторону правого и левого. Париж, 1965. С. 32; *он же.* Реальность и человек: метафизика человеческого бытия. Париж, 1956.
- ¹⁴ *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 140.
- ¹⁵ *Лихачев Д.С.* О национальном характере русских // Вопр. философии. 1990. № 4. С. 5.
- ¹⁶ Там же.

- 17 Трубецкой Е.Н. Россия в ее иконе // Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 1994. С. 287.
- 18 Иваненков С.П., Кусжанова А.Ж. Исторические вехи российского менталитета // Человек: Грани филос. рефлексии. М., 1996. С. 101.
- 19 Гурин С.П. Маргинальная антропология. Саратов, 2000. С. 1–2.
- 20 Ильин В.В., Панарин А.С., Бадковский Д.В. Политическая антропология. М., 1995. С. 93.
- 21 Чаадаев П. Апология сумасшедшего: Ст. и письма. М., 1987. С. 146.
- 22 Родоман Б.Б. Уроки географии // Вопр. философии. 1990. С. 44.
- 23 Трофимов А.М., Солодухо Н.М. Вопросы методологии современной географии. Казань, 1986. С. 45.
- 24 Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1981. С. 123–124.
- 25 Родоман Б.Б. Уроки географии. С. 42.
- 26 См., напр.: Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997; Левинсон А. Война и земля как этические категории // Неприкосновенный запас. М., 2005. № 2–3. С. 104–110; Глебова И.И. Политическая культура России. Образы прошлого и современность. М., 2006. С. 82–92.
- 27 Левинсон А. Война и земля как этические категории. С. 106.
- 28 Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997. С. 269–270.
- 29 Шпенглер О. Годы решений (1933) // Шпенглер О. Политические произведения. М., 2008. С. 95.
- 30 Киплинг Р. The prodigal son. Western Version // Киплинг Р. Стихотворения. СПб., 1994. С. 400–402. Мы передаем фактологию стихотворения, оставляя без комментариев сочувственно-романтическое отношение Р.Киплинга к своему герою.
- 31 Гавришин В.К. Человек и собственность (социально-антропологический аспект) // Очерки социальной антропологии. СПб., 1995. С. 98–99.
- 32 Федоров Н.Ф. Соч. М., 1982. С. 417.
- 33 Никольский С.А., Филимонов В.П. Мирозерцание русского земледельца в отечественной философии и литературе второй половины XIX – начала XX в. (философско-литературоведческий анализ) // Вопр. философии. 2005. № 5. С. 108–131.
- 34 Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии: В 2 т. Т. 2. М., 1997. С. 144–157.
- 35 Никольский С.А., Филимонов В.П. Указ. соч. С. 118–119.
- 36 Лосский Н.О. Характер русского народа. Кн. I // Посев. 1957. С. 51.
- 37 Там же.
- 38 Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. Цит. по: Лосский Н.О. Характер русского народа. Кн. I. С. 51.
- 39 Алексеев Н.Н. Собственность и социализм // Исупов К., Савкин И. Русская философия собственности (XVII–XX вв.). СПб., 1993. С. 359.
- 40 Там же. С. 360.
- 41 Мир России. Евразия. М., 1995. С. 285.
- 42 Федотов Г.П. Русское религиозное сознание: Киевское христианство X–XIII вв. // Актуальные проблемы Европы. М., 1998. № 3. С. 139.
- 43 Там же.

- 44 Чичерин Б.Н. Мера и границы // Несколько современных вопросов. М., 2002. С. 68.
- 45 Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 8. М., 1956. С. 121.
- 46 Кони А.Ф. Избр. произведения: В 2 т. Т. 2. М., 1959. С. 60.
- 47 Яковлев А.М. Российская государственность (историко-социол. аспект) // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 79.
- 48 Печерская Н.В. Метаморфозы справедливости: Историко-этимологический анализ понятия справедливости в русской культуре // Полис. 2001. № 2. С. 133.
- 49 Олейник А.Н. «Жизнь по понятиям»: институциональный анализ повседневной жизни «российского простого человека» // Полис. 2001. № 2. С. 40–51.
- 50 Федотов Г.П. Русское религиозное сознание: Киевское христианство X–XIII вв. С. 137–138.
- 51 См.: Лихачев Д.С. О национальном характере русских. С. 4.
- 52 Лосский Н.О. Характер русского народа. Кн. I. С. 50.
- 53 Андреева Л.А. Христианство и власть в России и на Западе: компаративный анализ // Общественные науки и современность. 2001. № 4. С. 85–86.
- 54 Там же. С. 95.
- 55 Кавелин К.Д. Наш умственный строй // Кавелин К.Д. Соч. М., 1989. С. 221.
- 56 Там же. С. 163.
- 57 Пивоваров Ю.С. Два века русской мысли. М., 2006. С. 199.
- 58 Письмо А.С.Пушкина П.Я.Чаадаеву от 19 октября 1836 г. (черновик) // Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1991. С. 465.
- 59 Там же.
- 60 Петражицкий Л.И. Теория права и государства. Т. 1. М., 1909. С. 200. Цит. по: Алексеев Н.Н. Собственность и социализм // Исупов К., Савкин И. Русская философия собственности (XVII–XX вв.). СПб., 1993. С. 357.
- 61 Алексеев Н.Н. Собственность и социализм. С. 357–358.
- 62 Цит. по: Олейник А.Н. «Жизнь по понятиям»: институциональный анализ повседневной жизни «российского простого человека». С. 43.
- 63 Латов Н.О., Новик Т.А. «Плохие» законы или культурные традиции // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 44.
- 64 Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Соч. Т. 1. М., 1988. С. 286.
- 65 Там же. С. 283.
- 66 Вышеславцев Б.П. Русский национальный характер // Вопр. философии. 1995. № 6. С. 113.
- 67 Трубецкой Е.Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Лит. учеба. М., 1990. Кн. II. С. 117.
- 68 Соловьев В.С. Оправдание добра. С. 302.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: К МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА

Вступление

Любое государство жизнеспособно, если оно в состоянии воспроизводить себя и, прежде всего, воспроизводить само население. Не может быть государства без населения. Обычно существует для каждого исторического этапа в развитии государства определенный тип воспроизводства населения, оптимальная плотность и количество населения. Все это составляет содержание демографической проблемы, недавний анализ которой показал, что ситуация в России ныне близка к катастрофической¹.

Но есть и проблема качества человека. Важно не просто воспроизводить человеческий материал как биологически здоровую массу, но воспроизводить именно человека как живое существо – чувствующее, действующее, мыслящее, созидающее материальные, социальные и иные блага, обладающее мощной энергетикой, стремлением к производительному труду, к полноценной и разнообразной жизни.

Для жизнеспособности конкретного государства нужен человек вполне определенных качеств, соответствующих его стратегическим целям и задачам.

Государство нередко попадает в такие вынужденные ситуации, они могут быть природными или социальными, которые предельно усложняют, особенно в исторической перспективе, процесс воспроизводства человека определенного качества. Стихийные бедствия, война или форсированная модернизация хозяйственных структур, другие неблагоприятные условия могут принимать катастрофиче-

ский характер, и тогда возможно обрушение самого государства. Но за пределами этого рокового исхода имеется огромный спектр возможностей у государства, которые могут открывать перед ним самые разные перспективы: от сознательного выпадения из исторического процесса до занятия лидирующих позиций. Все зависит здесь от политики властей. Сегодня стал общепринятым факт, что нет никакого гарантированного будущего и у человечества, а тем более радостных и оптимистичных перспектив дальнейшего прогресса. Это в полной мере касается сегодня и российского государства. С конца 80-х гг. прошлого века оно балансирует на грани исторического небытия, несмотря на некоторые позитивные тенденции, проявившиеся в последние годы. Научные прогнозы относительно будущего страны по большей части малоутешительны.

В настоящее время власти любого развитого государства постоянно говорят о том, что их первая и главная забота, высшая цель деятельности состоит в создании каждому человеку страны условий для достойной жизни. От того, какие типологические качества задает государство человеку, можно судить о том, какое это государство независимо от его прокламаций и обещаний. Качество человека – самый достоверный показатель жизнеспособности государства, показатель его реальных целей, той политики, которую проводит власть государства в отношении человека

Состояние человеческого «материала» в современной России мало кого удовлетворяет, динамика изменений его параметров остается весьма опасной и порождает много тревог на этот счет. Прежде всего, необходимо определить, какие конкретно антропологические параметры задает человеку российское государство как преднамеренно, так и самим фактом своего существования. Но с другой стороны, каков российский человек в своей повседневности, таково и государство в его реальности, а не в идеологическом оформлении.

К методологии исследования

Современные направления антропологических исследований – чрезвычайно многообразны. Поворот к антропологически ориентированному знанию в общественной мысли в России за

последние десятилетия отмечен возникновением целого ряда достаточно самостоятельных дисциплин, у которых один общий объект исследования – человек. Некоторые из этих дисциплин стали весьма развитыми, появились различные школы и направления. Здесь можно указать на такие, наиболее значимые для целей настоящего исследования дисциплины, как социальную антропологию (сплав социологии и антропологии), историческую антропологию (сплав истории и антропологии), политическую антропологию, социально-историческую антропологию и, наконец, составляющих единое целое, социально-философскую и философско-историческую антропологию².

Социально-философская антропология в нашей стране (в отличие от философской антропологии) находится в стадии становления. Причины здесь разные. Они связаны не только с продолжающимися поисками социальной философией с начала 90-х гг. новых мировоззренческих и методологических ориентиров и принципов, и этот поиск далеко еще не закончен. Но наибольшую сложность для ее становления представляет нынешняя познавательная ситуация. С одной стороны, сама российская социальная реальность становится все более текучей и неопределенной. А с другой стороны, сегодня для описания и объяснения общественных процессов прошлого и настоящего нет адекватного категориального, понятийного аппарата, как в конкретных социальных науках, так и в социально-философском знании. Тот аппарат, который выработан на материале западного социума, также как и аппарат, доставшийся от советских времен, плохо подходит для создания современной теории российского общества³. Возможно, что решающую роль в осмыслении сложившейся ситуации с понятийным аппаратом, сможет сыграть антропологический поворот в анализе особенностей развития российского общества в прошлом и настоящем.

Антропологический подход к человеку с социально-философской точки зрения исходит не просто из предпосылки, что человек есть существо природное и общественное. В отличие от общефилософского взгляда человек рассматривается живым существом, действующим как в сложно дифференцированной и исторически меняющейся общности людей, так и в меняющейся природной среде своего обитания.

При анализе биологической природы человека в ее исторической перспективе и ретроспективе рассматриваются вопросы его телесного и психического здоровья, питания, жилища, продолжительности жизни, особенности биологического воспроизводства жизни и т.д.

Как общественно-природное существо, человек есть деятельностное существо. Основу деятельностной сущности человека составляет его трудовая, предметно-преобразующая деятельность.

Человек есть также социальное существо. Он живет и действует в социуме, который преобразуется им так или иначе в ходе исторического развития общества.

Наконец, человек есть духовное существо. Здесь имеются в виду высшие ценности, которые составляют смысл его жизни. Эти ценности формируют у человека конкретные цели, к которым он стремится в течение своего жизненного цикла.

Общество как некоторая общность людей не только содержательно наполняет эти три измерения. Оно или задает им некоторую целостность или, напротив, находясь в кризисе, не в состоянии задать, сформировать эту целостность как некоторый устойчивый баланс трех ликов, трех «ипостасей» человека.

Проблема заключается в том, чтобы определить, как в ходе своего исторического развития российское государство определяло антропологические параметры российского человека, какие сегодня задаются параметры формирующимся новым типом государства, куда ведут стихийно и целенаправленно складывающиеся тенденции и что в итоге может получиться.

Здесь следует ответить на естественно возникающий вопрос, почему ставится вопрос о российском государстве, а не о российском обществе. Особенности российской истории таковы, что на протяжении столетий общество было полностью или почти полностью поглощено государством. В литературе термин общество употребляется весьма многопланово. Сложилось такое словоупотребление, что социальное бытие в мире, социальная форма движения материи, социум, социальная реальность выступают синонимами общества. Наряду с этим обычно говорят и о конкретных формах общества, таких как первобытное общество. Во избежание путаницы, пишет К.Х.Момджян, «мы предлагаем в дальнейшем заменить это широкое понимание общества термином социум,

что позволит говорить об обществе лишь как об организационной форме совместной деятельности людей»⁴. Но в таком случае, к примеру, государственная вертикаль самодержавной власти, как организационная форма совместной деятельности людей, практически совпадает с обществом, поскольку свои формы организации у общества, независимые от государства, отсутствуют. Как образно выразился русский поэт П. Вяземский, «все, что ни затей без разрешения государства, все будет пугачевщина»⁵. Так что, самодержавный строй и общество именно в сущностном, типологическом плане оказываются тождественными, но, разумеется, не с точки зрения повседневных практик. В более широком смысле восточная деспотия, империя инков, московское царство – все это различные общества и вместе с тем государства. Видимо, здесь вряд ли возможно найти окончательное решение и провести строгие разграничительные линии. В любом случае содержание термина будет определяться контекстом.

В отношении к традиционным государствам-обществам можно говорить как о социальных организмах. В таком случае традиционное государство есть сложный сплав государственной системы власти, природы, государственно образующего этноса, а также культуры и ее главного компонента – религии.

С появлением первых еще несовершенных форм либерального (буржуазного) государства, когда на место подданного приходит гражданин и когда радикально меняется природа государства, возникает реальная проблема противостояния государства и общества именно как становящегося гражданского общества, когда люди в каких-то важных своих действиях и отношениях освобождаются от всепроникающей опеки государства.

Применительно к российской истории, да и в определяющей степени сегодня приходится говорить о российском государстве, оно так или иначе формирует и изменяет общество, его содержательные стороны. В этом особенность российской истории, имеющая фундаментальные последствия для российского человека и сегодня, и в обозримом будущем.

Антропологическое измерение – это тот тип человека, тот формат человека, который российское государство задает с тем, чтобы государство могло не просто существовать, но воспроизводить себя в историческом пространстве времени.

Российское государство имеет свои онтологические основания. Применительно к социальному бытию онтология может мыслиться только как развивающаяся онтология. Сокровенные смыслы онтологии государства обнаруживаются в его антропологии. Тайна онтологии государства есть антропология. Если с российским государством происходит что-то неладное, то это, прежде всего, отображается в его антропологическом, человеческом измерении.

Онтология есть долженствование. Она задает формат, параметры должного человеческого бытия. Подчеркнем еще раз, речь идет не о конкретном человеке, речь идет о типологических чертах человека. Но одно дело – это государство определенного исторического типа, когда антропология государства прослеживается довольно четко. Другое дело, когда государство находится в состоянии исторических потрясений, в состоянии перехода от одного исторического типа к другому типу. Человеческий формат, задаваемый государством, весьма сложно поддается осмыслению.

В типологическом плане государство далеко не всегда отдает себе отчет в том, какого формата человека оно задает фактом своего существования, фактом своего бытия в мире. Здесь как раз и возникает проблема антропологических оснований политики,

Одно дело – долженствование, другое дело – реальная политика государственной власти. Антропологический формат, задаваемый фактом бытия государства, весьма сложно взаимодействует с политической практикой первого лица, правящей элиты, что сказывается на конкретном поведении людей, на их повседневной жизни, в том числе и на проявлении тех или иных черт национального характера русских (россиян), и на отношении к самому государству. Это взаимодействие носит весьма сложный характер, и здесь есть свои проблемы, о которых также пойдет речь.

Методология исследования российского государства базируется на признании закономерных этапов в развитии человеческой истории. Существуют различные принципы периодизации истории.

В одной системе отсчета выделяются – традиционное общество или общество домодерна, затем современное общество или общество классического модерна и, наконец, постсовременное общество или общество постмодерна.

В другой системе отсчета выделяются: доиндустриальное общество – индустриальное общество и постиндустриальное общество, которое в своем развитом виде все больше обнаруживает себя сегодня как информационное общество, общество знания и т.д.

Наконец, в третьей системе отсчета, восходящей к марксовой концепции исторического процесса, развитие общества рассматривается как закономерная смена формаций. В таком случае выделяются доэкономический этап в развитии общества, большая экономическая общественная формация, которая в свою очередь включает в себя азиатский способ производства, античность, феодальное общество, общество классического индустриального капитализма, превратившееся к началу XXI в. в общество информационного капитализма, и грядущее постэкономическое общество. Это будет общество нового социализма, социализма XXI в., основанное на постматериальных, постэкономических ценностях, на культуре как главной детерминанте развития. Общество нового социализма вовсе не гарантируется историей. Но если говорить о выживании и дальнейшем прогрессе человечества, то это один из главных альтернативных вариантов развития. Другая альтернатива – неолиберальная глобальная империя.

В любом случае, можно говорить о трех основных этапах в историческом развитии общества и соответственно о трех исторических типах человека. С нашей точки зрения, представления о формационных этапах с позиций классического марксизма должны быть обязательно дополнены в настоящее время важными выводами и обобщениями, полученными в других интерпретациях хода истории. Только в таком случае можно приблизиться к теоретическому решению проблемы, адекватному современному уровню философского и конкретно-научного знания.

Сегодня можно констатировать возникновение в России неорационалистского государства. Можно по-разному оценивать этот очевидный исторический факт, но причины этого обстоятельства следующие.

Российскому государству не удалось совершить два радикальных исторических прорыва.

Первая неудача постигла российское государство в связи с попыткой реализации проекта классического модерна, что проявилось в революции 1917 г.. Но революция 1917 г. или управленческая

катастрофа, которая привела к распаду государства, есть вместе с тем и колоссальная антропологическая трагедия России. Одним из ее проявлений стала Гражданская война, которая привела к гибели многих миллионов людей, к антропологическому регрессу, который преодолевался впоследствии страной через огромные трудности и большие затраты.

Вторая неудача постигла российское государство в связи с новой попыткой реализовать проект классического модерна, когда время его реализации давно ушло в прошлое. Эта неудача предметно обнаружила себя в распаде СССР, в провале радикальных либеральных реформ, в реальной угрозе распада РФ в конце 90-х гг. и в массовом вымирании российских граждан. Ответом на это историческое поражение и стало возникновение неотрадиционалистского государства, которое пока не признает этого поражения в повторной реализации проекта классического модерна. Но сам факт появления неотрадиционалистского государства говорит сам за себя лучше всяких объяснений. Новую Россию в лице РФ постигла новая антропологическая трагедия, и она далека от своего окончания.

Центральная проблема настоящего исследования состоит в том, чтобы проследить, как менялся при этих поворотах российской истории антропологический облик, антропологический формат российского человека. Предварительно можно сказать, что если попытки перейти на другой исторический уровень не удались, то это означает только одно. Антропологический формат российского человека по-прежнему являет собой нечто иное, нежели формат западного человека. Глубину этого различия нам и предстоит оценить. Возможно, она носит фундаментальный характер, а возможно, второстепенный в новых условиях, когда заканчивается первое десятилетие XXI в.. Задача, поставленная нами, носит весьма обширный и многоплановый характер. Поэтому в настоящей статье речь пойдет лишь о двух ликах, двух «ипостасях» человека, задаваемых государством – о человеке как социальном и духовном существе.

Человек традиции

Если говорить о первой неудачной попытке трансформации российского человека, приведшей к антропологической катастрофе первых десятилетий XX в., то необходимо сначала опре-

делить, какой антропологический формат задавался российским государством как государством традиционного типа. Разумеется, общая характеристика этого формата – человек традиции (человек традиционный).

Традиционное государство есть сложное социально-природное образование⁶. Оно не есть рукотворное создание именно в смысле сознательного воплощения некоей умозрительной конструкции, а возникает в результате длительного развития первобытных структур. Конструкция государства традиционного типа хорошо известна. Это первое лицо, круг лиц ближайшего окружения и правящая элита в целом, бюрократия и сословный характер социальной структуры.

Человек традиции есть, прежде всего, человек государства, подданный государства. С этой точки зрения его главнейшей чертой является вера в первое лицо в государстве как гаранта справедливости, как защитника идеи общего блага. Уровень доверия к нему в сильнейшей степени зависит от того, насколько первый человек властвует и управляет в согласии с историческим предназначением государства.

Человек государства – это человек, который служит государству. Служение как социальная норма действует, так или иначе, во всех традиционных государствах, и в полной мере она применима к российскому государству. На службе находятся все сословия – крестьяне как государственные, так и частнособственнические, помещичьи. На службе находятся дворяне и духовенство, деятели православной церкви, особенно после петровской реформы. Наконец, на службе находится бюрократия, административный аппарат управления XVII разрядов, согласно указу Петра I, который в узком смысле и есть «государева служба»⁷.

Каждый вышестоящий в бюрократической системе властного управления – начальник, который по определению не может быть неправым, а ниже его располагается подданный, который обязан подчиняться независимо от качества принятого выше решения. Самовластие есть естественное качество государственной системы власти и управления⁸.

Человек традиции есть человек сословный. Поскольку крестьянство в дореволюционной России составляло примерно 80 процентов от общего числа населения, то, конечно, человек традиционный это, прежде всего, человек общины.

Человек не просто живет в общине, это совместная общинная, коллективная трудовая деятельность. Община в сословно-классовом государстве есть низшее звено целостной государственной системы. В своем развитом виде сельская соседская община есть совокупность крестьянских хозяйств, есть организация, которая служит гарантом нормального воспроизводства индивидуального хозяйства. Община есть главная форма организации производства в традиционном, доиндустриальном государстве. Одним словом, община есть способ совместного возделывания земли и совместного проживания. Именно в ней рождается и живет среди общинников идея-миф об уравнительной справедливости, которая оказывается центральной в системе их духовно-нравственных ценностей. Наиболее существенной особенностью общины является ее отношение к земле как к своему собственному неорганическому телу. Иначе говоря, имеет место «сращенность» общины с условиями производства, с землей, а, следовательно, и всех тех, кто составляет общину.

Человек общины есть человек вынужденной коллективности, которая задается условиями жизни, а не является продуктом сознательного творчества. При этом существуют в обществе и вторичные, производные формы общинных, принудительно-коллективистских производственных отношений, например, отношения в артели. Начиная с XVIII в., целые деревни отдавались в собственность заводчикам, владельцам рудников и шахт, и здесь на рабочем месте воссоздавались все тонкости общинных отношений между крестьянами.

Определяющими отношениями между людьми в традиционном государстве выступает иерархия властных отношений непосредственного, личного господства и подчинения. Эти отношения выступают системообразующей связью в традиционном обществе. К.Маркс говорил о том, что прежде чем перейти к отношениям более высокого уровня – вещным, товарно-денежным отношениям, необходимо сначала, чтобы они возникли. «Нелепо понимать... вещную связь как естественную... Эта связь – продукт индивидов. Она исторический продукт», а это есть процесс и результат длительного развития истории⁹.

Человек общины не мог помыслить себя вне общины. И вместе с тем он был индивидуалистом, он самостоятельно обрабатывал свой надел. Но возможности для развития индивидуалистических

начал в человеке были минимальными. Реальной альтернативы жизни в общине у крестьянина не было. О тяжелой, беспросветной жизни в общине, задавленной вековыми традициями, можно говорить много. Здесь копилась социальная несправедливость, которая находила выход в восстаниях и бунтах, они были направлены вовне – или против собственника общины или против князя, царя, императора. Одним словом, против конкретного лица, но не против самого института власти.

Понятен смысл, почему о русском человеке, русском народе говорят сегодня, прежде всего, как о человеке общины. Это делается с тем смыслом, чтобы сильнее подчеркнуть коллективистские, соборные черты русского человека в противопоставлении его человеку индивидуалисту Запада. Но не следует забывать, что оборотной стороной этой естественно сложившейся, а потому и принудительной коллективности выступала и продолжает выступать круговая порука.

При обсуждении исторической судьбы российского человека как такового анализ сословного положения человека в обществе нередко подменяется описанием человека общинного. Однако сословное неравенство людей в российском обществе, о котором сегодня стараются не вспоминать, есть важный фактор, создававший многочисленные коллизии в обществе.

Наконец, человек традиционный – это человек публично религиозный. Верующий человек обязан строго соблюдать церковные предписания, суть которых обстоятельно изложена в «Домострое», – анонимном произведении середины XVI в. В нем говорится о том, как почитать царя, князя, вельможу, священников и монахов, как жить в миру с женой, детьми, родственниками, как вести семейное хозяйство и многое другое¹⁰.

В основе духовности русского человека лежат духовно-нравственные ценности православного христианства. Но здесь важно подчеркнуть и другое. Для российского человека, как жителя и подданного государства, важнейшей и определяющей чертой выступает безусловное признание божественного происхождения государства. Эта особенность духовного мира порождается иррациональным характером возникновения государства, невозможностью рационально осмыслить его возникновение, пространственные границы, его постоянное стремление к независимости

и многое другое. Тем более, если принять во внимание огромные размеры государства (одна шестая суши), дающие повод говорить о России как о геополитической аномалии¹¹.

Как только начинается осмысление параметров государства, то естественно такое масштабное государство не могло возникнуть бесцельно, оно носитель глубоких символических смыслов. Любое традиционное государство основано на принципе сакральности, в том числе и российское государство¹². В самом общем виде традиционное государство-власть имеет моральную основу, оно обязано быть носителем идеи всеобщего блага, всеобщей справедливости.

Жесткая нормативность антропологического формата человека традиции очевидна. Но поскольку реальное государство в своей политике может, как угодно далеко, отклоняться от создаваемой в теории или в воображении идеальной модели, то естественно в мыслях и в поведении человека в таком случае возникают всякие отклонения, как порождения такого несоответствия. Отклонения от нормы могут быть не только результатом политики конкретного царя или императора, но и невозможностью следовать норме в виду сложившихся исторических обстоятельств.

Определяющая черта высшей власти – требование жертвенности от человека, находящегося на службе, при решении задач государственной важности. Нередко это оборачивается прямым использованием человека в качестве дешевого и удобного средства. Поэтому выглядит невероятным то сочетание жестокости власти и человечности, например, в отношении к солдатам армии, но также и к крестьянам, а нередко и ко всему населению страны. К примеру, А.Суворов отличался заботливым отношением к солдату, но при выполнении бессмысленного перехода через Альпы в 1799 г. погибло не менее двух тысяч солдат. Петр I уменьшил численность населения России примерно на пятую часть, но успех реформ императора позволяет историками судить его сегодня не слишком строго.

По-видимому, как для верховной власти в традиционном государстве, так и для человека традиции, любые нормы имеют оборотную сторону, двойной лик. Причем здесь нет полутонов, при отклонении от нормы он не сталкивается с ограничениями культурного характера. В сознании общества и человека отсутствует то, что Н.А.Бердяев называл средней или срединной культурой¹³.

И потому человеку традиции оказывается вполне доступной другая крайность. Существует исторически сложившиеся в России механизмы «раскачивания» положительной нормы. При достижении некоторого критического рубежа происходит оборачивание нормы.

В таком случае человек публично религиозный может власть в безверие, в богоборчество, если дух, по его мнению, покинул официальную церковь. Человек государства становится антигосударственником, и это тоже та же самая норма только со знаком минус. Человек сословия рвет связи со своим сословием. Так, дворянин мог порвать со своим сословием, остро ощущая несправедливость, царящую в обществе. Необходимость подчинения власти при нарастании произвола и самодурства, несправедливости приводит к бунту против властных лиц, в том числе и против первого лица. Но требование смены первого человека, идущее снизу, если оно будет реализовано, может закончиться обрушением властно-управленческой структуры, поскольку все властное управление построено на принципе личной зависимости, личного господства и принуждения. Верховная власть редко прислушивалась к тем настроениям, которые были внизу. Она их игнорировала и подавляла, и историческая плата, как правило, соответствовала масштабам подавления. В системе властного управления отсутствовала, говоря современным языком, эффективная обратная связь.

Ситуация резко усложняется, когда российское традиционное государство встречается с многочисленными вызовами бурно развивающегося капитализма Запада. Прежде всего, Россия с середины XVII в. становится периферией мировой экономической капиталистической системы. В этих условиях начинается как масштабная экспансия западных новаций в Россию, так и встречный интерес России к самым различным достижениям Запада. Как замечает Е.В.Алексеева, специально исследовавшая эту проблему, становление в России «наук и различных организационных форм выработки и трансляции знаний испытывало сильное и по большей части плодотворное влияние импорта научных сведений и их носителей»¹⁴.

Россия в течение нескольких столетий стремилась перешагнуть исторический рубеж и попасть в общество модерна, т.е., воспроизвести западную модель устройства общества. Но, оставаясь самодержавной, она так и не вкусила по-настоящему плодов прогресса Запада. Смешно представлять это непопадание результатом

чьих-то козней или заговора. Революция 1917 г. направила российское общество по новому пути, которого еще не знала мировая история. Столкновение российского человека традиции с человеком Запада закончилось не превращением его в западного человека, а отторжением этой модели, хотя отдельные его черты были в той или иной мере освоены и усвоены.

Западный человек как человек разума

Антропологическая революция на Западе в XVI–XVII вв. явилась частью огромной мировоззренческой, научной и социальной революции. Вообще говоря, европейский опыт свидетельствует, что переход от традиционного, феодального общества к современному, капиталистическому строю, от человека традиции к человеку разума мог осуществиться только на путях антифеодальной революции.

Место традиции как универсального способа решения проблем в ментальности нового человека занимает Разум – законодатель, монологичный Разум. Проект Модерн – это проект по реализации требований разума применительно ко всем сферам его деятельности: к природе, обществу, мышлению, проверка их на разумность, на то, что их устройство отвечает человеческой природе. «Разум, отождествляемый с моральностью и правом, противопоставляется «неразумию», которое должно быть уничтожено любой ценой, чтобы впоследствии на «расчищенном» от векового гнета предрассудков месте можно было реконструировать общество на вполне разумной основе»¹⁵. Но здесь требуется одно пояснение. Человек разумный есть вместе с тем и человек рациональный, человек рациио. Появляется принципиально новый тип рациональности – научная рациональность. Однако обратное утверждение неверно. Человек рациональный не тождественен человеку разумному. В ходе европейской истории идея Прогресса к концу XIX в. исчерпывает себя. Цели перестают быть достижимыми. Человек становится все более рациональным, средства достижения цели все больше выходят на первый план. Цели подменяются средствами. Рациональность, лишенная целей, порождает неразумие и безумие двух мировых войн.

В просвещенческой модели презумпция разума состоит в том, что его применение естественно приносит благо, он ориентирован на совершение добра. Отсюда гарантированность прогресса общества, если люди будут руководствоваться разумом. Так что сначала благо и разум были двумя сторонами единого целого, затем эти стороны разошлись. Конечно, человек традиции тоже был рациональным человеком, но его рациональность была обусловлена требованиями традиции.

В проекте модерн говорится о необходимости создания принципиально нового типа государства и нового человека. Антропологический формат Нового человека – это человек разумный, и, следовательно, это человек-гражданин, человек-индивидуалист и человек светский.

Главная отличительная черта человека разумного – это человек общества, человек-гражданин.

Принципиальная новизна западного, индустриального капитализма заключается в возникновении нового типа социальности, социума, как совокупности унифицированных связей и отношений на основе формального права. По мере развития происходит увеличение богатства и сложности отношений, формируется и новый тип человека, живущего в этой среде, для которого расчет, калькуляция, знание правовых ограничений становится социальной нормой. Нарушение нормы рассматривается как преступление, за которым следует наказание¹⁶.

Завоеванием западного пути развития становится либеральный тип государства, которое мыслится рациональной конструкцией, впрочем по мере его развития оно все больше входит в противоречия с исходными требованиями разума.

Государство мыслится только как администрация, как совокупность институтов, основанных на разделении власти, как «правительственная машина»¹⁷. Рациональность лишает государство и его властные структуры покрова сакральности.

Новый тип государства есть порождение гражданского общества. Именно третье сословие, т.е. пестрый конгломерат собственников после прихода к власти объявляют себя гражданами республики, добиваются, прежде всего, гарантий защиты своих прав через институты государственной власти, которые они сами создают. Государство в этом смысле оказывается порождением слоя буржуа

как полноправных граждан общества. Вопреки распространенным сегодня в российском обществе представлениям о сути гражданского общества, более соответствующими действительности выглядят выводы К.Маркса в работе «К еврейскому вопросу» о первичности гражданского общества по отношению к государству¹⁸.

По мере развития буржуазного строя наблюдается расширение круга лиц, которые становятся гражданами своих стран. Гражданин это человек политический, обладающий правом защищать свои интересы через публичную политику, государственные институты власти. Проект Модерна – это и становление политического человека. В обществе побеждают экономически более сильные граждане, они стремятся сделать государственные институты власти орудием, средством реализации и защиты своих экономических интересов.

Капитализм как строй означает принципиально новый тип общественных связей и отношений между людьми в обществе. Основу всех этих многообразных отношений составляют отношения собственности, экономические отношения, т.е., отношения капитал – наемный труд. Эти отношения порождают главную черту в индивидуалистическом человеке. Он есть экономический человек.

Причем эта характеристика относится не только к буржуа как собственнику. У пролетария, как у лица наемного труда, имеются свои материальные интересы, и он тоже стремится к их удовлетворению. Борьба за удовлетворение материальных интересов порождает классовую борьбу в самых различных формах. В интерпретациях проекта Модерна становление экономического человека занимает обычно ведущее место. Человек экономический по своей сути есть индивидуалист, это касается не только собственников, но и лиц наемного труда, горожан, ремесленников, владельцев магазинов и т.д. Индивидуализм возможен лишь при личной независимости человека от других людей. Доминирующим для человека рации является материальный интерес.

Наконец, человек рации как гражданин есть светский человек, этот правовой и социальный формат задается государством, которое объявляет себя светским государством. Человек светский вполне может быть религиозным человеком, но он вынужден жить и действовать в обществе, выстроенном по лекалам разума. Наука

всеми своими достижениями показывает, что мир может быть в принципе объяснен без ссылок на сверхъестественное начало. Но, с другой стороны, есть немало тайн и загадок в природе и в человеке, допускающие возможность утверждать о присутствии в мире особого сверхприродного начала. Поэтому свобода совести оказывается именно тем решением, которое делает выбор позиции личным, глубоко интимным делом каждого человека и которое позволяет найти основу для общественного согласия.

Скептическая позиция в отношении религии есть наиболее разумная позиция. Хотя обе стороны этого компромисса по-прежнему сохраняют и усиливают свои аргументы. Признание Бога для личности становится его частным делом. И даже признание в отдельных западных странах религии в качестве государственной организации, не отменяет общего положения о светском характере государства, образования, общества в целом.

Другая сторона человека светского заключена в той особой роли образования и науки, которую они играют в его развитии. Проект Модерна помимо разных составляющих содержит в себе два главных начала – необходимость рынка и необходимость образования и науки. Образование и наука лежат в основе тех огромных достижений капитализма, которые были получены им в материально-технической, производственной и научной сферах деятельности.

Основу отношения человека-индивидуалиста к миру составляет свобода. Свободу он может обрести только как собственник, наличие собственности является условием свободы. Поэтому он делает экономическую сферу жизни главным местом реализации своих устремлений к свободе. В этом смысле индивидуалист, есть, прежде всего, человек экономический.

Но что должно быть особенно подчеркнуто. Возникновение общества, которое должно строиться по законам науки, по лекалам разума (это общество можно назвать также социологическим обществом) явилось большим достижением проекта Модерн. Собственно с этой целью и провозглашается О.Контom необходимость создания научной дисциплины – социологии, которая и позволит сконструировать и конкретно в цифрах рассчитать контуры этого правильного общества и направлять его постоянно по пути прогресса к намеченной цели. Появление в этом смысле че-

ловека разума (человека «социологического») есть огромный скачок в развитии антропологического измерения государства. При всех проявлениях эксплуатации, социального неравенства, дискриминации человека социологического, живущего и действующего в сложно устроенном социуме, несомненно, его нужно поставить выше человека государственного, живущего в строгой вертикали власти, в системе прямого господства и подчинения, личной зависимости.

Важно подчеркнуть, что определяющими отношениями в индустриальном, капиталистическом обществе становятся товарно-денежные, вещные отношения между людьми. По мере развития общества они стремятся подчинить себе все сферы общества, т.е., превратить политические отношения в разновидность рыночных, построить на рыночных принципах сферу художественного творчества и т.д. Главное, о чем сегодня в российской мысли не принято говорить, что все отношения людей, построенные на товарно-денежных отношениях, носят вещный, а потому отчужденный характер. Товар становится универсальной характеристикой отношений между людьми, все можно продать и купить. Господство техники, в которой предметно воплощаются достижения науки, придают отчуждению человека от общества особо зловещий характер.

Специфической чертой западного общества становится стихийность развития общества по пути Прогресса, которая порождается так или иначе самим характером рыночных отношений, периодически возникающими структурными и системными кризисами капиталистической экономики. Именно самодовлеющее развитие институциональных структур и отношений позволяет говорить об отчужденном характере отношений человека и социума, в известном смысле о враждебности мира социума к человеку.

Кризис разума породил на Западе к концу XIX в. огромный духовный кризис, который коснулся всех форм духовного производства, в первую очередь, философии, религии, искусства, но также и политики. Созидание разумного устройства общества, о котором так возвышенно писали мыслители французского Просвещения, обернулись потерей целей и смыслов историческим тупиком, безумием двух мировых войн.

Итоги трансформации российского человека к 1917 г.

Итоги этой трансформации неутешительны. Российское государство традиционного типа рухнуло в 1917 г. Вместе с ним рухнули важнейшие смысловые ориентиры российских людей. В России стала разворачиваться полномасштабная антропологическая катастрофа.

Человек традиции не смог превратиться в человека разума. Не возникло и сколько-нибудь жизнеспособного синтеза того и другого. И он не мог произойти, потому что раскол между европейски ориентированной элитой и основной массой населения, ориентированного на традицию, не дает оснований говорить, что такой синтез даже чисто теоретически был возможен в те времена.

С началом вхождения Российского государства к середине XVII в. в капиталистическую мировую экономическую систему в качестве ее периферии параметры устройства его властной вертикали начинают претерпевать изменения. Важно выяснить, в каком направлении происходило развитие государства с тем, чтобы понять, как меняется антропологический формат, т.е., та совокупность черт российского человека, которая этим движением задается, какие новые черты появляются у человека традиции и как меняются его глубинные установки.

Ведущая тенденция, тренд развития российского государства имеет прямо противоположную направленность тенденциям развития государства в Западной Европе. В ней идет становление нового, либерального типа государства. В России, напротив, традиционное государство становится все более обширным и могущественным, оно переходит от царства к империи в последние годы пребывания Петра I на троне. Рост политического и военного могущества России в XVIII в. очевиден. **Россия становится великой европейской державой с политической и военной точек зрения.** Это собственно и имела в виду Екатерина II, когда говорила о России как о европейской державе. Вплоть до революции 1917 г. эта тенденция является не просто доминирующей, но единственной и определяющей. Многие события и выступления смогли ослабить эту тенденцию, но не смогли развернуть ее в противоположном направлении.

Среди факторов долговременного характера, которые обуславливали такой устойчивый тренд в развитии российской государственности, ключевыми факторами выступали внешние угрозы во-

енного характера и колонизация территории. На это последнее обстоятельство обращал особое внимание историк В.О.Ключевский, который вообще считал колонизацию основным фактором истории страны и связывал периодизацию истории с теми территориями, где скапливалась основная масса русского населения¹⁹.

Сохранение независимости и суверенитета при явной экономической отсталости страны возможно при наличии мощной армии и флота, а это означает милитаризацию экономики и необходимость постоянной поддержки оборонного сознания. Другой фактор тесно связан с военным фактором – это проблема завоевания или мирного присоединения новых земель, их внутренняя колонизация, проблема освоения и включения территорий в единое государство. Громадное приращение территорий государства препятствовало его развитию вглубь.

Третий фактор, не по значимости, но в порядке перечисления – это отставание по уровню экономического развития и неоднократные попытки, если не преодоления, так сокращения этого разрыва. Государственная власть, т.е. первый человек государства и узкий круг его единомышленников, по существу выступают основным, и, более того, единственным субъектом реформ. Тем более, это становится очевидным, если принять во внимание наличие разрыва между историческими императивами модернизации, ускорения развития и неготовностью населения, всех сословий общества к радикальным переменам, к принятию большого количества западных новаций.

Социальная, общественная цена новых реформ в России с каждым разом становилась все более высокой и непомерной. Это сказывалось не просто на падении уровня жизни. Непосильная тяжесть реформ оборачивалась предельно низкой социальной защитой населения. По сравнению с уровнем социального обеспечения на Западе этот разрыв всегда был разительным – и по уровню образования, медицинского обслуживания, бытовым удобствам, детской смертности, распространению заразных болезней. Вынужденное принятие реформ под угрозой применения властью силы, а нередко и посредством применения открытого террора давало нужные результаты, явно несоразмерные с произведенными затратами. И по этой причине тоже реформы никогда не доходили до конца, вызывали расстройство всей властно-бюрократической

системы управления, приводили к потере контроля над ходом реформ. Вслед за эпохой реформ неизбежно следовала не менее тяжелая по своим социальным последствиям эпоха контрреформ.

Двойственный, реверсивный характер русской системы управления и порождает, на первый взгляд, такое странное состояние русской души, как дуализм русской души, явление неведомое до вступления России на путь догоняющего развития по капиталистическому пути. Об этом удачно пишет А.П.Прохоров: «Получается, что все русские, от грузчика до генерального секретаря, держат в своем сознании два разных варианта поведения, соответствующих стабильному или нестабильному состоянию системы управления»²⁰. Под стабильным и нестабильным состояниями имеется в виду, с одной стороны, период активных реформ, мобилизационных мероприятий, а с другой, режим вынужденного проведения контрреформ, успокоения общества после бурных потрясений в ходе проведения реформ.

Эта двойственность поведения русского человека формируется в течение нескольких последних столетий и хорошо подтверждается фактическим материалом всех периодов истории – имперским, советским и постсоветским. Все это следует учитывать, когда говорится о параметрах антропологического формата в государстве. Эта двойственность оказывается тем обстоятельством, которое способствует перерождению человека традиции в человека – ниспровергателя традиции. Можно с уверенностью говорить о том, что существовал исторически сложившийся маятниковый механизм «раскачивания» положительной нормы в виде волнообразной смены реформ и контрреформ. При достижении некоторой критической точки при качании маятника происходит оборачивание нормы. Некоторые авторы в этой связи говорят о наличии у русского человека государственнического инстинкта. Можно согласиться с таким утверждением. Важно иметь в виду социальные последствия того, что не одобренный культурой выбор, а глубинное инстинктивное стремление ведет к решительному отбрасыванию устаревшей исторической формы российской государственности.

Отношение к светскому человеку со стороны человека религиозного было двойственным. Светское начало в образовании, науке, в мировоззрении постепенно отвергалось им полностью. Православная церковь, начиная с Петра I, все больше превращает-

ся в идеологический инструмент в руках государства. Многие русские историки невысоко оценивают церковные реформы Петра I²¹. Церковь становится апологетом и защитником самодержавия, и это продолжалось даже тогда, когда стало очевидным, что самодержавие, как способ управления страной, показывал нарастающую неспособность управлять страной.

К началу XX в. религиозный дух окончательно покинул церковь. Неверие в ее спасительную миссию стало широко распространенным явлением во всех кругах общества. Об этом свидетельствует не только такие конкретные факты, как отлучение Л.Толстого от церкви. Но, прежде всего, мощный взрыв «нового религиозного сознания», представленного в трудах выдающихся отечественных философов начала XX в.. Следует лишь иметь в виду, что именно «новое религиозное сознание» как апология традиционного типа мышления явилось ответной реакцией на проникновение в страну прогрессивных европейских идей, как либеральных, так и социалистических, в том числе мощной преградой на пути признания светского характера науки.

Развитию научных знаний, образованию государство уделяло внимание, но масштабы их развития были несопоставимы с потребностями страны, если конечно иметь в виду уровень образования и науки к началу XX в. в сравнении не только с Европой, но и с Японией, совершившей колоссальный рывок в последние десятилетия XIX в.. Человек науки и человек образованный – явление для России редкое и малопонятное для основной массы населения за пределами нескольких больших городов. Всего накануне революции людей науки было 5.800 человек на 100 миллионов населения²².

Самое важное для понимания того, что происходило с человеком традиции – это метаморфозы человека государственного. Здесь разворачивается главная драма с антропологической точки зрения.

Человеку государства в ходе истории противостоит человек гражданин. Рождение человека-гражданина в России было связано с появлением в обществе слоя образованных людей, который был впоследствии назван интеллигенцией. Интеллигенция выступает на первых порах как заместитель нарождающегося гражданского общества.

Обычно пишут, что в пореформенный период появляется достаточно много институтов гражданского общества, но, добавляют, как правило, не в политической сфере²³. Трудно назвать все станов-

лением гражданского общества, когда сфера политики наглухо закрыта для участия в ней граждан, их добровольных объединений. Российская самодержавная власть до самого конца противится участию своих подданных в политике. Для российского государства характерно глубокое отчуждение власти от народа.

Наиболее существенная черта традиционной власти: дворцовая борьба и интриги за влияние на решения императора – это наверху, и отсутствие сколько-нибудь организованного и систематического контроля – это снизу, со стороны общества за деятельностью верховной власти. Бесправие человека лучше всего характеризуется понятием подданный.

Открытая политическая деятельность в России весь XIX в. находится под запретом. Под запретом – это мало что говорит. Николай I принял уложение в 1845 г., согласно которому политика законодательно объявлялась монополией государственной самодержавной власти. Занятие частного лица политической деятельностью становилось уголовным преступлением. Но и после того, как начались реформы, самодержавная власть не имела никакого намерения дать хоть некоторые подлинно политические свободы своим подданным, делать их полноправными гражданами. В отличие от Германии, в которой канцлер Бисмарк уговорил императора Вильгельма II пойти на радикальные политические реформы²⁴, российская самодержавная власть не желала сколько-нибудь серьезных перемен в архаичной, средневековой структуре власти и управления. Согласно циркуляру 1878 г. преступником мог стать любой человек, кто только подозревался в намерении заняться политической деятельностью. Александр III в 1881 г. подписал ряд документов об охране государственного порядка и, прежде всего, о придании особого статуса политической полиции. Всякие разговоры о привлечении общественности к обсуждению и принятию политических решений на высшем уровне были прекращены.

Вопрос о том, действительно ли в России имела место демократизация общества до 1905 г. и после 1905 г., остается глубоко дискуссионным. Скорее всего, можно говорить о демократических декорациях и о тенденции становления, особенно в XX в., полицейского государства. П.Б.Струве был прав, когда утверждал в 1903 г., что «действительная самобытность современ-

ной ему России заключалась во всемогуществе политической полиции, ставшей сущностью российского самодержавия»²⁵. Удивительно, но весь этот огромный комплекс проблем в литературе почти не обсуждается по существу. Однако за полицейский поворот в общественной жизни страны делается ответственной в стране, по сути, только «русская интеллигенция», под которой понимается, естественно, левая и особенно, леворадикальная интеллигенция.

Одно завоевание Запада становится особо значимым для русского общества, жившего по-прежнему при феодально-самодержавных порядках. Это вопрос о личности, который приобрел в России совсем другое звучание, не столько как об эгоистическом индивиде-собственнике, преследующем свои частные корыстные интересы, сколько как о гражданине, хотя проблема пользы для общества разумного эгоизма широко обсуждалась в литературе того времени.

Проблема русской, российской интеллигенции в нашей литературе, как мне кажется, до сих пор недостаточно связана с гражданской проблематикой. Интеллигенция, как социальное явление, вырастает из попыток отдельных лиц, считающих себя гражданами, реализовать какие-то свои потребности в участии в политической жизни при отсутствии легальных возможностей создания самостоятельных организаций граждан в этой сфере.

Эти самостоятельные организации выступают в обществе важнейшим каналом обратной связи между институтами государственной власти и социальными классами и группами на Западе. Особую роль в этом процессе играют разные формы классовой борьбы. Без всего этого западное общество не смогло бы так быстро развиваться в последние столетия. Деятельность интеллигенции – это и есть выражение ее гражданской ответственности в условиях отсутствия практически любых институтов гражданского общества в имперской России. Интеллигенция и берет на себя ответственность и смелость говорить самодержавной власти, как она понимает правду о том, к каким последствиям ведут ее указы и законы, проводимые в жизнь реформы.

То, за что сражаются интеллигенты в те времена в России, это борьба за законное признание различных способов и путей участия отдельных граждан или их групп в политической жизни

ни. Категорический отказ власти, ее полицейская свирепость в этом порождает уродливые формы борьбы за гражданские права, а не наоборот.

Русская, российская дореволюционная интеллигенция есть эрзац, заместитель гражданского общества, и в этой своей ипостаси она решительно отличается от просвещенных, образованных лиц, профессионально занятых умственным трудом. К русской интеллигенции можно причислить тех, кто пытается своими конкретными действиями и поступками восполнить отсутствие институтов гражданского общества. Это люди не только самых разных профессий и степени образованности, но и политических воззрений и интересов. Здесь никого нельзя исключать. Нет такой профессии – русская интеллигенция. Преподаватель, студент, крестьянин, любой человек, кто попытался решать вопросы гражданской самодеятельности и самостоятельности, есть в тех условиях представитель интеллигенции, хотя отдельные деятели науки, культуры, искусства тех времен неоднократно отрешивались от того, чтобы их называли интеллигентами. Но, конечно, у людей с образованием, прежде всего, могли появиться развитые гражданские добродетели, гражданская ответственность, хотя связь между гражданской позицией и образованием далеко не простая, особенно применительно к российским условиям. Русская интеллигенция в своей конкретности есть публичная, и, следовательно, гражданская совесть народа в конкретно-исторических условиях пореформенной России. Поэтому, подчеркнем, еще раз, она не связана жестко с какими-то профессиями. Нельзя никому отказывать в праве публичного поступка, индивидуальной демонстрации гражданской совести и гражданской позиции.

Имперской России не суждено было стать капиталистической страной по западному образцу. Самодержавная власть своей близорукой политикой, кажется, сделала все возможное и невозможное для предельной радикализации российского общества. Если власть стремилась решать политические задачи на путях создания полицейского государства, нежели на путях компромисса и реальной демократизации, как в бисмарковской Германии, например, то падение самодержавия было просто неизбежным. Левую интеллигенцию тех времен можно упрекать в антигосударственности, но

то же самое следует сказать в адрес ярых защитников самодержавия, которые, укрепляя давно отживший институт власти, только ускоряли его неизбежное падение.

Защитниками традиционного уклада выступали монархисты, черносотенцы, деятели церкви, одним словом, консерваторы. Они апеллировали к духовно-нравственным, религиозно-метафизическим ценностям. Для них проблема личности – это вовсе не проблема становления политически активного гражданина и гражданского общества, а проблема нравственного самосовершенствования. К примеру, авторов известного сборника «Вехи», вышедшего сто лет назад, мало интересует отсутствие в России сколько-нибудь значимых политических реформ. «Для русской интеллигенции, – пишет С.Н.Булгаков, – предстоит медленный и трудный путь перевоспитания личности. Россия нуждается в новых деятелях на всех поприщах жизни: Государственной – для осуществления «реформ», экономической – для поднятия народного хозяйства, культурной – для работы на пользу русского просвещения, церковной – для поднятия сил у нашей церкви, ее клира и иерархии»²⁶. Про реформу политической системы, про роль в этом общественности, разумеется, ни слова, как и про то, кто же все-таки является автором проводимых реформ – император вместе с высшим слоем бюрократии или какие-то еще другие политические субъекты, которые реально влияют на содержание принимаемых политических решений? Так что за радикализацию интеллигенции, как справа, так и слева, несет полную ответственность самодержавная власть.

Существует известный закон диалектики о соответствии формы и содержания. Когда при изменившихся условиях содержание теряет смысл, тогда начинается опасный и ведущий к кризису процесс замены содержания формой. Форма как бы растворяет в себе содержание. Известны многочисленные примеры о первобытных социальных нормах, которые начинают терять смысл, когда первобытные племена сталкиваются с более развитыми колониальными державами. Социальные нормы продолжают существовать, но в сознании людей, особенно новых поколений, они становятся бессодержательными и лишенными глубокого смысла, когда снимается запрет на их нарушение или они просто игнорируются.

В общем, строго однозначный образ мыслей человека государства, находящегося на службе, начинает постепенно, но неуклонно разрушаться на всех уровнях. Если самодержавное государство стремится до самого своего конца не допустить к реальному управлению никакие слои общества, то естественной становится мысль о допустимости смены такого государства другим, современным. Результат – переход на противоположную позицию. Между двумя этими позициями в обществе практически отсутствует срединность, как и нет стремления к ней в самой культуре переходного общества.

Отсутствие срединной культуры проявляет себя во всем. Военная составляющая сознания государственного человека сменяется решительным призывом – штык в землю, патриоты государства становятся его разрушителями или эмигрантами, государственная бюрократия все больше занимается собственным благоустройством, а народ платит ей презрением и ненавистью. Безусловный переход основной массы населения на антигосударственные позиции привел, в конечном счете, и к решительным революционным выступлениям. Иначе невозможно представить, как, на первый взгляд, имперское государство могло полностью разрушиться за несколько дней, и никто за него не вступился. Анти монархические настроения были настолько сильны, что Священный Синод отказался выполнять просьбу обер-прокурора обратиться к народу и поддержать в февральские дни 1917 г. распадавшуюся монархию. Поминовение царской власти было сразу же после падения монархии заменено на поминовение «Благоверного Временного правительства»²⁷.

Таков исход развития российского государства в направлении, противоположном тенденциям развития государства на Западе. Но есть еще одно последствие пути развития российского государства. Западное общество демонстрирует всему миру, что причиной его успехов является человек – индивидуалист. Однако попытка заменить им человека общинного и сословного по большому счету не удалась. Она провалилась. И ответ здесь вовсе не в том, что русскому человеку были глубоко несимпатичны или чужды материальные, эгоистические интересы, отсутствовало желание стать личностью, а не подданным. Нет, стремление к частной собственности, стать мелким самостоятельным хозяи-

ном и в этом смысле стать буржуа просматривается в поведении русских крестьян, особенно, когда возникает такая реальная возможность. Здесь всякие иллюзии опасны. Утверждению, прежде всего, человека экономического помешало самое главное препятствие. Им явилось периферийное положение экономики России в мировой капиталистической экономике, ее зависимый и отсталый характер.

Для полноценного развития экономического человека во все недостаточно только провозглашения частной собственности. Нужно появление принципиально новой системы общественных отношений, которое начинается с появления общенационального экономического пространства, общенационального рынка, отношений капитала и наемного труда, с освобождения предпринимателя – буржуа от сословных ограничений, что так и не было сделано до самой революции 1917 г. Через создание общенационального рынка утверждаются товарно-денежные отношения, которые только и могут стимулировать рост предпринимательства, появление устойчивых материальных интересов и, следовательно, формирование новых социальных слоев и социальных субъектов в обществе. Еще есть другая проблема, как преодоление и разрыв многовековой «сращенности» деревенской соседской общины, и самого крестьянина с землей. Для того, чтобы стать фермером, крестьянину нужно каким-то чудесным образом обрести городское, рациональное мышление, прагматично смотреть на землю, животных, весь сельский мир сквозь призму личной выгоды. А это достигается не указаниями и распоряжениями, а посредством грандиозной антифеодальной революции во всем обществе, и, прежде всего, мировоззренческой. Другими словами, чтобы утвердить человека экономического, нужно совершить все те преобразования, которые имели место на Западе в течение нескольких столетий, разумеется, при учете национальных особенностей отдельных стран. Никаких возможностей совершить все те преобразования для России не было. И это самое главное.

В течение всего времени развития западного капитализма действовал и продолжает действовать в настоящее время закон накопления, концентрации и централизации капитала. Дореволюционная Россия на протяжении ряда столетий как периферийная империя

находилась в растущей зависимости от центра мировой экономической капиталистической системы. Очередная попытка догнать ушедшие вперед западные страны приводила к появлению нового варианта или витка зависимости. Отсталая и зависимая периферия в сравнении с передовым Западом – это разные модели развития. При сравнительном анализе этих моделей выявляется все своеобразие исторического пути России в прошлом и настоящем.

Россия принадлежала к периферии капиталистической мировой экономической системы. В рамках периферийной модели капитализма только часть общества, работающая на внешний рынок, приобретает капиталистические черты. Ориентированная на западные ценности часть общества – государственная бюрократия, купцы, люди, принадлежащие к привилегированным условиям или обслуживающие их, – все они начинают перенимать черты западного образа жизни, на что тратят огромные деньги. Чем дальше развивается страна, тем больше долгов оказывается у нее. Европеизированная государственная бюрократия, правящая элита становятся внешним парадным фасадом государства, за которым скрываются огромные пласты архаики и традиционализма. Основная масса населения продолжает жить по законам и нормам традиционного уклада жизни²⁸.

Таким образом, если попытаться определить тип личности, складывавшейся в российском обществе в переходный период, то мы окажемся в большом затруднении.

Человек традиции как формат, задаваемый государством, становился все менее содержательным, но сама форма сохранялась до последнего момента. Пути позитивного движения к человеку разума для него закрыты. Человек, похожий на западного человека, появляется на границе страны и внешнего мира. Кто открытые и скрытые приверженцы Запада и в дореволюционные времена, и в Советском Союзе в конце 80-х гг. XX в.? Это та часть правящей элиты, те государственные служащие, которые заняты внешними сношениями страны с остальным миром, а также, высокопоставленные деятели науки, искусства, журналисты, кого привлекает государство для пропаганды и реализации своих целей и задач. Все эти люди, призванные соединять мир западный и мир российский, видят все несовершенство российского общества, попадают под мощное облучение западной системы ценностей и преиму-

шествовать, начинают всерьез принимать не просто несомненное превосходство западной модели общества, что, в общем-то, верно, но и крайнюю желательность и необходимость ее перенесения на российскую почву.

В любом случае переход к новой системе общественных отношений и к новому человеку не мог не быть огромной антропологической катастрофой, которая выступает неизбежной стороной социальной революции и которую нередко называют ее темным ликом²⁹. Так было во времена Французской революции, так было и во времена российской революции 1917 г. Степень взаимного ожесточения людей, как во Франции тех лет, так и в Гражданскую войну в России достигала крайних, невыносимых пределов.

В таком развитии хода событий свою роль сыграла не только изначальная антиномичность всех черт русского человека как человека традиционного. Во всех конкретных чертах он решительно переходит от преданности и службы имперскому государству на разрушительные антигосударственные позиции, от впечатлительной религиозной чувственности к воинственному атеизму, от изнурительного общинного и артельного труда, к уничтожению и захвату чужой собственности. Решающую роль в осознании практической возможности и необходимости так поступать сыграла отмеченная выше двойственность, дуалистическая черта русской души, порождаемая и закрепляемая волновым характером реформ – от мобилизации к застою, от радикальных реформ к немедленному исправлению их последствий на пути контрреформ.

Революция означает, что дальнейшее существование государственной самодержавной власти перестает быть легитимной для значительной части как элиты, так и народа, которые перестают доверять власти, отворачиваются от нее. Все, что было сделано в плюс, на пользу государству, теперь начинает рассматриваться как ущерб, который был нанесен человеку. Социальный кризис и катастрофа открывают возможности для еще одной попытки разрешить уже на новой основе антагонизм между государством и человеком. И если опять следует новый кризис и катастрофа, это означает, что и новая попытка также не удалась, как и предыдущая и что сохраняется антагонизм в отношениях государства и человека. Но здесь возникает и другой вопрос – об исторической

состоятельности российского государства и российской цивилизации. Одними словами о патриотизме и тысячелетней истории тут не обойтись.

Советский человек – человек идеологии

Чем меньше становится в западном обществе иллюзий относительно достижимости целей Прогресса, тем больше либеральные власти начинают уделять внимание целенаправленному формированию и управлению массовым сознанием общества. Появляется новый тип человека – человек манипулируемый. Основное средство манипуляции – идеология. Человек попадает под влияние масштабных идеологий – классовых, национальных, государственных идеологий. Эпоха от середины XIX в. до середины XX в. – была эпохой господства тотальных идеологий. Подход к философскому анализу этой эпохи, высказанный в отечественной литературе тремя авторами – М.К.Мамардашвили, Э.Ю.Соловьевым и В.С.Швыревым, до сих пор не утратил своей значимости. «Во второй половине XIX в. буржуазные политические партии на деле приступили к работе по овладению массовым сознанием. Раньше чем гуманистически ориентированная философия успела пересмотреть свои традиционные модели, сделать все выводы из неудачных попыток «прямого просвещения масс» и патерналистской опеки над ними, буржуазное общество произвело на свет мощные реальные инструменты демагогии, селекции предрассудков, поверхностного, но эффективного перекомбинирования элементов обыденного сознания»³⁰.

Прогрессистские иллюзии относительно возможностей разумного устройства общества были окончательно похоронены с началом первой мировой войны. Европейское пространство становится ареной фронтального столкновения тотальных идеологий. Последнее обстоятельство во многом помогает понять причины появления нового исторического типа – советского человека, который и стал результатом господства в обществе тотальной идеологии. До сих пор советский человек весьма редко выступает предметом научного исследования, основная масса публикаций, которая носит откровенно тенденциозный характер, она нередко доходила до откровенного глумления над человеком-«совком»³¹.

Советский человек и явился антропологической сущностью советского государства. Это был человек идеологический. Марксистско-ленинская идеология лежала в основе легитимности партийно-государственной власти в стране. Идеология пронизывала все общественные связи и отношения, духовную жизнь, повседневный мир людей. Югославский политик М.Джилас попытался раскрыть идеологическую суть экономики социалистических стран середины 50-х гг. прошлого года. Одна из глав его известной книги «Новый класс» так и называется «идеологическая экономика»³². Идеология носит в государстве жестко унифицирующий характер, она выступает социальной нормой для осмысления советским человеком общества, его истории, настоящего и будущего, оказывает первостепенное значение на личную мотивацию поступков и действий.

В.И.Толстых, рассматривая феномен советского человека, выделяет в нем, прежде всего, такие типологические человеческие качества, как коллективизм, интернационализм и сознательность³³. С нашей точки зрения, в советском человеке главное – это человек государственный (с присущим ему интернационализмом и патриотизмом), человек коллективист и человек образования.

Из несущих опор западного проекта Модерн в советское время был отброшен рынок, хотя это не совсем так. Сформировался административный рынок, как часть особого исторического типа раздаточной экономики, что только сегодня начинает по-настоящему осознаваться отечественной наукой³⁴. Но наука и образование стали предметом самой пристальной заботы и внимания со стороны государства. Техника и наука, сначала естественная, а потом и гуманитарная, превращаются в культ, особенно среди молодежи, как в довоенные годы, так и 50–60-е гг. XX в.. **Нигде так ярко не проявлял себя советский коллективизм, как в сфере промышленного труда и в сфере науки.** Человек идеологический – это коллективист по своему духу. Прав В.И.Толстых, говоря, что человек социалистичен, поскольку он коллективист.

В том, что советский человек был человеком государства, нередко видят сплошной негатив, поскольку он был прочно встроен в вертикаль партийно-государственной власти, фактически основанной на прямом господстве и подчинении, на личной зависимости. Из этого делается вывод о бесправии и даже рабстве советского

человека. А.А.Зиновьев попытался объяснить это сложное переплетение позитивного и негативного в советском обществе через обращение к законам организации больших масс населения. То, что называют советским режимом, есть естественная организация многих миллионов людей в единый социальный организм. Эту организацию просто невозможно сбросить, не разрушив общество до основания физически. Здесь власть отделить от народа практически невозможно. Здесь фактически в систему власти вовлечено почти все взрослое здоровое и активное население»³⁵. Вся дискуссионность проблемы и состоит в том, имел ли государственный социализм, сложившийся в нем идеологический тип социальности перспективы и стимулы для своего развития.

К сожалению, для советского человека осталось неведомым гражданское измерение западного человека и западного общества, эта сторона их повседневной жизни и сегодня осмысливается и понимается массовым российским сознанием с большим трудом. Специфика общества модерн, его типа социальности заключается, прежде всего, в многообразии и сложности общественных отношений, в развитых институтах гражданского общества, в наличии разных форм самостоятельной деятельности граждан, в активном участии различных слоев населения в политической жизни, в обсуждении, принятии и реализации политических решений. Рационализация и правовая формализация общественных связей и отношений давно уже стало социальной нормой жизни для западного человека. Только на основе этой рационализации и формализации становится возможным возникновение конкретных социальных наук, таких как социология, политическая наука, экономическая наука.

Все эти особенности западных форм жизнедеятельности находились за пределами повседневного опыта советского человека.

В отсутствии институтов гражданского общества их заместителями вновь становится интеллигенция. В советском обществе интеллигенция считалась социальной прослойкой или социальной группой, состоящей из людей, профессионально занятых умственным трудом. Со времен оттепели, с середины 50-х гг., в обществе появляются отдельные личности, которые стали выступать с публичной критикой тех или иных действий партийно-советской власти. Они обычно назывались в печати диссидентами, или не-

сколько мягче, инакомыслящими. Как правило, они подвергались идеологической проработке, а нередко и разного рода репрессиям. После отставки Хрущева и пражских событий 1968 г. диссидентское движение в стране приобрело довольно широкие размеры, но оно оставалось практически неизвестным для общества. Подавляющее большинство диссидентов выступало за социализм «с человеческим лицом», однако власти не допускали даже мысли о необходимости публичного обсуждения стратегических целей советского общества, обновления устаревших идеологических штампов, смягчения предельной идеологизации общества.

Механизмом разрушения советского строя, как и в имперский период, стал маятниковый характер реформ, несущий в себе не только созидательное начало, но и мощную деструктивную опасность для общественного строя.

Перестройка вызвала к жизни мощное движение, прежде всего, в кругах интеллигенции, которая отважилась, наконец-то, открыто осуждать и критиковать партийно-советскую власть. Сложившаяся в стране ситуация переходного периода во многом напоминала ситуацию в пореформенной России, и она стала развиваться по уже знакомому сценарию.

Первоначально главной целью «архитекторы перестройки» объявили построение демократического социалистического государства, правового государства и гражданского общества. (Известная фраза М.Горбачева: больше социализма – больше демократии). Отказ от однопартийной системы и единственно верной идеологии, переход к многопартийной системе и к идеологическому плюрализму стали главными мотивами активных выступлений и действий перестроечной советской интеллигенции.

В пореформенной России самодержавная власть жестко противостояла всей критически настроенной левой интеллигенции и примирительно относилась к крайне правым настроениям. Перестроечная власть поступила прямо противоположным образом. Поскольку власти разрешили свободу критики своих собственных идеологических и организационных основ, то спектр мнений сразу же оказался чрезвычайно широким. С одной стороны, плюрализм мнений действительно свидетельствовал о первых шагах становления гражданского общества. Верные по своему замыслу решения высшей власти о необходимости демократизации

советского общества были в целом поддержаны подавляющим большинством граждан. Но очень скоро идеологи перестройки стали всячески провоцировать интеллигенцию и подталкивать ее к все большей радикализации требований вплоть до отказа от «реального социализма», построенного в стране. Сторонники сохранения советского строя подвергались осмеянию и даже травле. Предельное обострение общественно-политических противоречий привело к полному параличу властно-управленческой вертикали и к распаду союзного государства, гибели советского социализма как общественного строя.

От человека идеологии – к человеку разума: новая попытка

С начала 90-х гг. после распада Советского Союза и мировой социалистической системы меняется в корне весь подход Запада к решению проблем как внешних, мировых, так и проблем внутреннего характера.

Прежде всего, Запад пересматривает, делает ревизию идеи общей судьбы человечества, идеи, которая была центральной, начиная с эпохи Просвещения, во всей классической европейской мысли, в том числе и в концепции либерализма. Считалось, что все страны мира рано или поздно станут капиталистическими и в них восторжествуют западные идеалы – политическая демократия, права человека, свободная индивидуальность, рыночная экономика. В реализации этих идеалов на протяжении нескольких веков усматривалась цивилизующая миссия капитализма, которая признавалась даже многими его непримиримыми критиками.

Теперь Запад отделяет свою судьбу от судьбы остального мира. Только народы западной цивилизации способны к дальнейшему прогрессу. Остальные народы, несмотря на все усилия Запада, показали и продолжают показывать всю свою ущербность, неспособность к переходу на западный путь развития. Запад полон решимости и на постиндустриальном, информационном этапе своего развития продолжать реализацию на своей территории незавершенного до сих пор проекта модерн, который можно назвать, по выражению У.Бека, «рефлексивной модернизацией»³⁶.

К середине XX в. индустриальный капитализм, который казалось бы дал, наконец, человеку изобилие и свободу, приводит общество к совершенно другим результатам. Просветительский разум становится на Западе инструментом порабощения человека построенной социальной системой. Механизм форматизации человека манипулируемого подробно описан в «Диалектике просвещения» К.Хоркхаймера и Т.Адорно. «Абсурдность состояния, при котором насилие системы над людьми возрастает с каждым шагом, освобождающим их от природного насилия, разоблачает атрофию разума разумного общества»³⁷. Об одномерном человеке сознания и действия развитого индустриального общества писал Г.Маркузе в середине 60-х гг. прошлого века: «Инструменталистский горизонт разума открывает путь рационально обоснованному тоталитарному обществу»³⁸.

Человек радио, конечно, не только создает механизмы эффективного социального контроля. Зрелое индустриальное общество придает человеку радио новый облик, стремление к власти основывается уже не на использовании тотальных идеологий, а на применении информационных технологий. Они открывают перед властной (знающей) элитой неограниченные возможности глубокой и направленной перестройки как массового, так и индивидуального сознания.

Социальность классического западного общества как тип носит отчужденный характер, человек становится зависимым от мощных безличных социальных структур, а с другой стороны – от неведомых сил, управляющих рынком и обществом. Именно отчужденный характер социальности и позволил Западу пойти по пути трансформации гражданского общества в массовое. «Молчание масс, безмыслие молчаливого большинства, – считает французский философ Ж.Бодрийяр, – вот единственная подлинная проблема современности». «Ранее властвовало социальное. Теперь на первый план выходит mass media и их иррациональным неистовством разрушается социальное». «Масса является массой, потому, что ее социальная энергия угасла. Это зона холода»³⁹.

Несмотря на завораживающий язык Ж.Бодрийяра и решительность выводов, социальное, как, впрочем, и политическое, в современном западном обществе вовсе не исчезают полностью, правильнее будет указать на тенденцию смены качества социаль-

ности и качества политического. Если говорить об антропологии постиндустриального западного общества, то для него становится характерным наличие раздвоенного типа человека: на человека знающего и человека манипулируемого. Человек манипулируемый к концу XX в. выглядит примерно так.

Это человек информационный (живущий в виртуальном мире, который навязывает ему СМИ). Это человек асоциальный, не желающий нести на себе бремя гражданской ответственности и явно недостаточно социализированный. И это человек массовый (потребляющий), для которого свобода становится свободой исключительно потребительского выбора.

Человек манипулируемый появился в западном обществе, когда в нем институты гражданского общества стали действенной и постоянной силой. Поэтому человек манипулируемый сыграл и продолжает играть важную роль для власти с целью достижения высокого уровня социального контроля, ограничения гражданской активности, защищающей права граждан, и в последние десятилетия социальное государство.

С самого начала перестройки человек идеологический стал быстро разрушаться. Прежде всего, перестроечная партийно-советская власть стала проповедовать новый формат человека времен оптимистической веры во всемогущество разума. Это был тот человек разума, которого давно нет на современном Западе, поскольку с тех пор он претерпел огромную эволюцию. Но так начал восприниматься Запад поздним советским обществом, восприниматься в самых радужных и прогрессистских смыслах. Западно-ориентированная интеллигенция с восторгом проповедовала необходимость скорейшего превращения человека идеологического в человека разумного и самостоятельного, свободного, прежде всего, от жесткой идеологической догматики и всепроникающего патерналистской опеки государства, от государственного атеизма.

Несомненно, подвижка от человека–государства к человеку–гражданину несла в себе позитивный смысл. Действительно, важно было восстановить реальную значимость человека гражданина, и с этой целью власть дала разрешение на создание первых демократических институтов – выборности всех законодательных органов государственной власти. Руководство страны объявило о своем намерении построить в стране социалистическое

правовое государство. Другими словами, сделать всю пирамиду власти всенародно и демократически выбираемой, поставленной в строгие правовые рамки и находящейся под постоянным контролем общества.

Это был большой прорыв. В обществе резко активизируется политическая жизнь. Человек политический перестает быть фикцией и обретает реальную эмпирическую наглядность. И тогда обнаружилось, что условием всех этих перемен становится разрушение у советского человека государственнического сознания, разрушение, как писали либерально мыслящие авторы, языческого культа власти.

Вслед за человеком политическим должен был появиться в позднем советском обществе и человек экономический. Как только была разрешена свобода деятельности в экономической области, появляются первые предприниматели. Реабилитация частного эгоистического интереса отдельного человека, его осознанного стремления к личной материальной выгоде приводит к восстановлению института частной собственности, появлению первых ростков рыночных отношений, но без всякого упоминания о связи капитала и рынка с эксплуатацией лиц наемного труда. Проблематика эксплуатации, господства и отчуждения становится настолько неактуальной, что она полностью исчезает из общественного дискурса поздних 1980-х гг.

В духовной сфере происходит резкий поворот от государственного атеизма к светскому государству. Свобода совести как основополагающий принцип обретает свою реальную правовую основу. Значительным ударом по человеку идеологическому стала трактовка духовного возрождения России исключительно как возвращения к религии, к православию в первую очередь, а также к исламу, иудаизму. Об иной светской форме духовности редко кто уже пишет, а тем более разрабатывает. Духовное возрождение советского, а потом уже и российского общества связывается исключительно с возрождением влияния церкви на сознание и поведение российских людей.

Пропаганда и реализация образа человека разума быстро приобретает в позднем советском обществе антисоциалистическую и антисоветскую направленность. При отсутствии все той же срединной культуры происходит неожиданно резко полярный перево-

рот в умонастроениях значительного большинства мыслящей части общества. Но суть дела была, конечно, не столько в отсутствии этой срединной культуры, сколько в отсутствии теоретического понимания задуманной перестройки государства, а именно возможностей воплощения идеалов человека Просвещения, раннего капитализма в России в конце XX в.

Новая государственная власть после 1991 г. намеренно делала все для того, чтобы в обществе стал господствовать стихийный рынок, который все расставит по своим местам. Из европейской истории известна огромная регулирующая роль государственной власти в поддержании эффективного рынка как самоорганизующейся системы отношений между людьми⁴⁰. Беспредел в расхищении прежней государственной собственности в 1990-е гг. мог напоминать рынок только при очень богатом воображении. Вместе с тем стало возникать и развиваться мелкое и среднее предпринимательство при жесткой и мелочной опеке различных властных структур. Государственные деятели открыто заявляют, что государство не собирается вмешиваться ни в экономику, ни в культуру, ни в мораль. О том, что образование и наука лежат в основе величайших достижений классического капитализма, проекта модерн, радикал-реформаторы новой России в начале 90-х гг. прошлого века забыли начисто, на что справедливо указал А.С.Панарин. Идеология рыночной рентабельности нанесла непоправимые удары по фундаментальной науке и образованию, которое перестраивается теперь на создание работника с весьма простыми профессиональными функциями на основе пресловутой компетентности. Опора исключительно на рыночный подход, по мысли А.С.Панарина вносит, «ни меньше ни больше, антропологический переворот во всю систему модерна»⁴¹.

Но одновременно с процессом внедрения классического проекта модерн был запущен другой процесс. Началось энергичное вбрасывание в общественное сознание той части проекта модерн-2, которая связана с человеком манипулируемым. Что касается другого исторического типа человека – человека знаний, который начинает формироваться на Западе в эпоху постиндустриализма, то радикал-реформаторы оставили его без внимания.

Научно-технологический и индустриальный потенциал, созданный в советский период, который мог послужить основой, трамплином для перехода страны на постиндустриальный

этап, был основательно разрушен. О необходимости перехода к инновационной экономике, инновационному типу развития общества новая российская правящая элита вспомнила после радикальных перемен в руководстве страны на рубеже смены веков и тысячелетий.

В новой России человек манипулируемый стал быстро сменять человека идеологического. Это происходило и происходит в условиях, когда в обществе только начали возникать и укрепляться первые ростки гражданского общества. Последствия этого процесса в России радикально отличались от последствий на Западе. Россия попыталась сделать скачок сразу от человека идеологического общества к массовому обществу, минуя этап гражданского общества.

Главная черта человека манипулируемого – это его асоциальность, она дает в новой России поразительные по своей опасности результаты. Асоциальность как продукт негативной социальности ведет к энергичному разрушению прежнего идеологического каркаса общества, к распаду прежней устойчивой и предсказуемой системы отношений между людьми. Вместо возникновения западного типа социальности, как растущего богатства связей, отношений, рационально выстроенных и эффективно работающих социальных институтов, происходит провал большинства людей в этническую или региональную социальность. Это была для них единственная возможность обрести какие-то устойчивые межлюдские связи, новые духовные, нравственные ориентиры в жизни взамен разрушенной прежней системы ценностей. Все это становится питательной почвой для сепаратистских и националистических настроений.

Наконец, асоциальность при отсутствии как прежних идеологических скреп в обществе, так и при отсутствии гражданского общества ведет к девиантному поведению в массовых масштабах, особенно в среде подростков, и к массовой криминализации общества – от мата, блатных песен до повальных поборов, взяточничества и коррупции.

Уход государства от позитивного управления сложными процессами реформирования общества еще более усугубляет социальный беспорядок, хаос, резкий рост преступности в обществе. Криминализация общества стала фактором, угрожающим самим основам организованной жизни людей.

Одним словом, современный массовый человек стал вести себя как человек агосударственный, выпавший из государства. Прав В.Д.Соловей, специально рассмотревший причины роста русского национализма как культурного явления в стране за последние десятилетия. Впервые за пять столетий русский народ оказался оставленным своим государством⁴².

В целом, результат к концу 1990-х гг. был просто ошеломляющий. Началось массовое вымирание населения России, прежде всего русского населения, что позволило некоторым авторам даже говорить о геноциде русского народа.

Антропологическая катастрофа происходила вместе с государственной катастрофой. Российская Федерация на рубеже веков и тысячелетий оказалась на грани распада. И глубоко символично и закономерно, что новое российское государство после преодоления этой угрозы становится неотрадиционалистским в своей основе, т.е. воспроизводит инвариант, неизменные институциональные «матрицы» как государства, так и экономики, свойственные России с момента возникновения государственности и по сегодняшний день⁴³.

В последнее десятилетие была заново выстроена вертикаль власти, что само по себе является правильным и исторически своевременным решением. Хотя это обстоятельство порождает знакомые по прежним системам власти неприглядные и порой опасные черты поведения правящей элиты, появление клановости в околовластных структурах, выдвижение на первое место не деловых качеств, а личных отношений при назначении на руководящие должности в аппарате. Вновь преимущественное положение в обществе принадлежит системе государственных отношений господства и подчинения, личной зависимости, как на федеральном, так и на региональных уровнях.

Российские либералы западной ориентации весьма настойчиво призывают полностью отказаться от традиционного, т.е. авторитарного начала в устройстве современного российского государства⁴⁴. Однако в основе такого вывода лежат доводы в основном политического характера. Здесь не принимается во внимание необходимость в создании прочных социальных связей между людьми, соединяющих различные сегменты общества в одно единое целое. В сложившейся ситуации по-прежнему

весьма незначительную роль играют вещные, товарно-денежные отношения как определяющая форма общественных, а не только экономических отношений. Так что вновь возникает до сих пор не решенный и в теории вопрос о том, каковы были возможности создания вещных, товарно-денежных отношений в прежней, имперской России и каковы они в современной республике суперпрезидентского типа. Скорее всего, в России будет и дальше складываться и укрепляться свойственная отечественной экономике разновидность рынка – административный рынок как наиболее устойчивый по сравнению с другими тип социальной связи в обществе между различными экономическими структурами и социальными субъектами.

Итак, в ответе на вопрос, каков же антропологический формат русского (российского) человека, который задается российским государством, сегодня нет никакой определенности.

Можно говорить только о том, что различные типы человека, которые задавались в российской истории государством, сегодня сошлись и взаимодействуют между собой на постсоветском пространстве.

Это следующие типы:

1) человек идеологический, сохраняющийся в огромных масштабах с советских времен в недрах современного российского общества;

2) человек классического проекта модерн – человек разумный. Это человек, который должен считать себя полноценным гражданином, живущим в новой системе политических отношений, институтов, связей – выборы, партии, митинги и забастовки. Это человек светский, т.е. толерантный, лишенный воинствующего отношения к религии, это человек, наделенный по Конституции положительно понимаемой свободой и в сфере экономики. Человек, который должен научиться жить в сфере вещных, товарно-денежных отношений. Впрочем, этот человек пока плохо понимает глубокие причины своей отчужденности от политических, экономических, социальных структур и социальных институтов, но нередко демонстрирует неудовлетворенность отношением к нему власти;

3) человек проекта модерн-2, на который продолжает ориентироваться в своем развитии страны «золотого миллиарда». С одной стороны, это и человек рацио, человек, стремящийся к богатству и

к власти через овладение и применение современных достижений науки и информационных технологий. С другой стороны – это человек манипулируемый;

4) человек традиции, который частично воспроизводится в обществе стихийно, частично формируется под влиянием определенных действий власти и церкви, различных общественных движений, призывающих к восстановлению института самодержавия и всего, что с ним связано.

Антропологический формат нового российского государства, задаваемый сразу несколькими моделями, естественно не приобрел и не может приобрести стойких очертаний. Возникло столько странных сочетаний в головах и поведении людей, что их вид порою превосходит любое воображение. Детальный анализ этой ситуации дал Ж.Т.Тощенко в своей работе «Человек парадоксальный», в которой показал, как реально могут сосуществовать несовместимые разные начала в оценке современного состояния политики, экономики, культуры и т.д. в индивидуальном и коллективных представлениях в российском обществе. Автор утверждает, что подобные состояния «не каприз, и даже не исключение, а скорее всего норма для *homo sapiens and sensis*»⁴⁵. С автором трудно согласиться во всем, хотя поддержанная им идея создания новой научной дисциплины – кентавристики, изучающей реально живущих людей-кентавров, может оказаться весьма продуктивной.

Какой тип человека возобладает, зависит от того, какой жизнеспособный тип государства утвердится в стране на обозримое будущее.

Становление гражданского общества в России идет с большими трудностями. Российское общество в результате радикальных реформ конца 1980-х – начала 1990-х гг. быстро прошло начальную стадию формирования отдельных институтов гражданского общества и превратилось в массовое общество. Можно ли из массового общества сделать гражданское общество? В том виде, в каком оно существует сегодня в европейских странах, видимо, невозможно. В стране сложился жестко управляемый процесс формирования институтов гражданского общества, деятельность которых находится под строгим государственным присмотром, что позволяет отдельным авторам говорить о квазигражданском обществе, возникшем в России.

С начала века высшая власть активно наводит «порядок» в политическом пространстве и гражданском обществе, пытается вытеснить все непредсказуемое и неконтролируемое из политической среды, в том числе ряд радикальных партий, ограничить их влияние на общественное мнение.

В стране по-прежнему сохраняется глубокое отчуждение власти от общества, столь характерное для традиционного общества. Неотрадиционалистское общество в этом отношении не исключение. Современные партии в России не пользуются высоким уровнем доверия, хотя среди них есть и оппозиционные партии со своей прессой и публичной деятельностью, но они имеют мало политического влияния как на взгляды и поведение населения, так и на принятие важных политических решений. Самодеятельные организации граждан, как и до революции, по-прежнему почти все сосредоточены в неполитической сфере.

Русская (российская) интеллигенция в отсутствие эффективных институтов гражданского общества вновь пытается стать его заместителем. Она по-прежнему ведет борьбу там, когда забывают о национальных интересах, когда нарушается социальная справедливость, одним словом, когда совесть не дает ей права молчать. Иногда власть ее поддерживает, а иногда и травит вплоть до судебных показательных процессов.

Поэтому нередко только настойчивое давление интеллигенции способно пробить броню отчуждения и пренебрежения интересами граждан, их конституционным правом принимать участие в политической жизни. Проверенное оружие интеллигенции – прямая публичная критика действий органов государственной власти, и прежде всего правительства, использование любых информационных каналов с целью доведения до власти мнения различных слоев населения.

Судьба интеллигенции зависит от того, будет ли власть стремиться к постепенному самоограничению, или наоборот, общество вновь станет свидетелем еще одного расцвета самовластья. Происходящим в политической жизни процессам трудно дать сегодня однозначную оценку. Одно дело, если новый авторитаризм станет условием мощного модернизационного рывка, другое – если наведение порядка и контроля в политической сфере порождено страхом коррумпированной государственной бюрократии за свои места и деньги.

Одним словом, российский тип социальности по сравнению с западным типом социальности по-прежнему пока имеет прочную государственническую основу, внутри которой можно обнаружить многие элементы других типов социальности.

Некоторые авторы пишут о социальной бедности российского этоса как части культуры. Есть такие ценности, убеждения, нормы жизни, составляющие суть этоса, «которые являются стартовой основой хозяйственного развития, без которых экономическое процветание невозможно», – пишет А.И.Пригожин⁴⁶. Этос имеет решающее значение для конкурентоспособности страны, особенно в нынешних условиях. В российском этосе явно не хватает того, что отличает в повседневной жизни западного человека от российского. Это безусловное соблюдение закона, качество труда, взаимная обязательность, уважение и доверие, достоинство, умение общения, способность и желание стремиться к поиску компромиссов и соглашений и некоторые другие черты, ставшие нормой западного человека.

Можно говорить об отчужденности западного человека от структур и социальных институтов, но не следует забывать о несомненной прогрессивности общества, в котором возникают богатые, разносторонние общественные отношения – политические, экономические, социальные, межличностные и т.д. При всем несовершенстве западного типа социальности в ней существуют реальные возможности для самореализации личности, функционируют различные каналы вертикальной мобильности, своеобразные социальные лифты, все это делает жизнь индивида трудной, но многообразной и полной, приучает его к ответственному поведению в обществе.

Человек государственный, человек-гражданин и человек асоциальный или негативно социальный – все это перемешано в российском обществе и в конкретном человеке, который часто показывает себя в различных жизненных ситуациях и тем, и другим, и третьим.

Что касается личностных характеристик человека, то в нем свободный индивидуалист легко уживается с человеком массовым, и вместе с тем он может демонстрировать свои соборные (религиозные) и коллективистские нормы поведения.

Сложнее всего обстоит дело с духовностью. Сегодня имеет место большой перекося в сторону защиты и пропаганды традиционных ценностей, выдвижения на первый план нравственного

самосовершенствования личности. Эта консервативная позиция характерна для традиционного государства, и сегодня она вновь берется на вооружение. Можно говорить о быстром вхождении в сферу духовной жизни общества всех конфессий, имеющих место на российской территории, и прежде всего православия и ислама. Православие становится идеологией, которую активно поддерживает государственная власть. Но вряд ли здесь можно добиться большого успеха, поскольку православие для подавляющего большинства людей выступает в лучшем случае как внешнее показное благочестие. Религия формы, но не содержания может в лучшем случае выполнять роль псевдоидеологии. Российский человек сегодня – человек внеидеологический, вопрос о системе смысложизненных ценностей остается для него открытым вопросом. Если страна вводит в конституцию положение об отказе от государственной идеологии, если в государстве появляются различно ориентированные социальные и политические силы, то надеяться на новую единственно верную идеологию нет оснований. А потому правы те, которые говорят, что сегодня никакая одна-единственная идеология не спасет страну. Российские люди стали все разными. Вместе с тем при сохранении конституционной нормы светского государства фактически наблюдается постоянное отступление власти от него по многим направлениям. Можно говорить о дискредитации науки, которая сегодня имеет низкое положение в обществе, особенно дискредитации научного мировоззрения, о беспрепятственном распространении в обществе мистики, языческих верований, черных и белых магий и многого другого. Общество стоит на пороге фактического возвращения церкви в школы и высшие учебные заведения.

Вместе с тем светскость как социальная норма является сегодня господствующей, хотя она подвергается давлению и с другой стороны, со стороны человека информационного, постмодернистского, совершенно индифферентного ко всем мировоззренческим вопросам, могущего много знать, но в котором легко уживаются самые противоположные и несовместимые взгляды, позиции, точки зрения.

Бедность новой российской социальности может быть восполнена богатой духовностью. Такой формат российского человека является еще одним воспроизведением традиционного человека, который хорошо знаком по отечественной истории как имперского периода, так и советского. Непохожесть на европейца здесь оче-

видна. Вопрос в том, где искать источники высокой светской духовности. Результаты взаимодействия различных форматов человека, которые, с одной стороны, задаются государством, с другой стороны, складываются вне и помимо усилий государства, сегодня трудно предсказать. Но в методологическом плане очевидно, что ориентация части отечественной интеллектуальной элиты на дальнейшую реализацию проекта модерн все более входит в противоречие с действительными потребностями развития страны.

Следует попытаться выявить некую позитивную тенденцию, вокруг которой может идти кристаллизация нового формата российского человека. Есть еще один формат человека, который задается глобальными процессами, имеющими место как в западной цивилизации, так и в незападных странах и в России.

О контурах нового человека – человека культуры

Постиндустриальное общество обычно характеризуется и как постсовременное общество, основанное на «знании». Если в эпоху индустриального развития господствующее положение в обществе занимала идеология, то динамика развития постиндустриального общества обуславливается использованием достижений науки, высоким уровнем образования. При этом речь идет не о технологических факторах развития, а о развитии человеческого потенциала общества. В мире постепенно складываются условия для перехода человечества от техногенной цивилизации к новой модели цивилизационного развития, основанной на постэкономических ценностях, когда вложения в человека, в создание человеческого капитала становятся самыми выгодными и эффективными вложениями с точки зрения перспектив общественного развития.

Смысл этого процесса состоит в том, что важно перевернуть пирамиду детерминации, перейти от общества экономической детерминации, порождающей отчужденные формы отношений между людьми, беспомощность человека перед безличными социальными структурами, информационным манипулированием, к постэкономической детерминации, когда целью общественного развития станет развитие самого человека, а не бесконечный рост потребления товаров.

Ю.Хабермас, активный критик постмодернизма и сторонник продолжения реализации проекта модерн на Западе, полагает, что переход от моносубъектного разума классического Просвещения, переродившегося в инструментальный разум, следует искать на путях перехода к коммуникативному разуму. «Коммуникативный разум выражается в связующей силе межсубъектного взаимопонимания и взаимного признания, он описывает универсум коллективной формы жизни»⁴⁷. Необходимо создание нового типа неотчужденной свободной коммуникации, нового типа социальности и постепенное устранение господствующих сегодня механизмов воспроизводства человека манипулятивного.

Перспективой и условием дальнейшего мирового прогресса становится появление человека культуры, которое приобретает все более зримые очертания как на Западе, так и в России. Но его становление будет происходить в них по разным путям и различными этапами.

Основы положения о человеке культуры содержатся в марксовской концепции культуры, всесторонний анализ которой был дан в 90-е гг. прошлого века в статье В.М.Межуева «Социализм как пространство культуры»⁴⁸. Человек культуры и идея социализма неразрывно связаны между собой. Социализм есть общество, живущее по законам культуры.

Человек культуры – это человек знаний, это человек гуманный, это человек – свободная индивидуальность.

С этих позиций несколько по-новому представляется реальная роль гражданского общества в исторической перспективе. Оно играет важную роль в треугольнике отношений власть – рынок – гражданское общество. При всей его значимости для нормального развития гражданское общество в его нынешнем понимании типологически принадлежит капиталистической системе. Кризис западной демократии, вызванный появлением массового общества, стал вместе с тем и кризисом гражданского общества, эффективности его многих институтов. Маркс писал о неизбежности перехода от «гражданского» общества к человеческому обществу или к обобществившемуся человечеству, к обществу «завершенного гуманизма»⁴⁹.

Социализм, как сказал некогда Г.Маркузе в своих 33 тезисах о социализме, означает определенное «всеобщее»: всеобщее свободных личностей⁵⁰. Наука как всеобщий труд, как процесс и результат

становится важнейшим условием трудовой деятельности человека во всех сферах общественной жизни. Достижения науки нельзя приватизировать, превратить в частную собственность отдельных лиц.

Человек культуры возможен тогда, когда ему принадлежит наука, все духовное богатство. Другими словами, когда это богатство становится общественным богатством, т.е. «собственностью каждого на все общественное богатство»⁵¹. Только наличие общественного богатства делает человека духовно богатым существом. Его богатство состоит в тех неограниченных возможностях, которые открываются для его собственного индивидуального развития.

Разумеется, по-прежнему существуют преграды, которые ставит на этом пути сегодняшний информационный капитализм, порождающие отчуждение человека от достижений науки и превращающие их в инструменты господства власти. Частный собственник и в прошлом, и в настоящем стремится использовать практически применяемое научное знание для своей выгоды. Это очень серьезная проблема, связанная с целями и задачами фундаментальных и прикладных исследований, с сокрытием опасностей и рисков, прямыми угрозами для безопасного развития общества и человека. Вместе с тем государство вынуждено с целью создания устойчивого развития экономики и общества предоставлять все более широкий, равный и свободный доступ всем людям к достижениям науки и культуры. Налицо борьба противоборствующих тенденций в современном мире.

Человек культуры – это свободная творческая универсальная личность в отличие от частичного человека, порожденного эпохой классического капитализма.

Современный, интеллектуальный социализм сохраняет свою приверженность основным ценностям и целям марксизма и, прежде всего, гуманистической идее освобождения труда, освобождения человека от необходимости быть рабочим, заниматься непосредственным трудом. Необходимость в новой исторической форме социализма – социализма XXI в. как раз и обусловлена появлением принципиально новой ступени в развитии человечества – общества «знания».

Современный социализм утверждает, что борьба за социализм – это борьба за знания, культуру, образование, за человеческую духовность и гуманистические ценности. Сюда происходит

перемещение основного фокуса в борьбе за социализм. Речь должна идти о становлении современного образованного человека, о способах выработки им мотивации к овладению и использованию достижений науки, культуры как совокупного исторического опыта своей страны и человечества в целом. И, наконец, о преодолении разрыва между рабочим и свободным временем, на чем особенно настаивал К.Маркс. «С превращением свободного времени в меру общественного богатства, – пишет В.М.Межуев, – потребность в культуре становится важнейшей потребностью человека, а ее удовлетворение целью общественного развития»⁵².

Происходящее в западном обществе формирование человека культуры есть одна из тенденций его развития, которым противостоят другие, не созидательные, а разрушительные тенденции. В западном обществе налицо дефицит духовности, но избыток бездумного потребительства. Сегодня человечество не может больше позволить себе этого. В назревающей духовной революции мирового масштаба в отказе от ценностей и целей техногенной цивилизации, от ее образа жизни можно усмотреть черты нового формирующегося человека культуры. Вместе с тем появляются реальные технологические условия для достижения главной цели марксизма – освобождения человека труда. Но подчеркнем еще раз, российские пути реализации этой цели будут существенно отличаться от классического марксовского видения проблемы и появляющихся сегодня в Европе первых актуальных практик ее реализации, хотя в недостаточно адекватных формах.

Что касается, России, то создание величественного Общественного Проекта придаст российским людям мощный духовный импульс, новые высшие ценности и стратегические цели. Именно через новую духовность в России сформируется новое антропологическое измерение российского государства и общества как синтез всех предыдущих антропологических форматов государства, новый тип социальности, способный вынести огромные перегрузки в деле преодоления страной своего неравноправного положения в отношениях с Западом и достижения своих стратегических целей. В этом Общественном Проекте вновь важная роль будет отведена государству как носителю идеи общего блага, как главного, но далеко не единственного субъекта реализации

Общественного Проекта. Но отношения государства и формирующегося человека культуры приобретут в обществе совершенно иные очертания, чем они имели до сих пор.

Примечания

- ¹ Известные специалисты по демографии А.И. Антонов и В.А. Борисов в книге «Динамика населения России в XXI в. и приоритеты демографической политики» (М., 2006) показали на цифрах катастрофичность демографического положения страны. Все прогнозы численности населения страны, выполненные в начале XXI в., подчеркивают авторы, являются депопуляционными.
- ² О современной ситуации в этой сфере научных исследований в стране см., например: Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: В 2 т. СПб. 2006; *Барулин В.С.* Социально-философская антропология. М., 2007. *Кромм М.М.* Историческая антропология СПб., 2000; *Козлова Н.Н.* Социально-историческая антропология. М., 1999. Очерки по социальной антропологии. СПб., 1996.
- ³ О состоянии научного аппарата для описания российской реальности как о серьезной интеллектуальной проблеме см., например: *Ушаков В.Н.* Немыслимая Россия // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Россия как идея. М., 1995. С. 395; *Горянин А.* Новое определение российского государства // Отечественные записки. 2007. № 39. В более широком смысле все дискуссии последних лет в отечественной мысли относительно национальной идентичности, будущего России и т.д. так или иначе связаны с поисками понятийного аппарата, способного дать объяснение, адекватное сложившейся ситуации.
- ⁴ *Момджян К.Х.* Введение в социальную философию. М., 1997. С. 83.
- ⁵ Из письма П.А. Вяземского А.И. Тургеневу 27 марта 1820 г. Цит. по кн.: *Раевский Н.А.* Портреты заговорили. Алма-Ата, 1986. С. 163.
- ⁶ О дискуссиях вокруг определения империи как государства традиционного типа см.: *Каспэ С.* «Империя и модернизация: общая модель и российская специфика. М., 2001. Гл. 1.
- ⁷ Государственная служба / Отв. ред. А.В. Оболонский М., 2000. Гл. II: История отечественной «государевой службы».
- ⁸ *Савицкий В.* Три века российского самовластия. Сомнения, недоумения, коррективы. М., 2005. Указанный императором Петром путь «оказался для России единственно возможным и необходимым» (С. 347).
- ⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. I. С. 105. К.Маркс отмечает: «Вещную связь следует предпочесть отсутствию всякой связи между ними или же наличию всего лишь локальной связи, основанной на самом тесном кровном родстве или на отношениях господства и подчинения».
- ¹⁰ Домострой. СПб., 1994.
- ¹¹ *Олейников Ю.В.* Природный фактор бытия российского социума. М., 2003. Гл. IV.

- 12 «Власть в сакральном обществе концентрически сводится к центральной точке – к полюсу, к суверену. Это царствующий субъект есть сумма сакрального и, соответственно, сумма Политического» (*Дугин А.Г.* Философия политики. М., 2004. С. 111).
- 13 В России «нет дара создания средней культуры, и этим она действительно глубоко отличается от стран Запада, отличается не только по отсталости своей, а по духу своему. Здесь тайна русского духа» (*Бердяев Н.А.* Душа России // *Русская идея* / Сост. М.А.Маслин. М., 1992. С. 310).
- 14 *Алексеева Е.В.* Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М., 2007. С. 285.
- 15 *Федорова М.М.* Метаморфозы принципов Просвещения в политической философии Франции эпохи буржуазных революций. М., 2005. С. 187.
- 16 См. подробнее: *Козлова Н.Н.* Социально-историческая антропология. М., 1999. Тема 6: От традиционного общества к Модерну: человек и люди.
- 17 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 29.
- 18 «Практическая потребность, эгоизм – вот принцип гражданского общества, и он выступает в чистом виде, как только гражданское общество окончательно породило из своих собственных недр политическое государство». *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 410. Современный и детальный анализ взглядов К.Маркса на гражданское общество см.: *Баллаев А.Б.* «Bürgergesellschaft» и сфера политического в философии Маркса // Политико-философский ежегодник. Вып. 1. М., 2008. С. 23–37.
- 19 *Ключевский В.О.* Соч. в 9 т. Т. 1. Ч. 1. М., 1987. С. 50.
- 20 *Прохоров А.П.* Русская модель управления. М., 2005. С. 119.
- 21 См.: *Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В.* Реформатор. Русские о Петре I. Иваново. 1994. Разд. 11: Религиозный отступник.
- 22 *Алексеева Е.В.* Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М., 2007. С. 273.
- 23 *Туманова А.С.* Общественность и формы ее самоорганизации в имперской России конца XVIII – начала XX вв. // Отечественная история. 2007. № 6.
- 24 Впрочем, эта революция «сверху» осталась незаконченной. Оценку ее результатов см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 28.
- 25 *Струве П.Б.* Россия под надзором полиции // Освобождение. 1903. Т. 1. № 20/21. С. 357.
- 26 *Булгаков С.Н.* Героизм и подвижничество // Вехи. М., 1990. С. 63. В предисловии к «Вехам» имеется фраза, ставшая хорошо известной, в которой предельно точно выражена суть концепции сборника: «Внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого бытия и ...она, а не самодовлеющие начала политического порядка, является единственно прочным базисом для всякого общественного строительства» (Там же. С. 4).
- 27 *Бабкин М.* Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М., 2007. С. 197–198.
- 28 Подробнее о зависимом типе развития см.: *Шевченко В.Н.* Жизнеспособность российского государства как философско-политическая проблема // Жизнеспособность российского государства как философско-политическая проблема. М., 2006. С. 15–37.

- 29 О психопатологии революции как естественной форме реализации ее «конструктивного начала» подробно пишет В.Булдаков в обширной работе «Красная смута». М., 1997. С. 354 и далее.
- 30 *Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С.* Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире. Философия и наука. М., 1972. С. 60.
- 31 *Толстых В.И.* Мы были. Советский человек как он есть. М., 2008; *Козлова Н.Н.* Горизонты повседневности советского человека. М., 1996; *ее же.* Советские люди. Сцены из истории М., 2005; *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. Екатеринбург, 2004; *Гудков Л.Д.* Советский человек в социологии Ю.Левада // Общественные науки и современность. 2007. № 6. В своей работе «Социально-историческая антропология» (Раздел «Советский человек») Н.Н.Козлова делает интересное замечание: «Новый канон советский человек был провозглашен в 1934 г. на XVII съезде ВКП(б)» (С. 160).
- 32 «Идеологические и политические мотивы в большей степени, чем интересы национальной экономики как единого целого, являются движущей силой коммунистического планирования» (*Джилас М. М.*, 1992. С. 270).
- 33 *Толстых В.И.* Указ. соч. С. 46.
- 34 См.: *Кордонский С.* Ресурсное государство. М., 2007; *Бессонова О.Э.* Раздаточная экономика России. М., 2006.
- 35 *Зиновьев А.А.* Кризис коммунизма. М., 1993. С. 42. И далее автор пишет: «Чтобы разрушить эту систему власти, нужны достаточно серьезные исторические основания и время. На это нужны века, если рассчитывать на чисто внутреннюю эволюцию советского общества».
- 36 *Бек У.* Общество риска: На пути к другому модерну. М., 2000. С. 11.
- 37 *Хоркхаймер М., Адорно Т.В.* Диалектика Просвещения: Филос. фрагменты. М.–СПб., 1997. С. 56.
- 38 *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Одномерный человек. М., 2002. С. 421.
- 39 *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства или Конец социального. Екатеринбург, 2000. С. 30, 32.
- 40 *Нуреев Р.М.* Государство и рынок. [http://www. ecsoman. edu.ru/db/sectx/401. html](http://www.ecsoman.edu.ru/db/sectx/401.html).
- 41 *Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность в XXI в. М., 2003. С. 435.
- 42 «Освободившееся от обязательств по отношению к обществу государство встречает симметричную реакцию: люди предпочитают чувствовать себя свободными от любых обязательств по отношению к нему» (*Соловей В.Д.* Русская история: новое прочтение. М., 2005. С. 272).
- 43 См.: *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000. Гл. 3; *Шевченко В.Н.* Жизнеспособность российского государства как философско-политическая проблема // Жизнеспособность государства как философско-политическая проблема. М., 2006. С. 26–28.
- 44 «Либералы ясно осознают стоящую перед ними – в масштабе отечественной истории – задачу. Она заключается в том, чтобы тенденцию, давно развивавшуюся внутри российской авторитарной традиции, довести до ее преодоле-

ния самой этой традиции, а не в том, чтобы в очередной раз пытаться к ней прислониться» (*Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало? М., 2005. С. 14–15).

⁴⁵ *Тоценко Ж.Т.* Парадоксальный человек. М., 2001. С. 111.

⁴⁶ *Пригожин А.И.* Дезорганизация. Причины, виды, преодоление. М., 2007. С. 161.

⁴⁷ *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М., 2008. С. 334.

⁴⁸ *Межуев В.М.* Социализм как пространство культуры // *Альтернативы.* 1999. № 2. С. 18.

⁴⁹ См.: *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., Т. 3. С. 4.

⁵⁰ *Маркузе Г.* 33 тезиса // *Альтернативы.* 2007. № 2. С. 63.

⁵¹ *Межуев В.М.* Указ. соч. С. 26.

⁵² Там же. С. 20.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

1. Антропологическое измерение российского государства как императив современности

Эта тема при всей ее широте высвечивает в то же время основную суть политической философии, которая как бы вращается между двумя полюсами. Один полюс – объективная реальность государства и власти, которые представляют самостоятельную ценность и не могут быть отменены по человеческому произволу. Другой – человек с его индивидуальностью, свободой воли и выбора, собственной ценностной системой. Трагическое размежевание философии и политики в нашем обществе привело к тому, что проблематика человека, являющаяся в сущности ключевой для обеих, почти полностью выпала из поля зрения творцов политики, ее практических исполнителей, что ведет к одностороннему подходу в научных исследованиях. В определенной мере это обусловлено затянувшимся кризисом российского государства, тем, что исторический выбор активными политическими силами, и прежде всего государством, все еще не сделан. Политическая элита продолжает по инерции ориентироваться в основном на догмы экономического мировоззрения и не принимает во внимание другие – не менее, а может быть, более существенные факторы. В результате российское государство хотя и выбралось из очень неблагоприятной ситуации на рубеже тысячелетий, по-прежнему стоит на распутье. И не в последнюю очередь потому, что до сих пор нет удовлетворительного объяснения, как и почему наша страна, практически мгновенно поднявшаяся до статуса сверхдержавы, также мгновенно деградировала и распалась.

В таких условиях философия должна находить адекватные сложившейся ситуации способы исследования. Потребность в этом с каждым годом ощущается все острее и настоятельнее. Определенным шагом в данном направлении является антропологический подход, без которого сегодня невозможно понять суть происходящих процессов, как в мире, так и в российском государстве. «И если мы не ставим принципиально, в широком философском разрезе проблему человеческого основания бытия, – отмечает О.В.Доброчеев, – мы никогда не выйдем из этих тупиков поверхностного экзистенциального бытия»¹. Антропологический подход все более актуализируется не только как определенное философское направление, но и как особый метод и способ мышления. Он проявляется в попытке через феномен человека осмыслить острые теоретические и политические вопросы, связанные, прежде всего, с ситуацией кризиса, охватившего все человечество. Это тем более актуально, что российский кризис как часть кризиса человечества имеет, по словам С.Хоружего, антропологическую природу, он определяется тем, как человеческие существа воспринимают себя самих и как они позиционируют себя в мире и по отношению друг к другу². В России общее противоречие человека и общества проявилось в самой острой, всеобщей форме. Поэтому она может быть охарактеризована как своего рода узловая точка мировых социально-антропологических катаклизмов. Академик РАН В.А.Лекторский считает, что проблема человека – «это сегодня острейшая мировоззренческая и практическая проблема, ибо речь идет о судьбе человека и нашей цивилизации»³. Сегодня вырвались наружу такие демонические силы злобы и ненависти, подспудно всегда пребывающие в сознании человека, которые могут в одночасье покончить с человеком и со всем живым на земле. Именно эта открывшаяся перед человечеством перспектива полного его уничтожения и вызвала обостренный интерес к человеку, антропологический поворот в философии в целом как попытку найти рецепты спасения человека в самом человеке, в тайнах его души и разума.

В общетеоретическом смысле антропологический подход является реакцией на утрату безграничной веры в непогрешимость естественнонаучного познавательного идеала и всеобщего господства формального рационализма, ставшего обязательным и уни-

версальным принципом не только для наук о природе, но и для наук об обществе. Универсальность этого принципа отрицает в человеке собственно человеческое, т.е. его способность добавлять к миру свои акты сознания. Собственные внутренние движения человека остаются недооцененными, а часто и нераскрытыми потому, что человек в лучшем случае рассматривается как объект «воспитания», а в худшем – манипулирования.

Советское обществоведение и было выражением крайнего рационализма, покоящегося на вере в возможность рационализировать человеческую жизнь и подчинить ее определенным установлениям. Оно основывалось на представлениях К.Маркса о формационном развитии общества как естественно-историческом процессе, в рамках которого человек представлен как «личный элемент производительных сил». Марксистское понимание общественной сущности человека – это всего лишь исходный пункт решения проблемы человека, означавший, что вне связи с общественной средой, общественными условиями невозможно исследовать ни человека, ни перспективы его развития. Однако в силу догматического усвоения марксизма, которое было обусловлено историческими условиями его восприятия (схематичное и ускоренное его изучение на основе так называемых стандартов, желание быстрее получить марксистские кадры), произошла однозначная и жесткая подмена человека экономической категорией.

Тем не менее в целом марксизм (и построенный на его основе коммунизм), наследуя просветительский взгляд на человека как продукт обстоятельств и воспитания и определяя его сущность как ансамбль социальных отношений, оставался в рамках **социоцентризма**. Последний склонен к масштабному социальному проектированию и жестким социальным технологиям, подчиняющим интересы личности логике проекта и превращающим человека в «колесико и винтик государственной машины», ценность которого целиком зависела от эффективности его социального функционирования. И хотя деятельностный подход⁴, реализованный в 1960–70-е гг. в понятии общественной практики, пытался смягчить жесткость социоцентризма, марксизм и коммунизм все же явно тяготеют к нему. В связи с этим современный исследователь А.Е.Молотков пишет: «Так, если попытаться определить одним словом главную “религиозную ошибку” коммунизма, то этой

ошибкой оказывается *человек*, точнее, полное игнорирование его внутреннего духовно-онтологического существа. При всей правде внешней социально-экономической схемы коммунизма в нем не было никакого реального антропологического содержания»⁵. И далее: «Коммунизм – это идеальная схема. И если она не наполнена живой реальностью, то она “не работает”. А живая реальность – это человек во всем многообразии и глубине его иррациональных духовно-психологических проявлений»⁶. Следствием установки на социоцентризм явилось то, что различные социальные институты приобрели более высокую ценность, чем человек.

Но и *антропоцентризм* – альтернативный социоцентризму взгляд на соотношение человека и общества и основанный на убеждении, что мир имеет цель развития, которая тесно связана с судьбой человека, – несет в себе не меньше, а скорее даже больше проблем. Антропоцентристский подход трактует человека как абсолютную ценность и меру всех вещей, как существо, чья субъективность абсолютна, а сущность независима от общества, автономна. Антропоцентризм исходит из признания приоритета интересов личности перед любыми формами социальных обществ и неотчуждаемости ее естественных прав, неподопечности индивида как субъекта свободного выбора, он равнодушен к судьбе государства. Такой подход приводил к определенному дисбалансу в объяснении природы человеческого бытия, к искусственно усиленной роли в жизни человека его актуального опыта и переживаний в пространстве «здесь» и «сейчас», недооценке прошлого и будущего. Методологически антропоцентризм противостоит натуралистическому детерминизму и историцизму, означая приоритет целеполагающей человеческой деятельности перед социальными структурами и «законами исторической необходимости». Антропоцентризм – ренессансная «эмансипация человека от Бога» – представляет именно европейскую модель мироощущения, которая на разных этапах истории приобретала разные формы, разное содержание и обоснование.

Наиболее радикально он проявил себя в *политическом либерализме*, концептуальное ядро которого составляет ряд установок, отчетливо выражающих его формальный рационализм и гипертрофированный индивидуализм как эгоистический принцип служения самому себе. Эти установки выражают фундаментальные

антропоцентристские интенции либерализма: 1) отдельный человек «первичнее» и «реальнее», чем государство и его институты; индивидуальные потребности и права «естественнее», «главнее» любых коллективных, обобщенных прав и интересов; 2) отличие и обособленность каждого человека от других людей безусловны и первичны, а связь и сходство с другими – условны и вторичны; 3) все законы и ценности (в том числе моральные и политические) человек создает сам, поэтому нет оснований приписывать им статус объективной истины или абсолютного добра; 4) сознающий все это человек индивидуально свободен и ответствен перед своей свободой, и существует зримая материальная гарантия личной свободы и ответственности – неотчуждаемая частная собственность⁷. Человек, таким образом, является самодостаточной высшей ценностью, не имея при этом никакой другой цели, кроме собственного благополучия.

Такой безграничный индивидуализм не мог не вызвать соответствующей социальной реакции. Как показал А.Е.Молотков, «индивидуализм может быть безграничным лишь в духовном измерении – но никак не в социальном. Поэтому появление на арене истории *социализма* можно понимать как здоровую социальную реакцию общества на волну гипертрофированного индивидуализма либерального сознания, воплотившегося в формах капитализма»⁸. Либерализм с его принципом индивидуализма не ставит вопрос о том, что представляет собой этот человек модерна с его оторванностью от целей общества и лозунгом «Предела нет». В конечном счете, либерализм оборачивается атомизацией общества, распадом основ самой цивилизации, духовности, деградацией человека, «войной всех против всех».

Как показала историческая практика в России и в мире, в XX в. оказались равнозначными две тенденции: «попытка обосновать все знание и весь мир, исходя из человека, и попытка преодолеть антропологию, “антропологическое безумие”, “антропологический сон” и прийти к объективному знанию, к некоей очищенной от человека онтологии, к подлинному бытию. Спор этих двух тенденций не закончен по сей день»⁹. Оба эти направления – и социоцентризм, и антропоцентризм – продемонстрировали свою несостоятельность в теоретическом и практическом отношении. В научном плане предпринимались попытки снятия этой дилем-

мы. Так, например, в современной социологии это пытались сделать с помощью понятия габитуса¹⁰ как инкорпорированной социальности (П.Бурдьё). Однако в отличие от традиционных обществ габитус современного человека не может считаться социальным инвариантом, поскольку он вовлечен во множество изменчивых личных и анонимных социальных связей. А концепция габитуса не может претендовать на окончательное снятие дилеммы антропоцентризма и социоцентризма.

В практическо-политическом плане дилемма социоцентризма и антропоцентризма давала возможность сводить все сложные противоречия современного мира к противоречию между «свободой» и «несвободой», между «демократией» и «тоталитаризмом». К чему это привело, хорошо известно. Несмотря на огромное различие своих позиций и идейных источников, и социоцентризм, и антропоцентризм в конце концов создали единую платформу для общих антисоциалистических выводов.

К сожалению, крайний рационализм, отсутствие антропологического измерения и поныне остается определяющим в решении политических и социальных вопросов, а когда при таком подходе ожидаемого эффекта не наступает, то это обычно объясняют непродуманностью принятых решений. Конечно, непродуманность в рамках принятых логических схем вполне возможна и часто действительно имеет место. Но дело, видимо, в другом: модернизируемые рациональные схемы, создаваемые на базе все тех же познавательных принципов, не в состоянии охватить как существование разнокачественных состояний государства и общества, так и действие многих различных индивидуальных сил. Об этом писал еще Платон: «Ведь несходство, существующее между людьми и между делами людей, а также и то, что ничто человеческое никогда не находится в покое, — все это не допускает однозначного проявления какого бы то ни было искусства в отношениях всех людей и на все времена». К этому следует добавить, что политическая сфера жизни государства, как никакая другая, отличается чрезвычайной активностью и многообразием субъективного фактора.

На уровне философской рефлексии поиск антропологических оснований тех или иных сфер бытия уже стал характерной приметой современности. Но в отношении государства и политики антропологический подход пока не является преобладающим, а

человеческий фактор остается неучтенным элементом общественной жизни и социальных институтов. В результате, как отмечает С.Кара-Мурза, у нас нет культурно-антропологической карты наших людей. Что это за люди? Нет ни доброго русского мужичка, на которого некоторые уповают, ни советского человека. В связи с этим чрезвычайно актуальной становится задача проведения научно обоснованной гуманитарной экспертизы. «Такая экспертиза, – подчеркивает член-корреспондент РАН Б.Юдин, – могла бы стать эффективным инструментом стратегической и тактической корректировки всей социальной и культурной политики государства, а также определения ее жизненно важных направлений»¹¹. Проведение подобной экспертизы предполагает понимание глубокого онтологического единства человека и государства.

Однако это единство недостаточно осознано не только на уровне обыденного сознания, но и на уровне общественных наук. Нет ясного представления о том, что государственные институты, оформляющие народ в осознающую себя целостность, обретают особую ценность – уже не социальную, а антропологическую. Недостаточно также осознано, что человек и государство – разные уровни эмпирического бытия, осмыслить взаимодействие которых можно лишь в рамках более широкого методологического и теоретического подхода, а именно: антропологического измерения, предполагающего не только обращение ко всему комплексу антропологических наук, изучающих сущность человека, но и его связи с другими людьми. Необходимость пересмотра всей системы отношений человека и государства становится первоочередной задачей XXI в. Своеобразное сосредоточение в России основных общемировых коллизий взаимоотношения человека и государства объясняет, почему именно здесь антропологическое измерение государства может быть наиболее востребовано. Антропологическое измерение – это одновременно, по существу, прояснение проблем и схем деятельности государства, как в теоретической, так и в практической плоскости. Антропологическое измерение придает новое качество государству и открывает для него новые возможности.

Таким образом, если традиционный научный подход во многом дегуманизирует политику и человека, видя в нем объект исследования и манипулирования, то антропологическое измерение

восстанавливает значимость человека как субъекта действия, объединяя «человека экономического», «социологического» и «психологического», оказывающего влияние на развитие и функционирование государства. В связи с этим важнейшей задачей становится преодоление поверхностного, одностороннего истолкования человека, забвение того, что он соединяет в себе две реальности: духовную и материальную. Изучение человека требует методологического синтеза гуманитарных, естественных и технических наук.

Какие бы рационалистические схемы, теории, парадигмы не предлагались со стороны влиятельных интеллектуальных и политических сил, которые, конечно, могут оказать заметное воздействие на развитие государства и общества, все же само это развитие зависит от глубоких тектонических процессов в народной жизни, в ее национально-культурных основах, в конечном счете, от того, что происходит с человеком и что он представляет собой. Антропологический подход не сам по себе, а в тесной увязке с этатистским подходом образует новый синтез, который может наполнить позитивным смыслом исследование острейших социальных проблем. Поэтому антропологическое измерение государства должно стать ведущим методологическим принципом, устанавливающим необходимый баланс между теорией и практикой. Кроме того, оно может способствовать снятию дилеммы социоцентризма и антропоцентризма, выравниванию тех перекосов, к которым последние вели. Антропологическое измерение государства как теория, подкрепленная всеми необходимыми деталями обязательной аргументации, еще не сформировалась. Пока недостаточно глубоко осознаны контуры пройденного пути, что ведет к пестрой разноголосице интерпретаций, которая становится настоящей стратегией ухода от главного. На данном этапе едва ли можно говорить об антропологическом измерении государства как новом целостном направлении политической философии. Скорее, речь идет о временных теоретических конструкциях, созданных специально для исследования государства в его различных измерениях. В ракурсе антропологического измерения следует рассматривать и оценивать все решения государства и все процессы, происходящие на государственном уровне, утверждать синергизм человека и государства вместо позиций социоцентризма и антропоцентризма.

Недооценка и игнорирование антропологического измерения ведет к извращению социальных реформ, а в конечном счете – приводит к противоположным результатам. Так, материальное стимулирование деторождения часто оборачивается бурным размножением социальных «низов» – алкоголиков, наркоманов и т.д. Реформа ЖКХ упирается в коррупционность чиновников, развитую систему их неформальных связей, утрату чувства ответственности, долга, совести. Невнятность национально-культурной идентичности государства оборачивается утратой идентичности человека, формированием его «кочевого» сознания.

Антропологическое измерение государства возможно лишь в рамках той теоретической конструкции, которая объединяет в себе одновременно общую теорию целостности человека и синтетическую концепцию государства. Это означает, что концепция человека и концепция государства должны рассматриваться как две модификации единой общей теории социального бытия. В таком случае, концепция государства раскрывает тайну формирования социальной и духовной сущности человека. А концепция человека, включающая всю полноту его экзистенциальных проявлений, учитывающая богатство связей и сцеплений человека и государства, способствует решению как проблем отдельного человека, так и общегосударственных проблем. Иными словами, антропологическое измерение государства нацелено на раскрытие связи и взаимовлияния внутреннего духовного мира человека с внешним по отношению к нему миром объективированных отношений, институтов, учреждений.

Вместе с тем, рассуждая об антропологическом измерении государства, необходимо сделать некоторые уточнения относительно самого понятия государства. Дело в том, что в литературе встречается, с одной стороны, понимание государства в узком, институциональном смысле – как аппарата управления, механизма поддержания установленного порядка в обществе, как института политической практики. С другой стороны, имеет место понимание государства в широком смысле (и это в основном российская традиция) – когда помимо сугубо организационных параметров управления в нем видится продукт определенного исторического развития, органическая целостность, нравственная задача и проект постоянного преобразования и совершенствования¹². Традиционное

российское понимание государства наполняет его безусловным правом выступать от имени народа – одного из самых государственных народов в мире.

Чтобы еще более акцентировать это различие, некоторые авторы вводят понятия «государство» и «метагосударство»¹³. Согласно такому различению, просто государство – это ориентированный преимущественно на расширенное воспроизводство себя самого и своих составных частей и элементов социум, в котором произошла и осознанно поддерживается на институциональном уровне дифференциация множества социальных объектов всех иерархических уровней, входящих в данный социум. Так понимаемое государство неспособно к осознанному, гармоническому управлению социальной эволюцией.

Метагосударство – это ориентированный преимущественно на развитие себя самого как целого и своих составных частей и элементов социум, в котором власть ответственна за прогнозирование социальной эволюции, разработку политической стратегии, проектирование и селекцию политических решений всех видов (государственных программ, планов, законопроектов и т.д.). Кроме того, институционально закрепляется и непрерывно углубляется дифференциация централизованной политической власти на инновационную, репродуктивную (воспроизводственную) и иммунную ветви. То есть это целостная, органическая, развивающаяся система.

Метагосударство – качественно более высокий тип государственности, при котором осуществляется осознанное управление социальной эволюцией, позволяющее ставить сверхдолгосрочные цели эволюционного характера и планомерно достигать их в конечные исторические сроки, выявлять и преодолевать созревающие экзистенциальные противоречия уже на латентной фазе развития. Иначе говоря, метагосударство обладает специфическим потенциалом управления эволюционными механизмами. В данном случае именно индивиды, а не институты играют активную роль побудителей изменений.

Такой подход предполагает учет личностных, экзистенциальных парадигм и уровней самосознания человека. Личность и общество рассматриваются как онтологически единые. Задача государства в данном случае состоит в том, чтобы в стратегических

решениях, принимаемых на уровне государства, актуализировать это единство¹⁴. При этом должно учитываться важное обстоятельство, а именно: в историческом процессе выявляются две взаимосвязанные причинно-следственные цепочки: 1) **государство формирует человека** и оказывает воздействие на его личность; 2) новая личность человека в свою очередь создает импульсы для формирования нового образа государства. То есть здесь имеет место синтез развитого личного начала со зрелой социальностью.

Необходимость различения типов государства скорее всего родилась из-за предпринимаемых сегодня некоторыми политиками и теоретиками попыток свести сущность государства к минимальным, узким, служебным, утилитарным функциям, из-за непонимания его более высокой миссии, устремленности в историческую даль. Такие попытки далеко не новы. Еще в начале века Н.Бердяев в работе «Философия неравенства (Письма к недругам по социальной философии)» на основе всестороннего анализа государства, имеющего, по его мнению, сверхвременную и сверхэмпирическую природу, дал оценку подобным устремлениям: «Вы превращаете государство в организацию интересов и хотели бы свести его к коммерческому хозяйственному учреждению, превратить его в торгово-промышленную контору. И вы разлагаете государство как самостоятельную реальность и ценность. Государство не может быть оправдано интересами. Оно ограничивает интересы всякого живущего поколения и подчиняет их великому прошлому и великому будущему. В нем действуют не только ныне живущие, но также умершие предки и не родившиеся еще потомки. Все ваши либеральные, демократические и социалистические учения о государстве идут мимо природы государства. Учения ваши не улавливают сущности государства, но они выпускают энергии, разлагающие это существо»¹⁵.

Что касается узкого, институционального состава государства, то человеческий фактор если и оказывает на него влияние, то в более длительной исторической перспективе, а в актуальной своей фазе государство обнаруживает большее воздействие на человека, чем наоборот. Иначе обстоит дело, когда речь идет о государстве в широком смысле (как этическом или метагосударстве): здесь человеческий фактор действует очень динамично, оказывая свое активное, формирующее влияние на государство.

О российском государстве в целом можно сказать, что оно исторически сложилось как государство в широком смысле со всеми присущими ему ведущими доминантами. Государство понималось как единый живой организм: географический, стратегический, религиозный, языковой, культурный, правовой и государственный, хозяйственный и антропологический (И.Ильин). Одна из миссий государства, имеющая особую значимость в данном контексте, состоит в том, что именно в государстве человек может получить определенную автономию своего существования, ибо «государство как объективное начало не утверждает, что ему целиком принадлежит человек, оно претендует лишь на часть человека. Общество же человеческое, произвольно создаваемое людьми, не знает границ своим притязаниям, оно готово забрать человека целиком. Государство спасает человека от коллективизма, поглощающего личность»¹⁶. Кроме того, «реальность государства и реальность личности находятся во взаимодействии, они воздействуют друг на друга и нуждаются друг в друге»¹⁷. Человек, находящийся в единстве с государством, становится условием и началом одновременной и взаимообусловленной эволюции себя и государства.

В таком контексте практически и теоретически значимой сегодня оказывается выяснение степени и характера воплощенности человеческих качеств в социальном материале, соответствии или несоответствии форм человеческой деятельности формам бытия социальных объектов и систем. То есть речь идет о проблеме взаимодействия человека во всей полноте его качеств со сложными социальными системами современного российского государства. Это вынуждает рассматривать позицию человека как требующую постоянной корректировки, учета логики отношений, в которые человек включает себя своей деятельностью. В результате проведенных исследований¹⁸ была выявлена сущность родового человека как материально-идеально-духовного образования. Поскольку первая часть этой триады чаще всего попадала в поле зрения исследователей¹⁹, сосредоточим внимание на двух последних, обладающих по меньшей мере пятью основными аспектами проявления человеческой сущности, которые в то же время оказываются социально значимыми: эмоционально-иррациональный, духовный, ценностный, прогностический, обусловленность национально-культурной идентичностью. Кроме того, в условиях современно-

сти важным детерминирующим человека фактором является глобализация. Представляется необходимым (в кратком виде) сделать акцент на тех качествах человека, которые составляют сферу идеального и духовного.

Эмоционально-иррациональный аспект. В истории человечества роль эмоционально-иррационального фактора чрезвычайно велика. Так, многие национально-освободительные войны велись на основе таинственного чувства любви к отечеству, способного опрокинуть многие самые продуманные рациональные решения и ожидания. Войны и в прошлом, и в настоящем ведутся, как правило, под знаменем некоей сверхценной идеи, имеющей глубокие психоэмоциональные корни и оказывающей сильное воздействие на сознание людей.

Большую роль эмоционально-иррациональный аспект играет в русской нации. Глубина и тонкость чувства дают возможность проникать глубоко в суть вещей и активизировать волевые устремления русского человека. На этот факт обращал внимание И.А.Ильин, который писал, что русский понимает, чего он страстно хочет, отличается быстрым умом, строгостью и ясностью суждений. Но его воля и мышление побуждаются *чувством* и сохраняют чувственную окраску; он должен любить, чтобы понастоящему хотеть²⁰. В эмоциональной сфере, на которую государство чаще всего не обращает внимание, и подготавливаются те землетрясения и взрывы, которые нельзя объяснить, если смотреть на внешнюю поверхность. Отличительной чертой русского сознания является и тяга к иррациональному. Б.П.Вышеславцев так его характеризует: «Мы и сами себя не вполне понимаем, и, пожалуй, даже непонятность, иррациональность поступков и решений составляют некоторую черту нашего характера»²¹. Иррациональное образует самое существо свободы человека, фиксирует его творческую природу, способность выходить за наличные пределы. На роль эмоционального фактора русских указывают и современные исследователи, изучающие особенности характера русского народа (К.Касьянова, В.Владимиров и др.). Особое «страстное» состояние нашего народа определяло и подвижничество 30–40 гг. XX в. В отличие же от русского европеец сугубо рационален. Европейское сознание выражает так называемый «квадрат Наполеона» – это воля и успех, страх и расчет.

Тем не менее недостаточное внимание к этим особенностям человека и господство однолинейного подхода в науке, имевшее место в советское время (в 1950-х гг. было отменено преподавание психологии в средней школе), продолжается и поныне. В результате в России в 33 раза меньше ученых-психологов, чем в США. В отличие от Японии, ФРГ и некоторых других стран, где активно используются особенности национального характера, в России они полностью игнорируются и не используются для развития и совершенствования государства. Роль народно-психологических аспектов российской государственности ясно осознавал, в частности, И. Солоневич. «Каждая государственность мира, и в особенности каждая великая государственность мира, – писал он, – отражает в себе основные психологические черты нации-строительницы. Ни климат, ни география здесь не играют никакой роли»²². И еще: «Решающим фактором всякого государственного строительства является *психология*, “дух” народа – строителя»²³.

В общественно-политической жизни государства необходимо учитывать проявления неких иррациональных начал, которые – хотим мы того или нет – время от времени дают о себе знать в каких-либо акциях, в годы великих потрясений и войн. Когда в первые же недели Великой Отечественной войны немцы разгромили всю советскую индустриализацию, понадобилась новая мобилизация русского духа, его глубоких иррациональных начал, всеохватывающего чувства любви к Родине. Приказ «Ни шагу назад» сыграл роль некоего детонатора этих начал, когда все опомнились, и армия перестала отступать, стала держаться за каждую пядь земли. То есть изменилось нечто, связанное с глубинным психоэмоциональным состоянием народа, которое в сложных ситуациях проявляет и обуславливает мобилизационную суть России. Влияние этого элемента наглядно проявилось и во время выборов президента России. Победа Б.Ельцина, В.Путина была предопределена рядом объективных обстоятельств, а также их личными качествами. Конечно, этому феномену можно найти и рациональное обоснование, но оно все-таки будет оставаться неполным. Несомненно, что вера в возможность чудесного избавления от захлестнувших государство проблем, вера в особое свойство личности содержала в себе иррациональный момент, который во многом и обеспечил такой результат.

В ситуации беспрецедентного кризиса, разразившегося в российском государстве, истоки которого не могут быть объяснены какой-либо одной причиной, эмоционально-иррациональный элемент особенно велик. Некоторые аналитики даже отмечают, что одна из главных причин кризиса, поразившего российское государство, коренится в дефиците любви к нему.

Духовность. Ввиду важности экономических факторов для развития государства и общества чрезвычайно велик соблазн принимать их за единственную первооснову всех изменений в общественной жизни. Но такой подход явно недостаточен и не соответствует ни современным научным представлениям, ни современной социально-экономической практике, т.к. не охватывает всю личность человека. Становится все очевиднее, что рыночные механизмы присущи лишь тому роду человеческой деятельности, в которой человек предстает как «экономический индивид». Еще С.Булгаков писал: «Позволительно думать, что человеческая личность хотя и зависит от еды, экономической обстановки, вообще условий своей материальной жизни, но есть прежде всего то, во что она верит, чем живет, чего хочет, что чтит»²⁴.

Поэтому более разумна политика государства, которая ориентирована на баланс различных определяющих ее действенность факторов, чем та, которая жестко фиксирована на одном из них. Речь идет о тех сферах человеческой жизни, которые нельзя измерить мерками экономической эффективности. Американский психолог А.Маслоу впервые проанализировал потребности человека в виде некоей иерархической пирамиды. Рассмотрев низшие физиологические потребности, потребность к самосохранению и потребность к продолжению рода, Маслоу переходит на следующий уровень и обнаруживает у человека труднообъяснимые стремления, совершенно не характерные для животного мира. Их природу и происхождение ему не удалось объяснить.

Особенно большая заслуга в выработке представления о человеческой личности принадлежит Фромму и нашему соотечественнику – психологу А.Г.Данилину. Э.Фромм назвал непонятные стремления «экзистенциальными потребностями», Данилин – «метафизической потребностью», что более соответствует особенностям национального характера. Когда метафизическая потребность не удовлетворяется, находится под запретом, то возникает

«метафизический голод» – неутолимая острая потребность в представлениях о духовной реальности. Этот голод утоляется самыми разными, порой весьма причудливыми путями. Появление огромного числа экзотических сект и культов в России является ярким тому подтверждением.

То, что проблема духовности–бездуховности человека и общества долгое время не стояла в центре зарубежных и отечественных научных исследований, было связано главным образом с установившимся в последние два столетия доминированием естественнонаучного подхода. При таком подходе признается преимущественно природно-социальная сущность человека и отрицается его духовная сущность. Окончание эры господства классического рационализма, а также крах сугубо рационалистической методологии привели к другой крайности – иррационализму, оккультизму, мистике – т.е. суррогатам духовности. Следует заметить, что новая антропологическая традиция выступает против абсолютизации рационального начала и исходит из признания духовной сущности человека.

Духовностью называется способность совершать осмысленные действия, направленные на удовлетворение метафизической потребности. Духовность – проявление устремленности человека к совершенному, идеальному, направленность его сознания на поиск смысла жизни и своего места в ней, на определение критериев добра и зла для оценки событий, людей и руководства к действию. Духовность поднимает человека над эгоистическим, утилитарным расчетом повседневной жизни, над чисто практическим бытием человека. Только высшие, духовно осмысленные идеалы способны подвигнуть его к реальному историческому действию.

Человек, безусловно, испытывает потребность в некоем сокровенном источнике духовной жизни. Особенно велика потребность в духовных основах сегодня, когда человек полностью дезориентирован в результате массивной и циничной «идеологической обработки». Без духовности современному кризисному состоянию российского государства не помогут никакие новации, никакие реформы. Рассматривая, в частности, проблему кризиса духовности в образовании как составного элемента общегосударственного кризиса, академик РАО А.А.Корольков вводит в оборот понятие духовной антропологии. Духовная антропология не может быть исключительно персоналистической, ибо духовное здоровье

нации, семьи в равной степени входит в круг проблем духовной антропологии. Более того, единичное и всеобщее здесь взаимозависимы²⁵. Актуальность и своевременность такого подхода несомненны. Этот подход служит напоминанием о том, что Россия создавалась духовностью, которая притягивала многие народы. Этим погружением в духовность она и была интересна другим народам.

Ценностный аспект. Сущность и судьба российского государства зависят от того, какие цели преследует человек и какими ценностями он руководствуется в своей деятельности в природном и социальном мире. Особенно ярко это проявляется в политике, где действует человек, который ведет себя в соответствии со своим складом ума, ценностными представлениями. Так что никакая политическая сила не может быть исключительно материальной. Своим участием в политике человек пытается изменить нечто в государстве по-своему. Он выдвигает те или иные требования, т.к. считает что-то справедливым или, наоборот, несправедливым.

В то же время на формирование ценностей отдельного человека большое влияние оказывает государство. Однако дело не в том, что главное, что на что влияет. Важно понять социальное в широком смысле слова, с одной стороны, и идеальное, то, что происходит в головах людей – с другой, в их внутреннем взаимодействии, в их слитности и противоречивости; важно понять самый механизм этого исторического феномена, ибо нет таких экономических, социальных, политических и других материально оформленных структур, которые не несли бы на себе отпечаток человеческого сознания, человеческих представлений, индивидуальных и коллективных.

С социологической точки зрения ценности выполняют функцию обоснования культуры, а значит, делают возможной полноценную общественную и политическую жизнь. Абсолютное же безразличие к поискам ценностей означает доведенный до крайности плюрализм, и следовательно, распад государства и общества. Тогда даже вербальное признание некоторых ценностей (например, ценность семьи) совершенно теряет свой смысл, что и наблюдается сегодня в нашем многострадальном государстве, не имеющем ни прочной стабильности, ни личной, ни коллективной безопасности. И лишь когда духовные и нравственные ценности определяют жизнедеятельность человека, смысл его существова-

ния, тогда они являются не только предметом сознания, но и необходимым условием самой жизни. Речь идет фактически о ценностном отношении к жизни, когда сознание нравственности способствует становлению нравственного сознания как предпосылки формирования метасоциума.

Из этого следует необходимость формирования в подрастающем поколении определенной системы взглядов на мир и общество, которая должна базироваться на традиционных для России духовно-нравственных ценностях, среди них одной из важнейших является служение своему Отечеству. Основа и предпосылки для формирования такой системы пока еще имеются – это показало достаточно интересное экспертное исследование «Фонда имени Питирима Сорокина» на тему «Ценности в современной России». Его результаты оказались неожиданными – у молодежи обнаружилась четкая потребность в базовых традиционных ценностях, таких как патриотизм, семейственность, вера в Бога, понятия долга и чести. Как оказалось, молодежная аудитория выражает более острый запрос на коррекцию ценностного состояния общества, нежели среднее и старшее поколение.

Прогностический аспект. На ценностные нормативы культуры, закреплённые в коллективной памяти, опирается и устремленность человека в будущее. Ориентация на будущее как осознание неких идеальных целей и смыслов, дающих вдохновляющее чувство новых перспектив, обладает притягательной, завораживающей силой. Однако с точки зрения политической философии для развития человека и государства принципиально важным является деятельность и устремления, прежде всего, человека политического, главным мотивом которого является стремление реализовать свои представления о должном на государственном уровне.

Существенной стороной деятельности политического человека, которая не вмещается в жесткие рамки рациональных схем, является политическое предвидение. Предвосхищения и ожидания относительно будущего играют в политике незаменимую роль, ибо политика всегда ориентирована на будущее. Собственное поле напряжения в политической жизни как раз и состоит в противоборстве между двумя характерными тенденциями – к *сохранению* существующего статус-кво и *преобразованию* государства и общества. Преобладающей из них чаще всего оказывается вторая тен-

денция, берущая начало в творческой активности и свободной воле человека; одновременно она расширяет область неопределенности как для человека, так и государства, ориентируя его на достижение чего-то нового.

Когда политика государства лишена устремленности в будущее, тогда политические действия ориентируются только на достижение немедленного политического успеха и имеют лишь конъюнктурное значение. А это – питательная почва для быстрого усиления политической поляризации между различными группировками, до предела расширяющей спектр левых и правых позиций в политической жизни общества. Отсутствие ориентации на будущее может привести к тому, что в государстве и обществе все больше будет увеличиваться разрыв между прагматическим и гуманистическим, ценностным подходами. В эпоху глобализации смысл будущего, предвидения его основных контуров становится актуальнейшей проблемой.

Ориентация на будущее – плод взаимодействия двух миров, объективного и субъективного. Наметившийся сейчас поворот к субъективному миру, к пониманию его вклада в многомерность развития государства начинает менять наши взгляды и на характер целостности этих двух миров, и на способы политического предвидения. Прогнозы и стратегии – два ключевых элемента осмысления реальности, в которой мы живем и принимаем решения. Сегодня предвидение возможных вероятных и достижимых версий будущего становится крайне актуальным. Это понимают многие политики, пытаясь сместить акцент наблюдения за настоящим именно в будущее. Как отмечает Г.Бехман, «было бы верно констатировать тот факт, что в чрезмерно разросшейся системе рисков человек занимает новое положение по отношению к собственному будущему. Всем очевидно, что будущее зависит от решений, которые должны быть приняты в настоящем. Причем ни положительные, ни отрицательные последствия невозможно ни охватить, ни тем более как-то управлять ими»²⁶.

Можно наблюдать, как различные политические и неполитические организации энергично стремятся овладеть функцией политического прогноза. За этим стоят фундаментальные потребности государства, мучительно выбирающего пути своего развития, форму будущего социального устройства. Однако методологиче-

ская база этих поисков остается во многом эмпиричной, нередко смутной и противоречивой, что связано не в последнюю очередь и с кризисным состоянием традиционных форм философии, методологии и мировоззрения.

Идентичность человека приобретает особую значимость в современном российском государстве. Она характеризуется как отношение человека к самому себе, как сознавание единства своего сознания в разное время и в разных местах, как сохранение постоянного или продолжающегося единства деятельности в ходе изменения деятельности или поведения. Именно набор твердых и неизменных характеристик человеческого «я» имеет важное значение, поскольку делает данного индивида уникальным. Все же остальное – сфера его деятельности на данный момент, социальное положение и даже его конкретные интересы – составляет социальный уровень его идентичности, который тесно взаимосвязан с индивидуальным уровнем идентичности²⁷. Сам по себе человек не способен обнаружить свою личную идентичность. Она открывается ему благодаря участию в жизни государства и общества, а также принятию всех их установок и конвенций.

Психоаналитик и психоисторик Э.Эриксон рассматривал идентичность²⁸ как центральное качество личности, в котором проявлялась неразрывная связь человека с окружающим социальным миром. Он отмечал также неразрывную связь индивидуальных кризисов идентичности человека с историческими и социальными кризисами, происходящими в обществе.

Термин «кризис идентичности», разработанный Эриксоном главным образом применительно к одному, преходящему этапу развития личности, получил широкое распространение в качестве общей характеристики современной эпохи, сопоставимой с метафорами «бездомности» (М.Бубер), «экзистенциальный вакуум» (В.Франкл) и т.п. Но самый глубокий и безысходный кризис идентичности человека наступает, как отмечает В.Хесле, когда человек теряет веру в наличие каких-либо моральных норм и ценностей вообще, т.е. когда имеет место и кризис коллективной идентичности²⁹.

Кроме того, растущая социальная сложность и углубление дифференциации функциональных областей в обществе ведет к преобразованию механизма идентификации – освобождению от давления образцов поведения локальных групп, к самоидентифи-

кации и повороту к абстрактным ценностным ориентациям, которые могут быть какими-угодно, вплоть до криминальных. Такая трансформация достаточно опасна и требует организованной защиты государства.

В современную эпоху, как показывают зарубежные и отечественные исследования, в среднем около 80 % человечества (и российский социум здесь не исключение) равнодушны к утрате своего «я» и своей идентичности. Для них собственная индивидуальная идентичность – тяжелое бремя. Человека этой категории английский психиатр Р.Дэнг назвал «онтологически неуверенным». Такой человек испытывает постоянную потребность в своем «метапрограммировании» со стороны окружающих, связанную с тем, что он не в состоянии выработать собственную стратегию взаимодействия с жизненной реальностью. Подобные люди будут блуждать в потемках, верить разного рода «гуру» и легко отзываться на демагогические акции различных манипуляторов сознания. В эпоху глобализации эта проблема приобретает особую остроту.

Человек в условиях глобализации. Наибольшую опасность для идентичности человека несет глобализация, которая сопровождается деформацией ценностей человека, разложением духовности, деконструкцией гуманистической морали, мощным наступлением на человека. Очень актуально наблюдение С.Н.Булгакова о том, что в современном человечестве не только у нас, но и на Западе произошел какой-то выход из себя во вне, упразднение внутреннего человека, преобладание в жизни личности внешних впечатлений и внешних событий, главным образом политических и социальных. Отсюда такая потребность суеты, внешних впечатлений. Современный человек стремится жить, как бы не бывая дома наедине с собою: сознание заполнено, но достаточно приостановиться этому калейдоскопу внешних впечатлений, и можно видеть, как бедна или пуста его жизнь собственным содержанием.

В духовной жизни страны воцарилась **антикультура**, которая как черная дыра поглощает силу, энергию, надежды человека. День ото дня, год от года антикультура пестует в человеке регрессивное сознание. Удар по нормам и надругательство над традицией вызвали шок и оцепенение, от которых до сих не оправились миллионы людей.

Большую деструктивную роль играют телевидение, радио, редакции газет и журналов, книжные издательства, театры, кино, музеи – вся «культурная мегамашина» российского государства, которая сегодня почти в открытую работает против прошлого, настоящего и будущего человека и государства. Она разрушает традиционную систему ценностей отечественной культуры – квинтэссенцию вековой мудрости, которая служила, возможно, не совсем безупречно, но все же эффективно. Вторгается в запретные зоны национального сознания, стирая все человеческое, возбуждая темные животные страсти. Что в этих условиях происходит с человеком? Все выглядит так, будто человек шагнул в сторону с твердой почвы и увяз как в трясине в новой системе стандартов и нравов, тянущих его ко дну.

Культурная «реформа» началась с последовательной атаки на советскую культуру вместе с ее нормативностью и табу. И в этом направлении было сделано очень много. Однако любой непредвзято мыслящий человек не может не признать, что основной вектор «новой демократической культуры», предъявляемый российскому человеку, сводится к все более грубому и настойчивому сдиранию той самой ницшевской «культурной кожи» со звериного в человеке.

В литературе неоднократно отмечалось, что многие явления современной жизни, кажущиеся хаотичными и абсурдными, обретают логику в контексте глобализма. Проект создания всемирного государства предполагает не только отмену границ и единое экономическое и информационное пространство, но и отрыв людей от национально-культурной почвы, традиционной морали, традиционных норм поведения³⁰. В результате массивного давления антикультуры мы склонны к самой негативной самооценке. В структуре мотиваций 110 млн людей, населяющих нашу страну, очень много всевозможного негатива: и геополитического, и внутривосточного, и бытового. Негативен и взгляд в будущее. А это в корне и ошибочно и опасно. По мнению некоторых ученых, информация о будущем – это абсолютное оружие. В списке рисков и угроз национальной безопасности России, составленным Советом по национальной стратегии РФ, «морально-психологический кризис нации» поставлен на последнее место. Однако, по мнению ряда крупных экспертов, доля экономических факторов в кризисе нации составляет лишь 30 %. Остальные

70 % – духовное неблагополучие, дефицит позитивных эмоций, утрата нравственных ориентиров. Какой вывод напрашивается из всего этого? Судя по всему, если внешнее окружение натовскими базами – это внешнее направление борьбы против российского государства, а в конечном счете – против человека, то антикультура – внутреннее, ведущееся преимущественно против человека, а в конечном счете, против государства.

Несмотря на то, что период президентства В.В.Путина ознаменовался рядом успехов по сравнению с 1990-ми гг., все же ситуация остается тревожной, и она принципиально не только не изменилась, но к этому добавился еще глобальный экономический и финансовый кризис. Есть только определенные шансы для преодоления данной ситуации, не более того. Однако без ответа на коренные вопросы – кто мы, куда и зачем идем, что происходит с человеком и государством, не будет понимания того, что делать дальше. В рамках деградирующего, несправедливого государства, безразличного к судьбе человека, найти ответы на такие вопросы практически невозможно. Это непонимание парализует волю и истощает энергию власти и народа.

Без собственных корней, без истории, без традиций своего народа человеку невозможно обрести свою идентичность. Возвращение же человеку его истории, традиции и культуры позволяет сделать полноценного человека практически из любого. По мнению С.Капицы, именно принадлежность к нации и определяет самосознание, самоидентификацию человека как социальной единицы.

2. Национально-культурная идентичность государства как условие идентичности человека

Идентичность человека возможна в конечном счете лишь в рамках государства, обладающего идентичностью. Однако целенаправленное разрушение национальной культурной традиции в эпоху глобализации, преднамеренное перечеркивание исторического опыта, подрыв общественной сплоченности и деградация социальности породили острый кризис как личной идентичности, так и коллективной – на уровне государства, что несет большую угрозу его существованию.

Идентичность – важный конституирующий и консолидирующий элемент государства и, можно сказать, его основа. Без него государство просто распадается. Поэтому в любом суверенном государстве имеется тот или иной вид идентичности.

Идентичность советского государства достигалась в основном идеологическими и политическими средствами на базе коммунистической идеологии. Она нашла свое практическое воплощение в виде новой исторической общности – «советский народ». При этом коммунистическая идеология была именно той регулятивной социальной сверхидеей, которая помогала цементировать нацию, обеспечивать подлинный прорыв в новую реальность. Она стимулировала разработку технологий, социальных проектов, реализационных решений, формулировку специфической идеологической системы ценностей, жизненно важных для советского государства. Однако для сохранения временной длительности и исторической перспективы ей недоставало некоторых существенных компонентов. Отсутствовала, например, преемственность между прошлым, настоящим и будущим, включающая в себя всю совокупность духовно-культурных основ жизнеустройства человека и государства. «Большая идея» (коммунистическая идеология) имелась, но не была сформирована срединная культура, дающая объяснение смысла жизни огромному большинству народа, оторванного от своих национальных и культурных корней. «Большая идея» не имела глубоких корней в сознании, культуре человека и народа в целом. Поэтому советская идентичность исчезла одновременно с исчезновением коммунистической идеологии и социалистического строя.

Можно сказать, своего рода идеологическая идентичность имеет место и в США, которым свойственно специфическое понимание национальной идентичности как особой идеологии, включающей приверженность демократии, свободе, равным возможностям и т.д. Иными словами, национальная идентичность в таком ключе рассматривается не как приверженность определенной нации, (например, Франции для французов, Германии для немцев и т.д.), а в терминах идеологии, подобно приверженности социализму со стороны социалистов.

Но уже в Европе идеологическое толкование идентичности сталкивается с определенными трудностями. Так, итоги референдума в Ирландии по Лиссабонскому соглашению (2008 г.) могут серьезно

замедлить дальнейшие интеграционные процессы в Евросоюзе. В основе данного волеизъявления лежит прежде всего неприятие самой концепции «европейской и региональной идентичности», которая сориентирована на устранение исторически сложившейся национальной идентичности в каждом из государств ЕС.

Если говорить о происхождении и истоках общероссийской идентичности в историческом контексте, то следует отметить, что она имела ярко выраженное идеократическое (т.е. имела в своей основе идею) происхождение. *Первая* отчетливая национальная концепция в виде идеи «Москва – Третий Рим» была сформулирована в конце XV в. и воплощала преемственность власти и веры, унаследованных Россией от Византийской империи. Она давала представления о смысложизненных ценностях, о духовно-нравственном содержании бытия, которые помогали структурировать социальное пространство, интегрировать страсти, порождая то, что обычно называют национально-культурной идентичностью. Эта идея помогла укреплению статуса и престижа Московского государства.

Вторая разрабатывалась уже в Новое время при Александре I группой реформаторов, но только при Николае I в 1833 г. она была окончательно постулирована тогдашним министром народного просвещения графом С.С.Уваровым в известных словах «православие, самодержавие, народность». Не вдаваясь в оценку этой идеи, следует отметить, что для своего времени она сыграла положительную, цементирующую общественную роль. Доминирование самодержавия по отношению как к православию, так и к другим конфессиям обеспечило отсутствие в русской культуре «этнического национализма». Кроме того, представляется важным, что благодаря этому обстоятельству институт имперской монархии стал важнейшим инструментом не только интеграции евразийского геополитического пространства, но и сохранения его целостности.

Третья национальная концепция «Коммунизм – светлое будущее всего человечества» появилась после Октябрьской революции 1917 г. Исходя из противоположной православию идеологической доктрины, данная идея, тем не менее, благодаря своей цельности и ортодоксальности выполнила ту же историческую миссию, а именно: служила основой воссоединения разрушенного революцией и гражданской войной государства.

В постсоветское время также предпринимались пока не увенчавшиеся успехом попытки дать формулировку идеи, отвечающую современным российским реалиям. Дальше намерений и некоторых предложений дело не сдвинулось. Возможно потому, что государство и общество пока не готовы к новому мировоззренческому синтезу как нового фундаментально обоснованного единства национального самосознания.

Однако угроза цивилизационного срыва и национальной катастрофы настойчиво подталкивают к активизации работы в этом направлении. Национальная идея в определенной мере программирует поведение общества не только сегодня, но и завтра. Она обращена к каждому человеку, к каждому члену общества. Такая идея может стать жизнеспособной, если сконцентрирует в себе наиболее значимые морально-нравственные общественные и государственные цели.

Отсюда напрашивается вывод о необходимости восстанавливать жизнь государства с оснований, при этом не имитировать и пародировать какие-то фрагменты дореволюционной или советской России, всегда неплодотворные, а искать ту генетическую идеологическую (в широком смысле слова) природу, которая задавала и должна задавать нормы нашей жизни. Следует отметить, что идеологический подход в понимании идентичности является традиционным и органичным для исторического российского государства как государства идеократического, в котором идея всегда стояла на первом месте.

Серьезным тормозом в решении этой важнейшей социально-политической проблемы является отсутствие в обществе единства в понимании сути национально-культурной идентичности и ее огромной роли в сохранении жизнеспособности и безопасности государства. Это кажется весьма странным, учитывая, что базовыми элементами национальной культуры являются согласие, соборность, доверие, любовь, общее дело. Национально-культурная идентичность государства представляется сегодня, в век научно-технического прогресса, информатизации и компьютеризации, чем-то внерациональным и архаичным. Такое же отношение было и в советскую эпоху – в периоды индустриализации, технизации жизни и наличия определенных успехов социально-экономического развития национально-культурная идентичность, казалось, не имела решающего значения и потому не принималась в расчет.

Но самое главное – данное обстоятельство обусловлено тем, что вопрос о национально-культурной идентичности российского государства, особенно в последние два десятилетия, не являлся приоритетным ни для политических деятелей, ни для многих исследователей, что было связано с их идеологическими предпочтениями, а также господствующей установкой на вхождение российского государства в западную цивилизацию. В связи с этим все делалось для того, чтобы роль и значение национально-культурной идентичности всячески минимизировать, поскольку в ней усматривалось чуть ли не главное препятствие, мешающее такому вхождению. С этой целью предпринимались и продолжают предприниматься, по крайней мере со стороны так называемых реформаторов, довольно энергичные усилия, направленные на разрушение национально-культурной идентичности. Их действия беспрецедентны, не имеют аналогов в истории и серьезным образом сказались на моральном, культурном, психологическом здоровье человека и государства.

В условиях стремительно развивающейся глобализации в России, как и во всем мире, наметились процессы, характеризующиеся повышенным интересом народов к своей традиционной культуре, стремлением сохранить свою самобытность, подчеркнутую собственную уникальность, всплеском у многих миллионов людей сознания этнической идентичности, поскольку общество испытывает вполне обоснованные опасения за сохранение своего культурно-исторического места. С точки зрения понимания динамики социокультурных функций смысл всплеска подобного интереса состоит в том, чтобы ориентироваться в окружающем мире; задавать общие жизненные ценности; способствовать выживанию «большой устойчивой социальной группы». Эти интенции на современном научном языке укладываются в рамки цивилизационного подхода.

В настоящее время в российской научной среде предпочтение отдается цивилизационному подходу, который практически не подвергается сомнению, но, по мнению, например, В.Б.Павленко, вызывает ряд вопросов. Дело в том, что признание доминирующей роли цивилизационного типа идентификации ставит перед исследователем как минимум три вопроса. Первый обусловлен необходимостью понять, как соотносится цивилизационный подход с

классовым, определяющим содержание официальной российской общественно-политической мысли на протяжении целого столетия. Второй связан с выяснением того, что представляла (и представляет) собой Россия – единую цивилизацию или совокупность нескольких. Третий касается особенностей ее взаимоотношений с другими цивилизациями, прежде всего с Западом³¹.

Что касается первого вопроса, то причина снижения актуальности классового, идеологического подхода, как уже отмечалось, состоит в том, что классовый подход, в основе которого находится принцип экономического детерминизма, заложенный Марксом, Энгельсом и Лениным, не учитывал всей совокупности существующих в обществе связей, всех срезов его дифференциации и, прежде всего, духовно-культурных, национальных и религиозных особенностей, т.е. отсутствовало антропологическое измерение. Но в процессе развития СССР, а тем более его разрушения, цивилизационная трактовка процессов, прямо или косвенно включающая антропологическую составляющую, становится доминирующей.

Теоретически значимым и политически острым представляется второй вопрос: является ли Россия единой цивилизацией или совокупностью нескольких. Ряд исследователей склонны считать, что события 1990-х гг. в России узаконили соседство на одной территории славянско-православной и тюрко-мусульманской цивилизаций. Признание этого ставит под вопрос научную обоснованность попыток представить основой культурно-исторической идентичности народов Российской Федерации единую «российскую цивилизацию», которой никогда не существовало. Поэтому Павленко, солидаризируясь с мнением других исследователей, в качестве одного из промежуточных выводов склонен говорить о наличии доминирующего культурно-исторического типа – русской православной цивилизации, которая во взаимодействии с представителями других цивилизаций, прежде всего исламской, образует все многообразие российского суперэтноса»³².

Таким образом, основой цивилизационной идентичности³³ России является идея сотрудничества русской православной цивилизации как исторического стержня российской государственности с цивилизациями других традиционных конфессий, прежде всего с исламом. Речь идет о взаимодействии народов России в рамках особого типа культурно-исторической общности, образуе-

мой объединением вокруг русского народа и созданной им православной цивилизации, ценности которой в целом идентичны другим этноконфессиональным группам.

Цивилизационная структура российского государства и общества отражает многовековое взаимодействие различных культурно-исторических типов, каждый из которых внес определенный вклад в строительство общей государственности. Среди них выделяется **доминирующий тип** – русская цивилизация, которая является одной из древнейших духовных цивилизаций мира. Опираясь на ценности своей цивилизации, русский народ сумел создать величайшее в мировой истории государство, объединить другие народы и создать великую культуру. Русская цивилизация всегда была ядром, станковым хребтом российской государственности и выполняла функцию интегрирующего стержня, сохраняющего российский суперэтнос и задающего вектор его дальнейшего развития. В 2001 г. социологи провели большой опрос с целью узнать, «что граждане РФ думают о русском народе, о его роли в мире. Ответы удивили тем, что одинаково думают и молодые и старые. Народ-освободитель – 78,9 %. Создатель великой культуры – 78,2 %, защитник народов – 63,9 %»³⁴.

Понятие «ядро» не является метафорой или простым дополнением к таким понятиям, как государство, нация, цивилизация, оно задает перспективу рассмотрения данной проблематики. Это понятие занимает центральное, основополагающее место в новейшей теории систем, оно отражает структурные и функциональные качества самоорганизующейся, успешно действующей системы. Укрепление ядра – главный фактор устойчивости любой системы, в том числе системы международных отношений в российском государстве. Историческим и научным фактом является то, что государства национальны в своем происхождении и в своем ядре. «Даже те государства, – пишет С.Н.Булгаков, – которые в своем окончательном виде состоят из многих племен и народностей, возникли в результате государствообразующей деятельности одного народа, который и является в этом смысле “господствующим” или державным. Можно идти как угодно далеко в признании политического равенства разных наций, – их исторической равноценности в государстве это все же не установит. В этом смысле Россия,

конечно, остается и останется русским государством при всей своей многоплеменности даже при проведении самого широкого национального равноправия»³⁵.

Однако законный статус русской нации как ядра в системе государственно-политических, экономических и социальных отношений в начале 1990-х гг. не признавался, что мешало российскому государству встать на путь успешного развития, гармоничного равновесия в сфере социальных, межнациональных отношений. И только в концепции, изложенной в документах «Об основах государственной национальной политики Российской Федерации»; «Коррективы для концепции государственной и национальной политики Российской Федерации», которая в 1966 г. была утверждена Указом Президента, подчеркивается, что русский народ является опорой российской государственности. В этой концепции содержится также важный пункт о том, что русский народ является государствообразующим, отмечается его консолидирующая роль в государственном строительстве. Существенным моментом, на который обращает внимание В.А.Никонов, является то, что «после 1991 г. Россия перестала быть многонациональной страной. Россия – одно из самых мононациональных государств мира. 85 процентов населения русские – такого у нас не было никогда. В Российской империи до 1917 г. русских было 43 процента населения. В Советском Союзе – тоже меньшинство. Сейчас в России русских больше, чем французов во Франции. Это предпосылки для создания государства-нации, которого у нас никогда не было»³⁶.

Третий вопрос касается понимания основной проблемы и сути взаимоотношений с Западом. Здесь необходимо прежде всего учитывать принципиальную разницу между русской и западной цивилизациями. Об этом писали многие русские мыслители. И.Солоневич, например, видел эту разницу в том, что наша история показывает, как человеческий дух покоряет материю, американская – как материя подавляет дух. Духовные, нравственно-религиозные факторы играли в русской истории очень важную роль, демонстрируя господство духа над голым, корыстным интересом. Уникальную роль при этом играла Русская православная церковь, на протяжении веков она являлась главным хранителем нравственных идеалов и духовных святынь народа.

Что касается современного российского государства, которое не скреплено ни общей идеологией, способной удовлетворить человеческую потребность в осмысленном существовании и ощущении общности, ни духом солидаризма (солидаристской психологией), ни системой духовно-нравственных ценностей и общих культурных образцов, то оно демонстрирует отсутствие какого-либо вида идентичности. Это означает, что оно переживает кризис своих основных связей и структурных опор. Обвальная девальвация общенациональных идей открыла путь к культурной дезинтеграции и духовному кризису. При этом государство не опирается на человека, который по своей антропологической сути стремится к целостности, тяготеет к семье, почве, этнической и профессиональной идентичности. Но социальная и культурная действительность (антикультура) неизбежно нарушает эту целостность. Состояние многих людей в подобной ситуации характеризуется невозможностью самоактуализации и самоидентификации, возникновением чувства неприкаянности, заброшенности, невнятности и неартикулированности всех форм сознания.

В этой ситуации все больше исследователей начинает обращаться к изучению национально-культурной идентичности, ибо перспективы российского государства напрямую связаны с восстановлением собственного социально-культурного наследия (во многом сегодня забытого), с синтезом традиций и современности, с обретением национальной идентичности. Сама наша история дает примеры социально-экономических, культурных и других достижений, родившихся на основе сохранения идентичности культурно-ценностного вектора.

3. Антропологическое измерение и политическое реформирование

Антропологическое измерение как никакой другой методологический подход дает возможность понять причины неудач политического реформирования российского государства, как в прошлом, так и в настоящем. В литературе неоднократно отмечалось, что предпосылкой успешного политического и социально-экономического реформирования является соответствие ценностного содержания

модернизационной доктрины цивилизационным особенностям общества, матрице его традиционной культуры, которая накладывает свой отпечаток на каждого человека, определяя особенности его мыслей и действий³⁷. Когда такого соответствия нет, последствия бывают неблагоприятные и даже разрушительные.

Здесь не место вдаваться в данный слишком специальный вопрос. Но ряд весьма характерных примеров очень ярко свидетельствует о несоответствии реальной российской исторической основы верхушечной модернизации. В частности, это убедительно продемонстрировал, В.Б.Пастухов на примере заимствования Россией в 1990-е гг. западного конституционализма³⁸. Он показал, что сама история конституционализма непосредственно связана со всей историей западной цивилизации. Конституционализм не является внутри западной культуры чем-то изолированным, что может существовать автономно, само по себе. Он тысячами нитей переплетен с другими не менее важными проявлениями цивилизационной природы Запада, так что суть конституционализма не может быть усвоена вне контекста этих многочисленных связей.

В отличие от западного, отечественный конституционализм представляет собой пример попыток развития конституционных начал в неадекватной их природе культурной среде, а стало быть, вне учета *антропологического измерения*. Это приводит к тому, что конституционализм в России представляет, по словам Пастухова, «дом на песке, построенный без свай, – тех самых свай, которые уходят глубоко в культурные пласты и обеспечивают органическую связь политической надстройки с массовым сознанием и поведением. Подобная конституционная система ущербна, так как не может развиваться за счет внутренних импульсов, идущих снизу, от массовых движений граждан... Конституционализм, привитый в России, деградирует в чужеродной ему культурной среде до уровня политического инструмента»³⁹.

Следующий характерный пример современности – заимствование западной идеи «гражданского общества». В данном случае игнорируется, во-первых, неоднозначность самой этой идеи – в западной политологии существуют различные интерпретации «гражданского общества». Во-вторых, – и это главное – она отражает вполне определенную стадию исторического развития на Западе. Гражданское общество в США и Северной Европе сфор-

мировалось под влиянием религиозного (протестантского) наследия и культурной традиции. Протестантизм усилил как индивидуализм, так и тенденцию общества самоорганизовываться во множество добровольных ассоциаций и общин. Современное западное общество утратило многое из того, что составляло ядро идеала гражданского общества XVIII–XX вв. – солидарность, моральную привязанность. Отсюда вытекает невозможность создания гражданского общества в том смысле, как оно мыслилось изначально. В России гражданское общество интерпретируется как своего рода антитеза государству, а на практике приобретает главным образом «негативный» характер, превращаясь в совокупность криминальных и полукриминальных структур, патронально-клиентальных сетей, в «теневую экономику».

Сегодня уже все здравомыслящие граждане страны понимают: попытки интегрироваться в западную цивилизацию закончились впечатляющим провалом, встраивание в западное сообщество на основе поверхностного заимствования западных образцов, игнорирования национально-культурной идентичности, духовного фактора, а стало быть, антропологического измерения, не получилось.

Но, пожалуй, самый наглядный, теоретически и политически значимый пример того, что игнорирование антропологического измерения ведет в конце концов к краху – это судьба социализма в России. Большинство современных исследователей, обратившихся к этой теме, вскрыли многие противоречия и недостатки советского социализма, однако не дали полного и исчерпывающего объяснения того, что случилось с социализмом. И это не случайно – вне антропологического подхода никакое объяснение не будет теоретически и практически адекватным и убедительным. Исключение составляет, пожалуй, книга А.Е.Молоткова «Миссия России» (2008 г.), которая посвящена осмыслению феномена социализма в контексте его принципиальных духовных интенций, что дало возможность автору выйти на уровень антропологического измерения темы, а тем самым глубоко проникнуть в суть феномена необычайно быстрого крушения социализма.

Главную проблему социализма он видит в том, что социализм, осуществив практическую реализацию новых социально-экономических хозяйственных отношений, тем не менее, оказался неспособным явить нового человека – основу нового общества. Из

всех программных задач социализма как преддверия коммунистического общества были реализованы и решены почти все, за исключением, как оказалось, самой важной – воспитания «нового человека». «Была утрачена сама сверхзадача социализма и коммунизма – человек... В рамках старой идеологии не мог быть осуществлен переход от принципа “человек для социализма” к принципу “социализм для человека”⁴⁰. Это самая большая, принципиальная и трагическая неудача социализма, которая в 1990-е гг. обернулась разрушением государства, крушением всех его опор и устоев.

Экономические, научно-технические, социальные, военно-политические и международные успехи Советского Союза были очевидны, макромасштаб советских достижений впечатлял и вызывал безусловное уважение, однако в микромасштабе, в масштабе человека и его личности успехи были минимальны. Нельзя сказать, конечно, что советское общество не занималось воспитанием нового человека и не имело на этом поприще никаких успехов, наоборот. Вся система образования, культуры, воспитания, нацеленная на великие свершения, породила множество славных имен писателей, ученых, композиторов, художников и т.д. Это была система воспитания высокой нравственности, культуры и человечности, она представляла своего рода идеал и безусловное социальное благо. Однако эффективность этой системы оказалась слишком низкой. «Она была лишена своего главного личностного источника – глубокой духовной мотивации, основанной на любви к ближнему и духовной победе над остатками эгоизма. Эта деятельность апеллировала скорее к общественному инстинкту, чем к личной духовной сознательности»⁴¹.

Отсутствие духовного измерения человеческой личности делало коммунистическое воспитание поверхностным и непрочным. Вследствие этого образовался серьезный антропологический дисбаланс между интенсивнейшими процессами общественно-государственного строительства и уровнем индивидуального самосознания. Искусственные методы воспитания идеологической сознательности в рамках пионерии, комсомола, партии исчерпали свой ресурс и были совершенно неэффективными. Падение «коммунистической сознательности» – важнейшей моральной категории «строителя коммунизма» сыграло свою ключевую, роковую роль во всех областях общественной жизни и в самом партийном

аппарате. Не случайно основной фронт «холодной войны» проходил через сознание и мировоззрение советского человека как наиболее слабого звена советской системы. Внутренний мир советского человека был неустойчив, его система ценностей не имела фундаментальной духовно-мировоззренческой основы.

В результате советский социализм, как показал Молотков, не устоял именно на антропологическом уровне. Это было предопределено в той системе материалистического мировоззрения, которая понимала человека как сугубо социальную субстанцию, самосознание которой детерминировано системой общественно-экономических отношений по принципу: «бытие определяет сознание». Именно данный фундаментальный принцип исторического материализма не выдержал испытания временем. Социалистическое бытие ценой титанических усилий партии и народного подвига было реализовано, – однако социалистическое сознание не состоялось⁴². Причиной этого – одного из крупнейших идеологических провалов было отсечение множества плодотворных идей, содержащихся в нашем историческом наследии, но объявленных «классово чуждыми» и «антисоциалистическими».

Помимо многих объективных противоречий, социализм содержал в себе глубокое противоречие антропологического плана, которое, не будучи разрешенным, в конце концов привело к исчезновению самого социализма. Об этом писал в свое время С.Н.Булгаков: «Поразительна при этом противоречивость социализма. С одной стороны, здесь поддерживается общегуманистическая вера в человека, на которую и опирается вера в прогресс и в его радужные дали, а с другой, – в социализме совершенно упраздняется человеческая личность... вместо нее ставится всеопределяющая социальная среда. Вопрос о человеке подменяется вопросом о природе и строении общества, т.е. вопросы антропологии совершенно и без остатка растворяются в социологии»⁴³.

Противоречивые и разнокачественные составляющие социализма отмечает и Молотков: «Совершенствование человеческих отношений через нравственное преобразование человека и общества и внешнее изменение человека на основе жесткого социального закона; торжество в обществе идей христианской справедливости, равенства и братства и полное разрушение традиционной системы социально-общественных ценностей; конечное установление

светлого, счастливого общества и построение унифицированного всечеловеческого общества под руководством избранной элиты. Этим, в частности, объясняется то обстоятельство, что социализм привлекал в свои ряды людей прямо противоположных нравственных качеств: от чистых сердцем идеалистов и человеколюбцев до сознательных богоборцев, исторических авантюристов и человеконенавистников – каждый имел в социализме свое⁴⁴.

Отгалкиваясь от этих противоречий, Молотков дал точный анализ того, что случилось с социализмом и определил причины его крушения. Он показал, что, хотя социалистические тенденции существовали в глубокой древности во многих обществах, принципиальный момент в становлении идеи социализма связан с ранним христианством, т.е. имеют глубокую духовно-историческую ретроспективу. Именно тогда понятие о справедливости впервые получило глубокое этическое обоснование. А сама сверхзадача о личном духовно-нравственном совершенстве подразумевала и возможность совершенного общества как прямого следствия совершенных человеческих отношений. Но уже в эпоху Возрождения в Европе начинает формироваться идеология гуманизма, для которой было характерно полное доверие к человеческой природе в ее *данном состоянии*. Она понимала человека как самодостаточное, совершенное существо, способное собственными силами путем *прогресса* вывести человеческое общество к вершинам социального совершенства. Одним из важнейших практических приложений гуманистического мировоззрения является и социализм, который есть поэтому духовное порождение эпохи Возрождения. Христианская интенция о путях к совершенным человеческим отношениям преломляется через европейский гуманизм и приобретает сугубо рационалистические очертания, воплощаясь в итоге в социалистические теории XVIII–XIX вв. **Благородные усилия** гуманистов уничтожить внешние причины зла заслуживают уважения и представляют собой определенную ценность, но они глубоко заблуждались, когда думали, что, устранив внешние препятствия, смогут положительным образом разрешить все острые социальные противоречия, решить вопрос о своде и равенстве. Базовые христианские истины присутствовали в них лишь подспудно как некая неопределенная иррациональная потребность в социальной справедливости. В этом переходе от христианства к гуманизму и

заключается причина непреодолимой двойственности социалистического учения Нового времени, когда христианское начало социальных идей уходит на внутренний, совершенно не артикулируемый план, а внешние концептуальные построения целиком исходят из рациональных принципов материализма и гуманизма. То, что социализм заимствовал из христианства некоторые из важнейших для него идей, показывает, что здесь имело место не внешнее перенесение, а более глубокое взаимодействие.

Началом же собственно социалистического этапа в европейской истории следует считать появление первых утопических произведений, в которых вообще снимается проблема *несовершенства человеческой природы*. Дальнейшее развитие утопического социализма уже уверенно пошло по пути *рационализма*, рационального социального проектирования, при этом всё более настойчиво претендуя на политически конкретную реализацию с детальной проработкой различных аспектов новой социальной организации, что и было осуществлено в реальном социализме.

Кроме того (и это главное), продолжает Молотков, в России был радикально и грубо надломлен ее христианский мировоззренческий стержень, на основе которого тысячелетие шло становление России как государства и который изнутри определял смысл русской истории. Социалистическая форма государственной самоорганизации общества есть всего лишь фундамент первичной социальной справедливости, сама же социальная гармония, степень ее совершенства, определяется духовно-этическим содержанием государственного бытия. Социализм как естественно-природная форма самоорганизации социального целого подразумевает всю совокупность внутренних связей общества, когда понятие социального целого приобретает значение социального организма во всей полноте своих бытийных измерений – материальных, духовных, этических и т.д.

С этим игнорированием духовного фактора, как отмечали в свое время Н.Бердяев, С.Булгаков, В.Соловьев и др., находится в связи существенная черта социалистического движения – его глубокое мещанство, «буржуазность». Социализм не поднимается над уровнем буржуазных идеалов жизни, когда сосредотачивает свое основное внимание на достижении материальных благ. Значительное оправдание этому находится, конечно, в бедности

и обездоленности представителей труда. Тем не менее является фактом, что капитализм, как организованный эгоизм, сознательно и принципиально отрицающий подчиненность хозяйства высшим началам нравственности, отравил своим ядом и социализм. Хрущев как бы из лучших соображений провозгласил, что главной целью партии и правительства отныне является всемерное удовлетворение растущих потребностей советских людей. Это и стало тем поворотным пунктом, когда идея создания лучшего и справедливого общества (древняя мечта человечества) оказалась подмененной идеей потребительства. А социализм из авангардной системы начал превращаться в некое бледное подобие западного общества потребления, по крайней мере по своим целеустановкам и устремлениям. Советские люди естественно задумались: если главное – удовлетворение наших потребностей, то в капиталистических странах Запада с этим лучше, тогда зачем нам этот социализм?

Современная деградация всех сфер российского государства – социальной, экономической, демографической, культурной и т.д. – дает повод и основание к переосмыслению формы политического устройства государства. В этом контексте антропологическое измерение государства, всецело обращенное к человеку, но не в его утилитарно-потребительском смысле (капитализм) и не в его функционально-общественном значении (коммунизм), а в глубоко духовном смысле – как задача воспитания и раскрытия нового человека в его высшем, нравственном качестве – может сыграть незаменимую роль. Речь идет о такой форме политического устройства, где в основе общественных отношений будут лежать не законы экономических интересов, классовой борьбы или группового эгоизма, а приоритеты социокультурных ценностей, образования и воспитания, одухотворения всего государственного строя. Поэтому выработка новой формы политического устройства должна включать в себя всю полноту и противоречивость национальной истории, и в первую очередь ближайшего прошлого, воплотившегося в форме социализма.

Социализм при всей своей однобокой ущербности может и должен быть реабилитирован как объективная данность истории, как ее новое цивилизационное качество, подлежащее дальнейшему историческому развитию. Но уже не в русле «теории коммунизма», а на базе огромного комплекса плодотворных идей, содер-

жащихся в нашем историческом наследии. В таком контексте социализм вновь обретает свой истинный цивилизационный смысл и фундаментальный исторический статус.

Чистую в своих духовных истоках человеческую надежду на лучшее справедливое устройство не может окончательно заглушить никакая историческая неудача реального социализма. В этом смысле социализм как форма социальной самоорганизации общества еще далеко не закончил свое историческое становление. Слишком глубоки лежащие в его основе онтологические предпосылки. Социализм составляет важнейшую эпоху в истории нашего государства. Ценность же каждой эпохи, как подчеркивает выдающийся немецкий историк Л. Ранке, «основана вовсе не на том, что из нее выйдет, а на ее существовании, на собственном “я”»⁴⁵.

Социализм как идея первичен относительно теории коммунизма, поэтому исторический крах марксизма-ленинизма совсем не означает исторический конец социализма. Другими словами, в новом возвращении человечества к идеям социализма через долгий путь духовно-идеологических исканий и революций нет ничего удивительного, т.к. социалистические принципы организации общества (как государственности) оказываются идеологической колыбелью цивилизации.

Молотков приходит к непривычному для современных обществоведов выводу, лежащему в русле русской философской мысли (Федотов, Булгаков): «Если понимать коммунизм более глубоким образом – не как систему научных догм исторического материализма, а как духовно-мировоззренческую веру в возможность гармоничных общественных отношений на основе духовно-преображенной человеческой личности, то такой коммунизм не противоречит христианству»⁴⁶. В России, в отличие от Запада, именно так марксизм и был воспринят – как откровение, как духовная идея высокого накала. В преобразовании форм собственности марксизм видел всего лишь средство для достижения более высоких целей, которые и заключались в коренном изменении человеческой сущности. Однако на практике изменение человеческой сущности если и произошло, то в худшую сторону, о чем в массовом порядке свидетельствовали события последних двух десятилетий. Антропологическая проблема так и осталась нерешенной проблемой социализма, требуя заново своего решения в новых исторических условиях.

Все кратко и схематично представленные здесь попытки политического реформирования в истории России – конституционализм, гражданское общество и особенно пример с социализмом, который, в сущности, также был западным проектом, свидетельствуют о необходимости учитывать такую фундаментальную составляющую антропологического измерения государства, как его национально-культурную идентичность. Восстановление в правах важной составляющей антропологического измерения государства имело бы важные теоретические и практические последствия. Оно дало бы возможность изменить сознание человека, сформированное идеями и установками, чуждыми культуре российского государства и его жизненным интересам, которые пока еще доминирует в правящей элите. Отказ от таких установок устранил бы препятствия для поисков своих путей – в материальной, в социальной и в духовной сфере. Прецеденты этого были в 30-е и 60-е гг. XX в. Они были отмечены всплеском социального творчества, способностью к чрезвычайно быстрому (в силу наличия традиции, «подпочвы») генерированию новых форм социалистических преобразований. Тогда это привело к гигантскому цивилизационному скачку, и как следствие – к статусу сверхдержавы.

Если понимать социализм не догматически-механистически, а органистически, то важно учесть, что принципиальным отличием организма от механизма является присутствие в нем духа жизни, применительно к обществу – той или иной формы духовного единства, иногда понимаемого как «дух нации» или «душа народа». Именно это имел в виду, прежде всего, Булгаков, излагая свое видение человека, его интенции и возможности. Он говорил о необходимости величайшей духовной революции, которая может помочь людям восстановить утраченный секрет объединения не только внешнего, механического, но и внутреннего, мистического, не только в общей ненависти или интересе, но и в общей любви.

Создание по-настоящему справедливого, социально-ориентированного государства предполагает в качестве базового элемента опору на глубинные структуры исторической памяти, на матрицу коллективного бессознательного, на архетипические сюжеты, организующие социальное взаимодействие. Только сохра-

нив Россию как самобытное и в основе своей именно как Русское государство, можно рассчитывать на решение остальных национальных и социальных проблем всех российских народов.

При этом важно отметить, что государство, стремящееся к справедливому устройству, не может привязывать себя к прежней, ушедшей в прошлое, форме социально-политического устройства, к какому-то образу «золотого века», будь то языческая Русь, Великое княжество Московское, Российская империя или Советский Союз. Нельзя не понимать, что пути назад нет, а всякие попытки найти и утвердить государство на примерах несостоявшегося прошлого лишь препятствуют реально совершающемуся движению истории.

Восстановление коллективистских и солидаристских традиций нашей истории, их сочетание с ценностями социальной справедливости есть прямой путь к укреплению российского государства перед лицом вызревающих грозных опасностей как внутри, так и вне его. Некоторые надежды на это были появились после президентского Послания в апреле 2007 г., когда российское государство оказалась вновь в переходном периоде, но уже не от коммунизма к либерально-рыночной стихии, а от либерально-государственного капитализма к социально-ориентированному обществу, которое опирается на национальные интересы и традиционные ценности. Разразившийся финансовый кризис приостановил этот процесс, но не снял с повестки дня вопрос о духовно-нравственных ценностях.

Среди традиционных духовно-нравственных ценностей большую роль играет полузабытая «солидарность», скрепляющая общество в единое целое, что было многократно доказано российской историей в моменты великих испытаний. «Солидарность, – как отмечает А.Н.Самарин, – это особый тип социального взаимодействия, при котором моральное должествование переводит ресурс **идентичности** (выделено мной. – *Р.С.*) в плоскость реальной деятельности, выдвигая на первый план надличностные предпочтения»⁴⁷. Ресурс идентичности на фоне энергетических ресурсов (нефть, газ) оказался крайне недооцененным и соответственно невостребованным.

Условием массовой солидаристской практики всегда было и остается самоотжествление граждан с широкой социокультурной и этнополитической общностью и духовными ценностями как собственным миром. Русская цивилизация вопреки

крайней аномии и проповедям либеральной пропаганды обладает, во всяком случае в глубинной России, стойкой духовной солидаристской традицией. Этика самоограничения, зачастую жертвенный аскетизм, уважение к труду и знанию все еще составляют живую часть русской традиции, ослабленную, но до конца не выбитую. Солидаризм коренится в первую очередь в русском Православии и, во-вторых, – в советском социализме, также оставившем мощный исторический след не только национального, но и мирового значения.

Восстановление ценности «солидарности» есть в свою очередь предпосылка восстановления в правах и поправленной ныне идеи социальной справедливости. Многие исследователи, и отечественные, и западные, отмечают беспрецедентное социальное расслоение в нашей стране. Например, лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц пишет о России как о стране, где «резко возросло имущественное неравенство – теперь оно, вероятно, одно из сильнейших в мире, неизмеримо выросло и уровень бедности»⁴⁸. Между тем справедливость – одна из базисных идей человеческой эволюции. Русская классическая литература потому и популярна во всем мире, что вся пронизана идеей необходимости утверждения социальной справедливости.

В этом отношении было бы полезно обратиться к опыту русского социализма, который содержал в себе огромный комплекс плодотворных идей и практик. В силу исторических и национальных особенностей в России присутствует уникальный опыт коллективистских отношений. Он в большей степени соответствовал тем чаяниям, которые всегда вызревали в душах народов нашей страны, но был насильственно отсечен от официального мировоззрения в советское время.

Русский социализм, как отмечают, например, авторы монографии «Экономический вектор развития России: кооперация и социализм», вовсе не является чем-то таким, что изобреталось на протяжении последних ста пятидесяти лет. Предпосылки русского социализма создавались и успешно развивались до трагических событий религиозного раскола XVII в. Социалистами, по сути дела, были тогда так называемые мизинные люди. Русский социализм, как заметил А.И. Герцен, обязан своим происхождением общинному укладу жизни российского крестьянства. В противоборство с

капитализмом он вступил на мощной волне всенародного кооперативного движения, инициированного столыпинскими реформами. Кооперативное движение, успехи которого были громадны в дореволюционной России, были, по сути, путем к социалистическому строю русской цивилизации. Кооперативное движение встретило враждебную реакцию со стороны тех сил в стране, которые отстаивали интересы иностранного капитала и, особенно, капитала ростовщического. Внешние и внутренние враги выступили единым фронтом в борьбе с кооперативным социализмом. Так была спровоцирована Февральская революция, повлекшая за собой падение монархической власти. На смену добровольной кооперации трудового народа, сложившейся на духовно-нравственной основе, пришла «кооперация» насильственная⁴⁹.

Русский социализм как соответствующий национальной традиции и определяющий его духовные основы содержит то антропологическое измерение, которого катастрофически не хватало советскому социализму. Не случайно некоторые политики (Г.Зюганов) все чаще говорят о «русском социализме», т.е. о путях гармоничного соединения русской национальной самобытности, нашего многовекового исторического опыта с лучшими достижениями советского социалистического строя. В своем нынешнем виде идея русского социализма органично вписывается и в марксизм, и в многовековую русскую духовную традицию. Она не только впитывает в себя достижения всех течений общественной мысли, но и способна предотвратить новые расколы в национальном сознании. Именно русский социализм, являясь квинтэссенцией тысячелетней Русской идеи, может стать современной формой Российской национальной идеи, которая способна сплотить нацию для преодоления смуты и хаоса «реформ», конструктивно сочетать в себе идеалы социальной справедливости, национального достоинства, духовности, устремленности в будущее.

Примечания

- ¹ *Доброचेев О.В.* Свободное слово. Альманах-2003. М., 2005. С. 245.
- ² *Хоружий С.С.* Очерки синергической антропологии. М., 2005.
- ³ О настоящем и будущем (размышления о философии). Беседа Б.И.Пружинина с В.А.Лекторским // *Вопр. философии.* 2007. № 1. С. 4.

- 4 Сегодня деятельностный подход подвергается критике за свое стремление к абсолютизации и универсализации и, кроме того, обвиняется в пагубном антропоцентризме. См.: *Швырев В.С.* Деятельностный подход к пониманию «феномена человека»: (Попытка современного осмысления) // Наука глазами гуманитария. М., 2005.
- 5 *Молотков А.Е.* Миссия России. СПб., 2008. С. 216.
- 6 Там же. С. 217.
- 7 Политическая энциклопедия. Т. 1. С. 623.
- 8 *Молотков А.Е.* Миссия России. С. 306.
- 9 *Губин В.Д., Некрасова Е.Н.* Философская антропология. М., 2000. С. 5.
- 10 лат. habitus – наружный вид, внешний облик человека, животного, растения, минерала.
- 11 *Юдин Б.* Человек и социальные институты // Человек вчера и сегодня: Междисциплинар. исслед. М., 2008. С. 44.
- 12 См.: *Спиридонова В.И.* Эволюция идеи государства в западной и российской социально-философской мысли. М., 2008.
- 13 См.: *Петросян В.К.* Метагосударство: общая теоретическая модель // Филос. исслед. 2001. № 1.
- 14 Там же.
- 15 *Бердяев Н.* Философия неравенства. М., 1990. С. 89.
- 16 Там же. С. 76.
- 17 Там же. С. 72.
- 18 *Узилевский Г.Я.* О разработке метафизической семиотики // Вестн. Рос. филос. о-ва. 2006. № 1. С. 117.
- 19 В марксистской философии человек рассматривался в двух взаимосвязанных аспектах – социальном и биологическом, т.е. как материальное образование. См., например: *Кошелава В.В.* Гуманизм действительный и мнимый. М., 1973.
- 20 *Ильин И.А.* Сущность и своеобразие русской культуры. Три размышления. М., 2007.
- 21 *Вышеславцев Б.П.* Русский национальный характер // Русский индивидуализм. М., 2007. С. 193.
- 22 *Солоневич И.* Народная монархия. М., 1991. С. 19.
- 23 Там же. С. 21.
- 24 *Булгаков С.Н.* Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С. 122.
- 25 См.: *Корольков А.А.* Духовная антропология. СПб., 2005.
- 26 *Бехман Г.* Современное общество как общество риска // Вопр. философии. 2007. № 1. С. 32.
- 27 См.: *Труфанова Е.О.* Идентичность и Я // Вопр. философии. 2008. С. 95.
- 28 В социологии термин «идентичность», как известно, стал широко использоваться применительно к современному обществу в целом с 1950-х гг. в связи с публикацией книг Д.Рисмана «Одинокая толпа» и «Идентичность и тревога». В них отразилась нарастающая утрата смысла индивидуального существования в массовом обществе и намечались варианты поиска идентичности как попыток установить, кем реально является тот или иной человек.

- 29 См.: *Хесле В.* Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // *Вопр. философии.* 1994. № 3.
- 30 Там же. С. 275.
- 31 См.: *Павленко В.Б.* Российская идентичность как продукт взаимодействия цивилизации // *Транснациональные процессы: XXI в.* М., 2004. С. 103–104.
- 32 Там же. С. 105.
- 33 В трудах основоположников цивилизационной теории – М.Вебера, О.Шпенглера, А.Тойнби качественная специфика цивилизации подчеркивается ее привязанности к религии, что выражается семантикой ее названия: западнохристианская, восточнохристианская, исламская, индийская (индусская), буддийская.
- 34 Русские. М., 2008. С. 54.
- 35 *Булгаков С.Н.* Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С. 183–184.
- 36 *Никонов В.А.* Свободное слово. Альманах-2003. М., 2005. С. 48.
- 37 Впервые мысль о неперспективности чисто политической трансформации общества, если она не затрагивает сферу морали и духовных ценностей человека, была высказана ещё в начале XX в. «веховцами». Они подчеркивали необходимость синтеза идеалов справедливости с идеалами самосовершенствования человека. В конце XX – нач. XXI в. появилась многочисленная литература, в которой вопросы модернизации увязывались с культурной традицией России. См. работы А.С.Панарина, Б.С.Старостина, О.В.Гаман и др.
- 38 См.: *Пастухов В.Б.* Россия-2000: Цивилизационный выбор и конституционный шанс // *Полис.* 1998. № 6.
- 39 Там же. С. 16.
- 40 *Молотков А.Е.* Миссия России. С. 224.
- 41 Там же. С. 159.
- 42 Там же. С. 222–225.
- 43 *Булгаков С.* Христианский социализм. С. 122.
- 44 *Молотков А.Е.* Миссия России. С. 108–109.
- 45 *Ранке Л.* Об эпохах новой истории. М., 1898. С. 4.
- 46 *Молотков А.Е.* Миссия России. С. 225.
- 47 *Самарин А.Н.* О солидарности в современной России // *Экономический вектор развития России: кооперация и социализм.* Калуга, 2007. С. 81.
- 48 *Стиглиц Дж.* Мир в последнее десятилетие XXI в. // *Транснациональные процессы: XXI в.* М., 2004. С. 19.
- 49 См.: *Экономический вектор развития России: кооперация и социализм.*

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР В ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА (РОССИЯ И КИТАЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

1. Постановка проблемы

Существование и развитие любого государства зависит от многих факторов – природной среды, географического местоположения, количества населения, экономической и военной мощи, богатства или бедности природных ресурсов, социокультурных особенностей.

Естественно, что главенствующую роль играет человеческий фактор, т.е. количество и качество населения, его культурный и профессиональный уровень, менталитет нации, ее история, способность адаптации к меняющимся жизненным обстоятельствам, уровень политической социализации и политического участия, степень трудовой активности, уровень политической элиты, количество грамотных управленческих кадров и их компетентность, соотношение традиций и инноваций в общественной жизни. Во многих случаях человеческий фактор определяет судьбу государства. Есть страны и регионы, которые обладают достаточным количеством природных ресурсов, прекрасным климатом и тем не менее являются отсталыми в социально-экономическом отношении, где большинство населения принадлежит к бедным слоям.

В последние годы стало едва ли не правилом обвинять Советский Союз в том, что он был империей, чуть ли не «тюрьмой народов». Конечно, определенные элементы имперской государственности в истории СССР существовали, что проявлялось, в частности, в русификации в отдельные годы Украины, ряда других союзных республик. Вместе с тем историческая справедливость

требуется сказать, что за годы советской власти резко вырос культурный и образовательный уровень населения всех республик, входивших в состав бывшего Советского Союза, были подготовлены многочисленные кадры в различных областях культуры, науки и народного хозяйства. Кстати сказать, именно они доминируют сегодня в составе политической, экономической и культурной элиты возникших независимых государств. Особо следует подчеркнуть, что государствообразующая нация советского государства – русская нация – отнюдь не являлась первой в плане культурного уровня: по числу лиц с высшим образованием на 1000 человек она занимала только четвертое место. Следует также заметить, что при советской власти клановые, земляческие, родственные связи не играли решающей роли в союзных и автономных СССР, который поэтому не был империей в классическом смысле этого понятия.

Другое дело, такие колониальные империи, как Англия, Франция, Испания, Португалия – их интересовали в своих колониях, главным образом, сырьевые ресурсы и население как рабочая сила. За все время своего господства в африканских колониях практически не было создано ни одного высшего учебного заведения, не было подготовлено достаточного количества квалифицированных кадров.

Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и внутренний фактор – низкий интеллектуальный и моральный уровень политической элиты многих африканских государств, т.е. человеческий фактор. Большинство стран Тропической Африки – бедные страны, и это во многом объясняется человеческим фактором – отсутствием компетентных руководителей и просто квалифицированных кадров, действительно пекущихся о национальных интересах своих стран, продуманной и долгосрочной программы государственного развития. И это при том, что многие африканские страны богаты природными ресурсами.

В то же время на другом континенте – Азиатском – есть уникальная страна – Япония. Она практически лишена природных ресурсов, имеет ограниченную морями территорию, подвержена отрицательному влиянию природных катаклизмов. Тем не менее Япония в настоящее время является второй после США экономически развитой страной мира. На азиатском континенте значительных экономических достижений добились Южная Корея,

Сингапур, Вьетнам, Тайвань, другие страны и регионы. При этом они добились их вопреки общепринятым в западной политологии моделям развития. Экономические успехи были достигнуты не на путях западной демократии, а в результате деятельности авторитарных режимов. Точно так же успехи Германии (и Японии) во многом связаны с политикой оккупационной администрации, прежде всего американской, которая управляла обеими странами после войны (в первые годы оккупации в них была запрещена всякая политическая деятельность). Если же говорить о США, то не надо забывать, что фундамент ее экономического могущества во многом был заложен в период эксплуатации труда негритянского населения страны. Дискриминация темнокожих американцев была фактически отменена лишь несколько десятилетий назад. Человеческий фактор в политике любого государства имеет два измерения: *во-первых, качество политического руководства*, т.е. подготовленности политической элиты к решению задач, возникающих на различных исторических этапах существования той или иной страны, и, *во-вторых, качество населения*, т.е. людей, способных выполнять задачи, выдвигаемые политической элитой.

2. Россия и Китай: факты истории

Если говорить об историческом пути развития двух соседних стран – России и Китая, то здесь нельзя не обратить внимания на много общих моментов, связанных с их природными и социокультурными особенностями. Мы имеем в виду следующее:

- огромная территория;
- многочисленное население;
- большое количество национальностей;
- наличие различных конфессий;
- существование в течение многих столетий абсолютистского строя.

Россию и Китай связывает общность исторических судеб, обусловленная наличием общей границы на протяжении нескольких тысяч километров. Не следует забывать, что на протяжении свыше семи десятилетий в Советском Союзе существовал социалистический строй, в Китае он возник в 1949 г. и существует до сих пор.

То есть на протяжении многих десятилетий две страны связывала общность социально-экономического строя и руководящая роль коммунистической партии и марксистской идеологии.

Вместе с тем многое Россию и Китай разделяет. В Китае присутствуют такие религии, как буддизм (в том числе и его ламаистская форма), ислам, даосизм, анимизм. Господствующее место в идеологической жизни старого, да и современного Китая занимает конфуцианство, но официальной идеологией является марксизм. Возникшее еще в глубокой древности конфуцианство не является религией в классическом смысле этого слова. Это этико-политическое учение, до сих пор определяющее нормы поведения китайцев и их стандарты мышления, под его влиянием формировался менталитет китайской нации. Если в православии, которое является главной конфессией России, высшим авторитетом является верховное существо – Бог, то в конфуцианстве в его роли выступает великий мудрец Конфуций, который призывал людей добиваться воплощения своих желаний, реализации своих целей в реальной жизни. Китайцы не верят в загробную жизнь, отсюда их рационализм, утилитаризм, прагматизм, что неизбежно влечет за собой направление всех своих усилий для достижения «посюсторонних» целей. Применительно к китайцу вполне подходит русская пословица – «без труда не вытащишь рыбку из пруда». Китайская нация – это нация в своей массе трудолюбивых, что наглядно проявляется в различных сферах человеческой деятельности.

Если обратиться к историческому опыту России, то обнаруживаются следующие моменты. В течение многих столетий в стране существовал феодально-крепостнический строй, который до определенного времени обеспечивал нормальное функционирование государства, однако не мог обеспечить его поступательного развития. Россия все больше и больше отставала от других европейских стран, таких как Англия, Франция и даже Германия. Именно отсталость привела российское государство к поражению в Крымской войне. Ликвидация крепостного права и последовавшее за тем движение России по пути капиталистического развития ускорили рост экономики, однако его темпы оказались недостаточными для противостояния Германии во время Первой мировой войны.

В период существования Советского Союза при всех издержках политического характера, о чем речь пойдет ниже, были достигнуты значительные и неоспоримые успехи в экономическом и культурном строительстве: были созданы целые отрасли промышленности, обеспечена поголовная грамотность населения, мирового уровня добилась наука и т.д. Модернизация, проведенная на основе индустриализации и культурной революции, позволила Советскому Союзу стать одной из ведущих держав мира.

Однако позднее, начиная с 60-х гг. двадцатого столетия, постепенно наметилось отставание Советского Союза от других развитых стран, прежде всего, США. Отставание это проявлялось главным образом в научно-технической области, что влекло за собой замедление темпов экономического роста. Все более очевидным становился кризис советской экономической и политической системы, которая фактически оставалась неизменной на протяжении многих десятилетий после Октябрьской революции. Хотя формально лозунг мировой социалистической революции был снят, фактически руководство Коммунистической партии Советского Союза предпринимало шаги по внедрению идей социализма в различных регионах мира, при этом нередко не учитывались национальные и культурные особенности той или иной страны. Это касалось не только стран, где существовали определенные предпосылки для распространения социалистических идей, имеются в виду традиции рабочего движения, как, например, регион Восточной и Центральной Европы, но и стран, которые по уровню своего социально-экономического развития никоим образом не подходили для социалистических экспериментов, как, например, Афганистан, Арабские страны, страны Тропической Африки. Для них, вопреки учению классиков социализма, прежде всего К.Маркса, изобретались псевдонаучные формулы, вроде «некапиталистический путь развития» и «путь социалистической ориентации». Одновременно не принимался в расчет печальный опыт развития событий в отдельных социалистических странах (ГДР – 1953 г., Польша, Венгрия – октябрь 1956 г., Чехословакия – 1968 г. и т.д.). Авантюристичным было решение о вводе войск в Афганистан. Совершенно неоправданным с исторической точки зрения явился идеологический кон-

фликт между КПСС и КПК, политическая конфронтация между двумя соседними государствами, хотя вина за это равным образом лежит на обеих сторонах.

После распада Советского Союза и появления нового государства – Российской Федерации, по уверениям средств массовой информации и российских руководителей тогдашнего периода, для России должны были наступить времена бурного экономического подъема, политической стабильности и культурного расцвета. Однако напротив, на волне так называемого подъема демократии постсоветская Россия стала переживать тяжелейший политический, экономический и межнациональный кризис. Ярким проявлением политического кризиса явился кровавый расстрел Белого дома в октябре 1993 г., усиление влияния ультранационалистических идей (под их лозунгом выступал тогда Жириновский). Это явилось свидетельством раскола общества на две неравные части – большую, которую представляли рабочие, крестьяне, инженерно-техническая интеллигенция, и меньшую, которую составляли возникшая «демократическая» политическая элита и примкнувшая к ней часть гуманитарной интеллигенции. Сюда же входила и часть лидеров бывших национальных автономий. Центральное руководство «даровало» им те права, которыми обычно обладают независимые государства¹.

Непродуманные, более того, безответственные заявления относительно суверенитета национальных автономий спровоцировали сепаратистские тенденции: целый ряд республик принял законы, противоречащие федеральному законодательству, неоправданно расширявшие права лиц титульной нации и ущемлявшие права лиц других национальностей, постоянно проживавших на территории данной национальной автономии². Подобные «искривления» законодательства пришлось исправлять в течение длительного времени в первое десятилетие двадцать первого века. Но сепаратизм в отдельных национальных автономиях не преодолен до сих пор.

Об этом убедительно свидетельствует вся постсоветская история Чечни. Объявление режимом Дудаева независимости этой территории России не встретило решительного отпора Верховного совета России, он не поддержал предложение части депутатов о посылке в Чечню армейских подразделений для наведения там

конституционного порядка³. В результате эта республика превратилась в регион криминалитета, бандитизма и очаг терроризма⁴. Самое удивительное состоит в том, что т.н. демократические средства массовой информации, которые осуждают режим, существующий в настоящее время в Чечне, в 90-е гг. прошлого столетия равнодушно проходили мимо фактов беззаконий и убийств, имевших место там. Более того, российские правозащитники всячески обеляли чеченских бандитов (достаточно назвать того же С.Ковалева). Именно они явились инициаторами заключения Хасавюртских соглашений, которые фактически явились прелюдией ко второй чеченской войне⁵. Достаточно сложная ситуация сложилась и в Татарстане. Т.н. суверенизация особенно болезненно отразилась на судьбах народов Северного Кавказа, где чуть ли не каждый этнос стал требовать для себя национальной автономии (например, балкарцы требовали отделения от кабардинцев, ингушам это удалось, хотя они принадлежат к единой с чеченцами вайнахской языковой группе).

Особенно неблагоприятно «суверенизация» отразилась на судьбах русскоязычного населения республик Северного Кавказа. Подавляющее большинство русских под влиянием экономических и политических условий своей жизни было вынуждено покинуть их – мы имеем в виду Чечню, Ингушетию, частично Дагестан. По существу первые две республики стали мононациональными и в какой-то степени суверенными, независимыми.

Федеральный центр проводит по отношению к этим республикам неправильную политику, стремясь не допустить возникновения кризисной ситуации, приведшей к первой и второй чеченской войнам, он переводит в распоряжение руководителей этих, являющихся дотационными республик, большие средства, которые далеко не всегда используются по назначению, криминальная ситуация в них по-прежнему остается сложной, террористическое подполье до конца не уничтожено. Земляческие, родственные связи играют в республиках Северного Кавказа едва ли первостепенную роль, направленные сюда средства зачастую попросту разворовываются. В то же время бежавшее из этих республик русское население не получило и до сих пор не получает какой-либо финансовой и моральной помощи. Беженцы из Чечни, Ингушетии и других республик фактически представлены самим себе. Напрашивается

вывод о том, что у Федерального центра нет продуманной стратегии действий в отношении Северного Кавказа, оно ограничивается лишь вынужденными тактическими мерами, обусловленными складывающейся ситуацией. Это чревато в будущем трагическими последствиями для судеб России.

Возникший в начале 1990-х гг. кризис экономики явился прямым следствием *неправильной экономической политики Гайдара*. Примененный им метод шоковой терапии привел к появлению большого количества разнообразных качественных продуктов, но все они или почти все – импортные. Дефицит исчез, но исчезла и отечественная промышленность. Кабинетный ученый, лишенный какого-либо практического опыта работы в народном хозяйстве, он сделал ставку на конкуренцию производителей, что само по себе в условиях нормально функционирующей экономики оправданный шаг. Но Гайдар не хотел учитывать того очевидного факта, что в течение десятилетий промышленность и сельское хозяйство Советского Союза развивались вне мирового рынка, деятельность предприятий определялась исключительно государственным заказом, реальные экономические, тем более рыночные, механизмы отсутствовали. Естественно, что в целом ряде позиций наше сельское хозяйство и промышленность отставали от мировых стандартов (авиация, автомобилестроение, электроника, компьютеры и др.). В связи с этим был необходим определенный период протекционистской политики, с тем чтобы подготовить российские предприятия к конкуренции на мировом рынке. Однако этого очевидного шага сделано не было. Результат политики Гайдара неизбежно привел к плачевным результатам – произошел обвал промышленного производства, аналогичный удар был нанесен и по сельскохозяйственному производству. Гайдар и экономический блок правительства совершенно не принимали в расчет климатические условия России, где значительная часть ее регионов находится в зоне рискованного земледелия.

Характеризуя положение постсоветской России, нельзя не сказать и о чудовищных размерах коррупции, возникшей в 90-х гг. прошлого столетия и продолжающей существовать вплоть до настоящего времени. Следует отметить, что коррупция своими метастазами охватила все слои российского общества снизу доверху. Грабительский характер носила и приватизация, которая

привела к появлению олигархов с баснословными состояниями и к обнищанию подавляющего большинства населения. По словам российского историка В.Бушуева, показатель ущербности навязанной России экономической модели – невероятно низкие доходы, полученные государством от приватизации. В Польше, например, доходы от приватизации за 1991–2002 гг. составили около 18 млрд. долларов. А в гигантской России, просто несопоставимой с Польшей по общим объемам экономики, приватизация, по признанию главы Счетной палаты С.Степашина, принесла казне практически в 2 раза меньше – всего 9,7 млрд. долларов; 150 тыс. предприятий были отданы за бесценок. Осуществив непродуманный вариант приватизации, страна потеряла фундаментальные базовые отрасли экономики. В результате две трети ее богатств стали достоянием 6 % населения. Несколько лет назад Госдума попыталась оценить урон, нанесенный приватизацией экономическому потенциалу России. Выяснилось, что потери в 2,5 раза превысили потери СССР в Великой Отечественной войне и составили 2 трлн. долларов⁶.

По известному определению американского историка Стивена Коэна, «второе издание капитализма в России началось с *демодернизации*»⁷. Об этом свидетельствует уничтожение в современной России значительной части высоких технологий и научного комплекса. По подсчетам российского исследователя Б.С.Хорева, «к 2001 г. треть научных, научно-исследовательских, проектных организаций и КБ была полностью ликвидирована, численность научных работников уменьшилась наполовину, закрылось 150 научных журналов, 15 процентов российских ученых эмигрировали»⁸. По словам политолога А.Тарасова, «дореволюционная капиталистическая Россия была *отсталой* (с точки зрения развитых западных стран), но *прогрессировавшей* страной. Современная, капиталистическая Россия, наоборот, является страной *регрессирующей*»⁹.

Социально-экономическая практика постсоветской России подтверждает принципиальную противоположность марксистского и неолиберального социальных проектов. Нельзя не согласиться с мнением российского ученого Н.Козина, который пишет, что «марксистский социальный проект вошел в историю с гуманистической идеей *эмансипации труда* от всех экономических, политических и социальных практик, извращающих его истинную антро-

пологическую сущность как основного средства существования истинно человеческого в человеке. Этот проект был одухотворен идеалом превращения труда во внутреннюю потребность человека, его освобождения от сковывающих факторов отчуждения, в частности от уз эксплуатации.., новолиберальный социальный проект входит в историю с совершенно другой идеей – *эмансипации от труда*. Воодушевившись идеей безмерной свободы, он довел ее и до свободы от труда, начал формировать социальные идеалы и базовые программы поведения человека, связывая их с ценностями не труда, а досуга, с преодолением всех ценностей, вскормленных этикой трудовой аскезы»¹⁰. В результате, подчеркивает Н.Козин, происходит изменение антропологического типа российского общества – появляется *человек новой формации*, ориентированный не на ценности труда, а на ценности досуга. Для него нет сомнения в том, что «модель общества, к строительству которого приступили после Августа 1991-го, – это дикий капитализм, освобожденный от всех примесей социальной ответственности, национальной идентичности и гуманистической вменяемости»¹¹.

Постсоветская Россия лишилась благоприятного для ее существования внешнего окружения. Бывшие социалистические страны Восточной Европы, даже такая близкая нам по историческим судьбам как Болгария, одна за другой стали членами НАТО. При этом руководство ничего не сделало для предотвращения подобной ситуации, ограничившись малозначащими заявлениями. Произошел преднамеренный отказ от таких союзников, как Куба, Вьетнам, Монголия, с которыми во времена Советского Союза существовали политическое, экономическое, культурное и военное сотрудничество. Надежды российского руководства в 90-х гг. прошлого столетия на равноправное участие в решении международных проблем не оправдались. Расчеты на взаимовыгодное сотрудничество с Соединенными Штатами оказались мифом, Россия фактически шла в эти годы в фарватере американской политики, что наглядно показали события в Югославии. **Россия превратилась в региональную державу**, что вынуждены были признать и некоторые российские политики.

Нынешнее руководство России пытается вернуть прежние позиции страны на мировой арене, но оно вынуждено делать хорошую мину при плохой игре, ибо то, что было утрачено в 90-е гг.,

вернуть уже невозможно. Резкое ослабление экономической мощи российского государства не может не сказываться на политическом влиянии российского государства на международной арене.

Во времена существования Советского Союза, особенно в его последний период, в силу целого комплекса причин экономического и политического характера, в общественном сознании людей, в их нравственном поведении существовали отрицательные моменты – карьеризм, двурушничество, лицемерие, неверие в идеалы и т.п. Однако эти явления отнюдь не исчезли с появлением нового российского государства, напротив, они приобрели теперь более массовый характер, падение нравов стало угрожающим. Это несомненно связано с безудержной пропагандой в обществе культа денег, наживы. Сама по себе рыночная экономика не является все-ленским злом, как это пытаются представить ее противники, но она и не является панацеей от социальных бедствий, ее роль носит чисто инструментальный характер.

В последнее время руководство России обратило серьезное внимание на духовную сферу общества, очевидно, его стремление восстановить утраченные нравственные принципы, правила человеческого общежития, долженствующие присутствовать в сознании гражданина любой страны – сострадание, сопереживание, взаимопомощь, любовь к семье, малой и большой родине и т.д. Оно надеется в связи с этим опереться на представителей религиозных конфессий, прежде всего православия. Однако, на наш взгляд, подобная политика выглядит весьма проблематичной. Во-первых, как показала история последних двух десятилетий, количественное увеличение мест отправления религиозных культов отнюдь не приводит к автоматическому повышению нравственного уровня лиц их посещающих. Очень часто это делается, следуя моде, однако поведение человека, его нравственные императивы от этого отнюдь не меняются. Многие представители бизнес-общества могут преподносить в дар церкви ценные подарки, однако одновременно продолжать совершать действия, наносящие ущерб обществу и государству, т.е. вести себя аморально с общечеловеческой точки зрения. Во-вторых, союз власти и церкви, т.е. клерикализация общества, нарушает светский характер государства и может отрицательно сказаться на развитии науки в России.

В постсоветский период в России возникает хаос в сфере идеологии, которая, по справедливому замечанию российского мыслителя А.Зиновьева, является одной из трех основных опор, на которых держится все здание общества (к двум другим он относит систему власти и управления, а также экономику). Размышляя о судьбах идеологии в современной России, А.Зиновьев пишет: «Я вовсе не защищаю марксизм. Наоборот, я считаю, что его крах был предрешен. Сыграв огромную роль в русской революции и в движении России на позиции лидера мировой истории, он в новых условиях второй половины XX в. стал терять свое соответствие реальности и превратился в один из факторов кризиса и краха советского коммунизма. Но то, что пришло на смену ему, есть не шаг вперед на пути интеллектуального и нравственного прогресса российского населения, а беспрецедентная в истории человечества деградация»¹². Далее он делает следующий принципиальный вывод: «Социальная функция идеологии – формирование сознания людей, адекватного современным условиям их бытия, и управление людьми путем воздействия на их сознание. В наступившем XXI столетии никакая религия и церковь эту функцию должным образом (в интересах страны) выполнить не могут. Это под силу только светской идеологии, базирующейся на лучших достижениях научного познания реальности»¹³.

Подводя итоги нашему рассмотрению российского общества, нельзя не сказать о том, что главной причиной нынешней ситуации является отсутствие *идейно-политической программы*, той цели, вокруг которой должны быть объединены граждане страны. Такая программа, такая цель существует во многих развитых странах, даже если они прямо и не декларируются. В дореволюционной России такой целью было строительство мощной мировой державы («Третьего Рима»), объединяющей вокруг себя православные, славянские народы страны и соседние дружественные страны. Во времена Советского Союза такой целью было построение государства, основанного на принципах социализма. В сегодняшней России такой ясно обозначенной цели нет. После распада Советского Союза проповедовалась идея строительства демократического правового государства, однако оно имеет, прежде всего, инструментальный характер и может иметь место в любой стране, безотносительно к ее истории и географическому место-

положению. Россия и, прежде всего, русские всегда отличались склонностью к социальным проектам идейного плана, об этом убедительно свидетельствует вся история русской общественно-политической мысли последних двухсот лет. В настоящее время никак не обозначено, какого характера, какого типа общество должно быть построено в России, никак не определены хотя бы его основные контуры. Существует широкий разброс мнений по этому вопросу среди политической элиты, среди различных ее представителей нет консенсуса, а он необходим, учитывая национальный и религиозный состав нашей страны.

По словам российского исследователя Г.Савковой: «заметными чертами российской жизни становится потеря идеалов, ценностей (аномия), доверия – всего, что составляет основу социального капитала. Невозможность достижения благополучия деформирует представления о справедливости. Отсутствие интереса к будущему, краткосрочность целей, недолговременный и поверхностный характер социальных связей, межличностных отношений, одиночество, солипсизм и апатия – черты, свойственные российскому гражданину сегодня гораздо в большей степени, чем прежде»¹⁴.

Перейдем теперь к Китаю. В течение многих столетий в стране существовала феодальная монархия. После Синьхайской революции 1911 г. в Китае был установлен республиканский режим, у страны появилась возможность осуществления масштабных социально-экономических преобразований; однако появившийся шанс не был использован. Чан Кайши, возглавивший республиканский Китай после смерти Сунь Ятсена, сумел в основном ликвидировать милитаристские клики, но не смог поделить власть с коммунистами и спровоцировал гражданскую войну. К этому следует добавить коррупцию и провал аграрной политики. Это позволило Коммунистической партии Китая, опираясь на крестьянские массы, составлявшие большую часть населения страны, а также используя помощь Советского Союза, одержать верх над партией Чан Кайши – Гоминьданом и установить свою власть на всей территории Китая (за исключением Тайваня). В 1949 г. была образована Китайская Народная Республика.

В течение первых тридцати лет существования КНР китайское руководство, возглавляемое Мао Цзэдуном, в основном использовало в своей политике методы, применявшиеся ранее в Советском

Союзе. Когда она им следовала, то были достигнуты определенные успехи, вместе с тем были использованы и собственно китайские методы – «большой скачок», организация «народных коммун» в сельском хозяйстве, которые привели к серьезному экономическому кризису. Однако Мао Цзэдун не извлек необходимых уроков и в 1966 г., руководствуясь только ему известными соображениями, развязал «великую пролетарскую культурную революцию», которая привела в стране к разгулу анархии, вооруженным конфликтам, падению промышленного и сельскохозяйственного производства, массовому голоду. Впоследствии десятилетний период «культурной революции» получил название «десять лет беспорядков», «десять лет бедствий», «десять лет смуты».

Новое руководство Китая, пришедшее к власти после «культурной революции» и смерти Мао Цзэдуна, извлекло необходимые уроки из опыта прошлых лет и выработало новую стратегию развития страны – «политику реформ и открытости». Суть этой политики состояла в решительном отказе от прежних, неоправдавших себя методов и выработки принципиально новых подходов, прежде всего к экономическому строительству. В Китае, так же как впоследствии в России, был избран путь перехода к рыночной экономике, но в отличие от нашей страны он был совершен не *мгновенно*, а *постепенно*. До начала реформ карточная система охватывала 36 видов продуктов и товаров, затем их число год за годом сокращалось, пока карточки не были отменены совсем. Еще раз следует подчеркнуть, что переход к отмене карточной системы происходил постепенно, причем в течение всего этого периода существовали две цены: одна более низкая – по карточкам, талонам, и другая, более высокая – по ценам свободного рынка. Благодаря такому подходу китайское общество, население страны *цивилизированно* перешло к рыночной экономике.

Главной проблемой современного Китая всегда был аграрный сектор экономики, ибо в нем занято большинство населения страны, естественно, что от степени его «здоровья» зависит устойчивость государства. До 1978 г. руководство Китая зачастую проводило в отношении сельского хозяйства волонтаристскую политику. После 1978 г. был избран подход, учитывающий менталитет китайских крестьян, их огромную тягу к труду на собственном участке земли. Кстати, сама политика «реформ и открытости» на-

чалась с преобразований в аграрном секторе: прежде всего были распущены псевдоколлективные хозяйства – народные коммуны и входившие в них большие производственные бригады (бывшие кооперативы). Псевдоколлективные – потому что никакого коллективного правления и общего ведения хозяйственных дел в них не существовало, это были военизированные организации. На смену им пришли крестьянские фермерские хозяйства – крестьяне получили в управление участки определенного размера, вначале на 30 лет, позднее этот срок был продлен еще на 20 лет. Земля крестьянам была передана не в собственность, а в управление. Это объясняется тем, что при наличии земельного голода власти опасались, что введение частной собственности на землю может рано или поздно привести к появлению слоя земельных собственников и массы безземельных крестьян, что чревато социальными взрывами. Дискуссия о введении частной собственности на землю продолжается в Китае до сих пор.

В то же время в китайском обществе нет негативного отношения к частной собственности и вообще к богатству, как говорят, в Китае «нет болезни красных глаз», т.е. зависти к богатым людям. Любая частная собственность, приобретенная законным путем, приветствуется, упоминание о ней содержится в Конституции страны наряду с общественной и кооперативной. За годы реформ в стране появилось большое количество богатых людей разного масштаба (конечно, как и в любой стране, среди них встречаются лица, заработавшие свое состояние незаконным путем). Имущество частных предпринимателей охраняется законом, они представлены в местных и центральном парламентах, которые называются в Китае собраниями народных представителей, и в организациях единого фронта – консультативных советах.

Для китайской экономики характерно использование инструментов хозяйствования, которые раньше считались присущими лишь капиталистическому способу производства (биржи, акции, акционерные компании и т.п.). Китайскую экономическую политику отличает нетрадиционный подход к решению макроэкономических и микроэкономических задач. К примеру, уже с начала 80-х гг. прошлого века стали создаваться специальные экономические зоны с преференциями для промышленных предприятий (в том числе, частных и иностранных), они получали льготные нало-

говые взимания в течение 3–5 лет, либо вообще освобождались от них. Широко привлекались иностранные инвестиции, иностранные технологии, опыт иностранных специалистов, одновременно создавались смешанные предприятия (с участием иностранного капитала), а также предприятия со 100-процентным иностранным капиталом. В результате в течение последних тридцати лет китайская промышленность добилась значительных успехов не только в таких традиционных для Китая отраслях, как легкая и текстильная, став здесь по существу мастерской мира, но и в таких новых для себя отраслях, как автомобилестроение, вагоностроение, авиастроение, электроника и др., выйдя здесь на современный уровень.

Продукция китайских предприятий, начинавших свою работу как сборочные производства, первоначально выступала как аналог того, что производилось вне Китая, но постепенно все более приобретала китайскую специфику, китайский товарный вид. В результате началась экспансия китайской продукции на мировые рынки. Учитывая дешевизну китайской рабочей силы и отсюда, естественно, более низкую себестоимость китайские изделия и товары составили серьезную конкуренцию традиционным производителям из ведущих стран мира. Не следует думать, что это был одномоментный процесс наращивания экономической мощи Китая, его экспортного потенциала, это происходило постепенно в течение многих лет. Следует отметить, что предприятия китайской промышленности расположены не только в крупных городах. Стремясь занять избыточное сельское население, с конца 1980-х гг. стала создаваться сеть т.н. волостных-поселковых предприятий, иначе говоря, местная промышленность, причем иногда с участием иностранного капитала.

Чрезвычайно большое внимание уделяется в Китае «экономике знаний», т.е. развитию среднего и высшего образования. Высшие учебные заведения переведены на западную систему обучения – четырехгодичная подготовка бакалавров, затем три года – магистров и еще три года – докторов. В стране ведется, без преувеличения можно сказать, громадное строительство новых учебных зданий, общежитий для студентов, жилых зданий для преподавателей¹⁵. Обучение в вузах платное, как, впрочем, и в высшей ступени средней школы, жилье для преподавателей вузов также платное, но для этого им предоставляется льготный кредит

сроком на двадцать лет¹⁶. За тридцать с лишним лет ни один десяток тысяч китайских студентов, аспирантов, стажеров, преподавателей, ученых побывали в зарубежных странах, преимущественно в США. Одновременно Китай в интересах развития своего высшего образования и академической науки регулярно приглашает преподавателей и ученых из-за рубежа, устраивает престижные международные научные конференции. В стране существуют три академии всекитайского масштаба – Академия наук, Академия общественных наук и Инженерная академия. Знание иностранных языков, прежде всего английского является пропуском к карьерной должности.

В Китае процесс урбанизации сопровождается невиданным размахом городского строительства – во многих городах, в таких как Пекин и Шанхай, застройка ведется целыми кварталами, расширяются городские улицы, строятся транспортные развязки¹⁷, в трех крупных городах – Пекине, Шанхае, Гуанчжоу – есть метро. Большое внимание уделяется в Китае культурному строительству – в разных городах строятся новые музеи, театры¹⁸, библиотеки, нельзя не констатировать, что за годы реформ культурный уровень многих китайцев значительно вырос.

В отличие от России в Китае существует стратегия развития национальных районов страны. Естественно, что оно заключается не в уходе из них, как это имеет место в России, о чем мы уже писали выше, а напротив, в постепенном заселении их лицами ханьской национальности (т.е. собственно китайцами). Развивая культуру национальных автономий (всего в Китае пять крупных автономий, не считая большого количества автономных уездов), заботясь о повышении общеобразовательного уровня их населения, китайское руководство одновременно стремится не допускать проявлений сепаратизма. В свое время еще Мао Цзэдун не пошел по пути КПСС – в Конституции Китайской Народной Республики никогда не было упоминания о праве выхода национальных автономий из состава государства, за что в Советском Союзе его обвиняли в великоханьском шовинизме¹⁹.

В последние годы принят «План развития большого Запада», куда, в частности, входит проблемный Синцзян-Уйгурский автономный район. Проблемный он потому, что в нем наряду с казахами, таджиками, киргизами проживают составляющие большин-

ство населения уйгуры, среди которых есть лица, стремящиеся к отделению территории района от Китая и созданию независимого Уйгурстана. В этом районе отмечаются отдельные вылазки террористов. В целях решения данной проблемы китайские власти действуют здесь теми же методами, что ранее они использовали в автономном районе Внутренняя Монголия. В результате теперь в провинциальной столице этого района – Хух-Хото большая часть населения – китайцы, поощряются смешанные браки²⁰. «План развития большого Запада» рассчитан на длительную перспективу, и, зная менталитет китайской нации, нет сомнения, что он будет выполнен – Синьцзян-Уйгурский район будет «умиротворен».

Гораздо сложнее политико-идеологическая обстановка в Тибетском автономном районе. Здесь абсолютное большинство населения составляют тибетцы, приверженцы ламаистской ветви буддизма. В течение многих столетий в Тибете существовал теократический, рабовладельческий строй во главе с верховным духовным правителем – Далай-ламой. Большинство населения района составляли монахи, отсутствовало светское образование, экономическая жизнь практически не развивалась, тибетское общество жило в условиях средневековья. Китайский коммунистический режим, пришедший в Тибет в 1950 г., несомненно нес его жителям более передовой общественный строй. Однако его внедрение велось скоропалительно, насильственными методами, как, впрочем, и во всем остальном Китае, не учитывались национальные и духовные особенности жителей района, их менталитет, его история и культура²¹. Естественно, что подобная политика не могла получить поддержки абсолютного большинства населения автономии, в 1959 г. вспыхнуло восстание, после его подавления Далай-лама бежал в Индию.

С началом «политики реформ и открытости» стала меняться и политика китайской администрации в Тибете, она стала более соответствовать традициям и истории этого региона, были прекращены гонения на монахов, стало развиваться среднее образование, был открыт Лхаский университет, создана Академия общественных наук автономного района, большое внимание стало уделяться собиранию и изучению письменных памятников тибетской культуры. Конечно, политику проводят люди, а люди отличаются друг от друга своим политическим кругозором, культурным уровнем,

менталитетом, далеко не каждый из них готов к трудной работе по вхождению в тибетское общество, тем более что природные условия Тибета отличаются от других районов Китая (четыре тысячи метров над уровнем моря, отсюда разряженный воздух). Но в прошлом, 2008 г. была введена в строй высокогорная железная дорога Цинтай – Тибет, которая строилась в течение более десяти лет, теперь Тибетский автономный район надежно связан с остальным Китаем (до этого было авиа- и автосообщение). Очевидно, что подобное строительство велось в интересах укрепления позиций Центрального правительства.

В течение многих лет политические деятели и средства массовой информации западных стран усиленно муссируют тему нарушения прав человека в Тибете. Они сознательно обходят вопрос о том, каким было тибетское общество до 1950 г. и каким оно является сейчас, они также сознательно обходят вопрос об эволюции мировоззрения духовного лидера тибетских буддистов – Далай-ламы. Далай-лама начала 1950-х гг. и сегодня разительно отличаются друг от друга, тогда это был руководитель теократического общества, сегодня это приверженец западной демократии. Однако он предпочитает умалчивать о том, кем был раньше, и вместе с поддерживающими его деятелями из США и стран Европы осуждает китайское руководство за нарушение прав тибетцев.

И еще один важный момент, о котором следует сказать – характер политического режима современного Китая. Он совершенно не похож на тот, который существовал тридцать, двадцать и даже десять лет назад. На последнем XVII съезде КПК, состоявшемся в октябре 2007 г., поставлена задача постепенного реформирования политической системы.

Большое место в докладе руководителя партии Ху Цзиньгао заняли вопросы реформы политической системы. Дальнейшее реформирование экономики сталкивается с несовершенством политических институтов власти, изменения в которых происходят очень медленно. Конечно, это можно объяснить специфическими условиями Китая и одновременно желанием избежать повторения печального опыта распада Советского Союза. Поэтому в докладе подчеркивается руководящая роль в обществе Коммунистической партии, но партии в значительной степени реформированной, обновленной и по кадровому составу, и по идеологии, осуществляю-

шей свою «правящую роль на научной, демократической и правовой основе». Предусматривается демократизация внутривнутрипартийной жизни. Для улучшения качественного состава партийных работников предполагается создать «научный механизм подбора и назначения кадров».

Имеется в виду:

- гласность и конкуренция при отборе на руководящие должности;
- улучшение системы проверки и аттестации;
- введение системы периодических отчетов бюро местных парткомов перед их пленумами, а также Политбюро ЦК перед пленумом ЦК. Следует заметить, что отчетов Политбюро перед пленумами ЦК партии не было в Советском Союзе даже во времена Горбачева, оно существовало в КПСС только в 1920-е гг.;
- широкое обсуждение кандидатур при выдвижении их в состав парткомов при участии в этом процессе не только коммунистов, но и беспартийных;
- введение в порядке эксперимента в ряде уездов режима постоянного функционирования партсъездов.

Осуществляя демократизацию политической системы и одновременно учитывая по-видимому опыт КПСС, руководство КПК твердо намерено пресекать попытки ослабления руководящей роли компартии.

Ху Цзиньтао отмечает, что кандидатуры в состав руководящих коллективов надлежит выдвигать не только снизу, но и сверху. Принцип демократического централизма объявляется незыблемым. В этом же ряду находятся и следующие предлагаемые меры: *во-первых*, «оказывать особое внимание тем кадровым работникам, которые долгое время добросовестно работают в местах с трудными служебно-бытовыми условиями, *подбирать и выдвигать из низов и с передней линии производства лучших кадровых работников и пополнять ими партийно-правительственные руководящие органы*»²² (курсив наш. – В.Б.). Тем самым в какой-то степени становятся препоны на пути появления в руководящих органах карьеристов и непрофессионалов; *во-вторых*, предлагается «пресекать и предотвращать самоуправство как отдельной личности, так и меньшинства»²³. То есть подчеркивается роль коллективного, коллеги-

ального руководства и одновременно предотвращается навязывание амбициозным меньшинством своего мнения большинству. Все эти мероприятия призваны усилить контроль за процессом подбора и расстановки кадров. Очевидно, что руководители КПК, провозглашая их, имеют в виду опыт дезорганизации партийных организаций КПСС различных уровней в период перестройки.

Что касается реформы политической системы в целом, то здесь предполагается осуществить следующие мероприятия:

во-первых, усиление роли собраний народных представителей всех уровней. Следует заметить, что в последние годы их сессии все больше становятся местом делового обсуждения существующих социально-экономических проблем, критики в адрес административно-управленческих и партийных кадров, ведь она может вестись и в рамках улучшения работы органов власти без применения идеологических клише. Одновременно поставлены задачи повышения образовательного и профессионального состава работающих на постоянной основе постоянных комитетов собраний народных представителей, омоложение их членов (как сказано в докладе, необходимо «оптимизировать интеллектуально-возрастную структуру их состава»);

во-вторых, усиление роли Народного политического консультативного совета (НПККСК) при обсуждении политических решений и их принятии. В этом Совете в основном состоят представители компартии и других партий, существующих в Китае, т.н. демократических, и общественных организаций, а также лица, которые занимали в прошлом руководящие посты в партийных, государственных органах, научных и учебных заведениях и, таким образом, обладающие значительным общественным авторитетом. Поэтому естественно, что их опыт и знания могут быть чрезвычайно полезны;

в-третьих, усиление делового сотрудничества с демократическими партиями, «поддержка беспартийных деятелей в лучшем исполнении ими своих функций по участию в управлении государством, обсуждению государственных дел и осуществлению демократического контроля». Новизна в осуществлении сотрудничества с демократическими партиями состоит в том, что впервые на высшем партийном форуме было сказано о необходимости выдвижения «большого количества незаурядных кадровых работников-некоммунистов на руководящие должности». Подобная практика

существовала уже несколько лет, но теперь она становится официальной, представители т.н. демократических партий выдвигают на должности заместителей мэров городов, проректоров вузов и заместителей директоров научно-исследовательских институтов, и т.д.;

в-четвертых, развитие низовой демократии, что означает участие рядовых граждан в решении местных дел, обеспечение ими «демократического контроля над кадровыми работниками»;

в-пятых, управление государством на основе закона, строительство социалистического правового государства;

в-шестых, «совершенствование механизма ограничения власти и контроля над ней». Необходимо, чтобы власть функционировала гласно, как сказано в докладе «при солнечном свете».

На взгляд европейца все эти нововведения в политической системе отнюдь не являются чем-то необычным, они должны быть неотъемлемыми элементами политической системы любого демократического государства. Но для Китая многие из означенных мероприятий выглядят просто революционными, по существу происходит переход от «жесткого» авторитаризма к «мягкому» авторитаризму.

Главной заслугой Мао Цзэдуна в Китае считается *китаизация марксизма* (т.е. соединение общих принципов марксизма с конкретной практикой китайской революции). В первый период своей деятельности (1920-е гг.) он действительно очень часто руководствовался не положениями «классиков» марксизма, с которыми вообще не был знаком либо знал опосредованно через популярные советские учебники, а своей чисто природной интуицией, своим пониманием конкретных социальных условий Китая. Он очень быстро пришел к пониманию того, что в Китае главную революционную силу – в силу своего тяжелого экономического положения – представляет крестьянство, а не рабочий класс. Отсюда выдвижение им лозунга «деревня окружает и штурмует город», т.е. опора на деревню. Это никакой не марксизм, напротив, отступление от него, как бы потом китайская пропаганда ни пыталась представить его творческим развитием марксизма. Ибо марксизм, как известно, с точки зрения его основоположников – это учение о гегемонии пролетариата в революции. Будучи формально руководителем марксистской партии, Мао Цзэдун на деле не был марксистом. Впрочем, от этого его заслуги в победе народной революции

1949 г. не становятся менее значимыми. Невозможно отрицать того факта, что он являлся великим китайским революционером, который сумел освободить КПК от догм классического марксизма и превратить ее в боевую революционную силу.

Что касается Дэн Сяопина, который продолжил линию на китаизацию марксизма, то он постарался приспособить его к изменившимся социально-экономическим условиям как внутри, так и вне страны или, как стали говорить уже позднее, на рубеже двадцатого и двадцать первого столетий – требовал «идти в ногу со временем».

Многие западные аналитики называют китайское общество «капитализмом с китайской спецификой». В сущности по многим экономическим параметрам современный Китай напоминает западное общество. Вместе с тем если вспомнить исторический опыт Советского Союза, то китайская модернизация во многом напоминает новую экономическую политику (что, кстати, признают многие китайские аналитики). В понятиях же марксистской терминологии китайскую модель можно назвать китайским *изданием государственного капитализма*²⁴. В свое время в статье, посвященной четвертой годовщине Октябрьской революции, В.И. Ленин писал следующее: «Мы рассчитывали, поднятые волной энтузиазма, разбудившие народный энтузиазм сначала общеполитический, потом военный, мы рассчитывали осуществить непосредственно на этом энтузиазме столь же великие (как и общеполитические, как и военные) экономические задачи. Мы рассчитывали – или, может быть, вернее будет сказать, мы предполагали без достаточного расчета – непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране. Жизнь показала нашу ошибку. Потребовался ряд переходных ступеней: государственный капитализм и социализм, чтобы *подготовить* – работой долгого ряда лет подготовить – переход к коммунизму. Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете потрудитесь построить сначала прочные мостки, ведущие в мелкокрестьянской стране через государственный капитализм к социализму; иначе вы не подойдете к коммунизму, иначе вы не подведете десятки и десятки миллионов людей к коммунизму. Так сказала нам

жизнь. Так сказал нам объективный ход развития революции»²⁵. Фактически в Китае, осуществляя «социалистическую рыночную экономику», следуют этим словам Ленина. Например, в разделе доклада Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК о распределении доходов декларируется сосуществование многообразных форм распределения, отстаивается господство принципа распределения по труду, указывается на необходимость одновременно учитывать такие элементы производства, «как внесенный труд, капитал, технология, проделанная управленческая работа и т.д.»; говорится также о необходимости «готовить условия для этого, чтобы еще больше людей получало доходы от имущества»²⁶. «Социализм с китайской спецификой» призван решить социально-экономические задачи, нерешенные в стране ранее – в силу фактического отсутствия буржуазии, в их числе главной является создание современной промышленности.

Однако эта задача решается иными способами, чем это делалось в Советском Союзе в 1920 г., ибо пришло время глобализации. Как подчеркивается в докладе Ху Цзиньтао, «многополюризация мира необратима, экономическая глобализация идет по линии углубления, научно-техническая революция ускоренными темпами движется вперед, глобальное и региональное сотрудничество находится в стадии непрерывного роста, взаимозависимость между странами становится все более тесной»²⁷.

3. Человеческий фактор и российское государство

Роль человеческого фактора в существовании любого государства очевидна. Конечно, можно и нужно говорить об объективных условиях, влияющих на жизнеспособность государственных институтов власти в той или иной стране мира – уровне экономического развития, политической стабильности, национальном и конфессиональном согласии, идейном единстве, согласии граждан. Однако эти объективные условия формируются субъективными факторами – людьми, которые заняты в различных сферах жизнедеятельности и которые создают политический, экономический, культурный, идеологический фундамент общества. Человеческий фактор в политике государства включает в себя несколько со-

ставляющих, прежде всего само население страны, которое, естественно, не может не влиять на принятие политических решений. Естественно, что в различных государственных образованиях участие населения в общественной жизни различается, что в огромной степени зависит от многих обстоятельств – исторических, национальных, религиозных и даже географических. Не менее важную, если не большую роль играет политическая элита, именно она через различные каналы оказывает влияние на осознание государством задач тактического и стратегического характера. Наконец, последнее слово всегда остается за лицами, которые по закону или по традиции являются правителями страны, – президентами, премьер-министрами, монархами. Именно их можно назвать главными субъектами политики.

Говоря в связи с этим о России, следует прежде всего иметь в виду, что в течение многих столетий в ней существовал феодально-крепостнический строй. Как бы высоко ни оценивалось защита национальных интересов российского государства лучшими из монархов – Петром Первым и Екатериной Второй, нельзя забывать, что они были не менее лучшими защитниками классов помещиков, что именно при них миллионы крестьян были обращены в феодальное рабство. Поэтому о каком-либо участии крестьян, рабочих, интеллигенции, торгового сословия и даже представителей религиозных конфессий в принятии политических решений не могло быть и речи²⁸.

Положение стало меняться во времена Александра Второго после отмены крепостного права. Значительную роль в выявлении общественного мнения и его публичного выражения стали играть созданные в ходе реформ земства. По историческим и социально-экономическим причинам политическое участие представителей различных сословий России в общественной жизни страны было ограниченным. Данный процесс не мог не быть постепенным, однако радикальные элементы стремились ускорить его, что выливалось в террористические акции на рубеже XIX–XX вв. Процесс демократизации российского общества затормозился. Россия была, пожалуй, единственной ведущей страной, где не было парламента и легальных политических партий²⁹. Естественно, что подобное положение не могло не закончиться революционными событиями, что и произошло в 1905 г.³⁰.

Период 1905–1914 гг. характеризуется противостоянием царского двора, поддерживавшей его бюрократии и представителей различных кругов всего остального общества – торгово-промышленной буржуазии, крестьянства, национальных меньшинств, рабочих, интеллигенции. Властвующая политическая элита страдала отсутствием сколь-нибудь значительных фигур, а если таковые и появлялись (как, например, Витте, Столыпин), их, в конечном счете, убрали из политической жизни. Император Николай Второй оказался бездарным правителем, он не обладал необходимыми интеллектуальными данными для занятия того места в российском обществе, которое он получил по наследству³¹. Императорский двор не прислушивался даже к мнениям тех представителей монархических кругов, которые не могли не видеть кризисную ситуацию, в которой оказалась Россия. Полное банкротство политики российской монархии обнаружилось в период первой мировой войны. Поэтому Февральская революция 1917 г. оказалась неизбежным результатом социально-экономического кризиса, охватившего тогда Россию. В составе той части политической элиты российского общества, которая образовала Временное правительство и местные органы власти, были лица, обладавшие достаточным политическим опытом и высокими профессиональными качествами, однако они не смогли обеспечить продвижение страны по пути необходимых реформ. Причин было несколько, но главные состояли в том, что, во-первых, у них не было стратегии реформирования российского общества, во-вторых, они не осознавали первоочередной важности разрешения земельного вопроса, в-третьих, они не понимали необходимости скорейшего окончания войны.

Поэтому произошедшие в октябре того же 1917 г. революционные события явились результатом очередного кризиса власти. Вопреки официальной советской историографии роль большевиков в обеих революциях 1917 г. преувеличена – в феврале они были настолько малочисленны, что не могли оказать какого-либо существенного влияния на происходившие в стране события, что же касается Октября, то фактически само Временное правительство отдало им власть без какого-либо реального сопротивления.

В период существования Советского Союза человеческий фактор играл чрезвычайно важную роль. Предпринятая большевиками модернизация общества по своим масштабам и темпам

не имела прецедентов в истории России. В подобной ситуации принятие решений тактического и стратегического характера *непрерывно* должно было быть результатом широкого обсуждения в кругах политической элиты. Она состояла тогда из небольшой прослойки профессиональных революционеров и широких слоев управленческих кадров, состоявших преимущественно из бывших рабочих, крестьян и военных низшего звена. В подавляющем большинстве это были люди, не имевшие опыта политического и, что более важно, хозяйственного управления, а также небольшой круг высших руководителей, которые были образованными марксистскими теоретиками, но не более того. Они не имели прочных знаний в области теории и практики экономики. Естественно, что это не могло не отражаться отрицательным образом на характере модернизационных процессов. Положение осложнялось тем, что если в 1920-е гг. к принятию решений привлекалось довольно значительное количество партийных и государственных кадров, то в последующем – в 1930–1940-е гг. двадцатого столетия – круг лиц, отвечавших за решение задач общегосударственного масштаба, постепенно сужался, пока в конце концов не стал прерогативой одного человека – Сталина.

Модернизация Советского Союза требовала, в первую очередь, осуществления индустриализации, превращения из страны преимущественно крестьянской в страну промышленную. В этом вопросе точка зрения политического руководства (в том числе Троцкого и его единомышленников) и партийных кадров была в основном едина, различия состояли в темпах индустриализации. Разногласия возникли, когда встал вопрос о кооперировании в сельском хозяйстве или, как принято говорить в российской историографии, коллективизации. Оппонентами в данном вопросе являлись Сталин и те, кто его поддерживал, с одной стороны, и Бухарин и его группа – с другой. Если первая группа выступала за тотальную и насильственную коллективизацию, то вторая отстаивала принцип постепенного и добровольного перехода к коллективным формам хозяйства. Бухарин и его единомышленники считали, что только тогда, когда идея совместного владения и использования земли овладеет умами крестьянских масс, можно переходить к коллективному ведению сельскохозяйственного производства. Точка зрения Бухарина опиралась на реальное положение дел в сельском хозяй-

стве – в результате осуществления новой экономической политики, предложенной Лениным, 1929-е гг. ознаменовались значительным ростом производства сельскохозяйственной продукции, выросло благосостояние крестьян, многие из них стали середняками.

Однако позиция Бухарина и его единомышленников была охарактеризована как «правый уклон» и отвергнута, началась массовая и поспешная коллективизация³². По справедливому замечанию российского исследователя В.И.Толстых, ссылающегося на Маркса, «для того, чтобы упразднение, “снятие” частной собственности произошло, понадобится – по Марксу – целая историческая эпоха... перехода капитализма в коммунизм. Мы же свели эту вполне разумную и продуктивную идею и в теории, и в практике к простому, буквально понятому изъятию или национализации, проведя обобществление собственности в деревне в виде сплошной коллективизации, объявив на весь мир, что социализм победил окончательно и построен полностью»³³. Коллективизация нанесла непоправимый ущерб российскому крестьянству, практически оно было ликвидировано как класс самостоятельных тружеников³⁴.

В советской историографии была принята точка зрения, что избранная на рубеже 1920–1930-х гг. мобилизационная модель развития Советского Союза была единственно возможной, прежде всего в силу внешних обстоятельств – возможной агрессии со стороны капиталистических государств Запада. Однако, на наш взгляд, данная опасность была явно преувеличена. США переживали в то время «великую депрессию», кроме того, вплоть до Перл-Харбора они придерживались политики невмешательства в дела Европы. Более того, в 1933 г. президент Рузвельт установил дипломатические отношения с Советским Союзом. Германия только начинала выходить из социально-экономического кризиса, вызванного ее поражением в Первой мировой войне; во Франции в 1930-е гг. традиционно были сильны левые настроения, ее правящие круги были заинтересованы в нормальных отношениях с Советским Союзом. Прямая вооруженная конфронтация с СССР не входила и в планы руководства Англии.

Вместе с тем нельзя не заметить, что если действительно существовала угроза Советскому Союзу, то советское общество нуждалось в политической стабильности. Однако вопреки этому Сталин во второй половине 1930-х гг. развязал широкомасштабные ре-

прессии против политических, хозяйственных и военных кадров, что самым серьезным негативным образом сказалось не только на политической стабильности, но и на экономической ситуации в стране. В 1937–1938 гг. имела место подлинная вакханалия в системе государственного управления в различных его звеньях. На смену опытным профессиональным работникам приходили люди, которые не имели достаточного опыта и знаний, им приходилось приобретать необходимую квалификацию в весьма сжатые сроки, ценой невероятных усилий. В годы репрессий многие люди за короткий период времени делали головокружительную карьеру³⁵. Следует отметить также, что в условиях атмосферы подозрительности и доносов на руководящие посты зачастую выдвигались карьеристы, некомпетентные и просто случайные люди, что пагубно сказалось на развитии нашей промышленности и армии в предвоенные годы и в начальный период войны.

Первое время ликвидация норм внутрипартийной и советской демократии, характерных для 1920-х гг., публичности при обсуждении кандидатур в партийные, советские и государственные органы вызывала возражения в партийных массах. Выразителями этих настроений являлись Л.Троцкий, Н.Бухарин, Л.Каменев, Г.Зиновьев, Н.Смирнов, М.Мрачковский и многие другие³⁶. Однако все протестующие рано или поздно были подвергнуты репрессиям. В партии установилось единомыслие в худшем смысле этого слова. Если в период Великой Отечественной войны ограничение внутрипартийной демократии еще как-то можно было объяснить, то после ее окончания, а затем после смерти Сталина оно принципиальным образом противоречило интересам социально-экономического развития страны в тот период. Существовала необходимость не только восстановления разрушенного в годы войны народного хозяйства, но и продолжения модернизации в условиях начавшейся холодной войны. Хрущев ограничился лишь критикой чисто внешних сторон советской системы, однако он не осуществил ее коренной реформы. Система управления и, в частности, подбор кадров в сущности остались прежними – только если раньше решения принимал один человек, то теперь к их принятию был причастен узкий круг высших руководителей, а в начале 1960-х гг. опять-таки один человек. Отсюда субъективизм, постоянные импровизации, непоследовательность.

Казалось бы, что после отстранения Хрущева от власти в партии и стране наконец восторжествовала система обратной связи между руководством партии и государства и населением страны, была усовершенствована система подготовки кадров через партийные школы. Однако так продолжалось недолго; под предлогом политической стабильности был фактически взят курс на несменяемость кадров, что неизбежно вело к их старению, новые идеи в теории и политике, особенно в экономике отвергались. Все это стало причиной возникновения в обществе застойных явлений. Руководство страны находилось в плену утопических представлений о социализме, о чем свидетельствовало выдвижение «идеи развитого социализма». Оно было плохо осведомлено о реальной ситуации в социалистических странах и в мировом сообществе и не могло поэтому адекватно и своевременно реагировать на сложные и противоречивые события в международном политическом процессе. Руководители КПСС имели в своем распоряжении большое количество квалифицированных специалистов по различным областям внутреннего и международного положения страны, работавших в госучреждениях и научно-исследовательских институтах. Однако они не прислушивались к их рекомендациям. В результате – отказ от экономических реформ, замедление темпов научно-технического прогресса, неадекватная реакция на события в Чехословакии (1968 г.), вторжение в Афганистан (1979 г.) и т.д.

Предпринятая Горбачевым перестройка вселила надежды на обновление советского общества, однако они не оправдались. Вместо обновления советского общества в нем возник глубочайший кризис, следствием которого явился распад Советского Союза. У Горбачева и его окружения отсутствовала какая-либо стратегия перестройки, а предпринимаемые по ее осуществлению тактические шаги были непродуманными, хаотичными, бессистемными. В решающей степени это объяснялось действиями самого Горбачева, его личными качествами. Он изначально был не готов к роли руководителя Советского Союза: в течение многих лет он работал на партийной работе в Ставропольском крае, а затем в Москве секретарем ЦК по сельскому хозяйству, находясь в «тени» партийных геронтократов, которые не привлекали его к принятию ответственных по-

литических решений. Он не обладал широким теоретическим и политическим кругозором, не понимал такой тривиальной истины, что не сознание людей определяет их бытие, а что, напротив, бытие людей определяет их сознание. Об этом убедительно свидетельствует тот факт, что перестройку он начал с реформы политической системы, а не с преобразований в экономике. Результатом явилась ликвидация руководящей роли коммунистической партии, которая была системообразующим элементом советского общества. В многонациональном государстве со сложными историческими традициями и серьезными экономическими трудностями КПСС выступала как гарант политической стабильности. У Горбачева была возможность начать перестройку с реализации принятой в 1982 г. Продовольственной программы, в подготовке которой он принимал непосредственное участие. А ведь ее реализация могла бы существенно улучшить положение в сельском хозяйстве, оздоровить ситуацию в экономике и тем самым обеспечить политическую стабильность в стране³⁷. У Горбачева не было и личных качеств, необходимых для руководителя такого масштаба – политической воли, умения быстро реагировать на возникающие проблемы, решительности в отстаивании своей позиции.

Сегодня очевидно, что главным виновником распада Советского Союза является Ельцин, который во всей политической деятельности и в 1980-е, и в последующие годы, когда он был руководителем России, ловко маскировал личные цели под общенациональные, всегда руководствовался в своей деятельности собственными интересами и амбициями. Последствия разрушительной антироссийской политики Ельцина долго будут сказываться на последующей истории России. Говоря о человеческом факторе в период его правления, нельзя не указать, что в своей кадровой политике он прибегал к тем же методам, что и Сталин – массовому «избиению» профессионалов и выдвижению на их места, пользуясь китайской терминологией, «кадровых работников-ракет»³⁸. Подобное явление было массовым³⁹. Не обладавшие необходимым опытом и профессиональными знаниями, они, естественно, не могли должным образом выполнять свои обязанности. Многие лица назначались на должности по принципу личной преданности Ельцину. Хотя кадровая вакханалия и

не сопровождалась кровавыми репрессиями, она во многом напоминала ту, которая имела место в Советском Союзе в конце 1930-х гг. прошлого столетия. Коррупция среди чиновников государственного аппарата, депутатов различного уровня достигла невиданных масштабов. Уровень промышленного и сельскохозяйственного производства упал значительно ниже уровня 1990 г.

На рубеже двадцатого и двадцать первого столетий новое руководство России в конечном счете вынуждено было признать, что к концу 1990-х гг. Россия оказалась в глубочайшем социально-экономическом кризисе. Стали предприниматься определенные меры по выводу страны из него. Однако продуманной стратегии у нового руководства России не оказалось. Вместо необходимой национализации стратегических отраслей промышленности, включая сырьевые, переданных в прежние годы в частные руки, приватизация, напротив, была продолжена. Самый распространенный аргумент сторонников частной формы собственности состоит в том, что она экономически более эффективна, рациональна, чем общественная, государственная, при этом они обычно ссылаются на опыт ведущих стран Запада. Однако, как указывал в свое время Маркс, дело не в форме собственности, а в способах ее управления. Нефтяная промышленность капиталистической Норвегии принадлежит государству, но она работает весьма и весьма эффективно. При этом доходы от добычи распределяются среди всех граждан страны. Разразившийся в последние месяцы глобальный финансово-экономический кризис является убедительным подтверждением слов Маркса. Следует добавить, что меры, предпринимаемые российским правительством для решения проблем, возникающих в ходе нынешнего мирового кризиса, далеко не всегда адекватны. Можно указать в связи с этим на предоставление больших финансовых средств коммерческим частным банкам вместо того, чтобы непосредственно направить их на поддержку реального сектора экономики. Одновременно происходит сокращение расходов на социальные проекты, фактически вся тяжесть кризиса, как это не один раз бывало в России, ложится на плечи рядовых граждан.

Как пишет Михаил Делягин, «из-за глобального финансового кризиса западные банки перестали давать нам в кредит наши же деньги, выведенные из страны Кудриным и Игнатьевым, – и

это многократно усугубило сжатие спроса, вызванное вползанием мировой экономики в депрессию. В результате экономика уже начала, как в водоворот, затягиваться в спираль деградации, в которой вызванное сжатием спроса сокращение производства обуславливает новое сжатие спроса – и новый производственный спад. Именно так развивалась в США Великая депрессия»⁴⁰. По образному выражению М.Делягина, «российское государство переплюнуло В.И.Ленина: тот мечтал когда-то о временах, когда каждая кухарка сможет управлять государством, а мы живем в ситуации, когда почти каждая кухарка управляла бы государством намного лучше нашего нынешнего руководства»⁴¹.

Следует подчеркнуть, что многие беды российского государства на протяжении столетий связаны с тем, что его бюрократия всегда отождествляла себя с ним, не имея на то морального права. В западноевропейских странах государство всего лишь институт управления обществом, а чиновничество является его слугой. Поэтому, пишет В.Л.Иноземцев, «любому нормальному человеку понятно: если успехи слуг превосходят достижения господина, то это повод для стыда, а не для гордости. В России все иначе. Государство здесь веками имело сакральную форму, а его служащие выступали неуязвимой кастой, привилегированным классом, источником влияния которого являлись препоны и сложности, им же и созданные»⁴².

Социально-экономическая ситуация, сложившаяся в настоящее время в России, зависит не только от качества политической элиты, очень многое зависит и от качества населения. Оно длительное время находится в плену социальных иллюзий, поэтому весьма инертно в политической жизни. Но, как пишет российский исследователь В.Пернацкий, «в современной России политическая пассивность и конформизм тоже начинают постепенно перерастать в радикализм и экстремизм. И то, и другое – естественная реакция политически инертного обывателя, обманутого в своих несбывшихся ожиданиях. Если сначала его сознание воспринимает на веру всякий лозунг; всякое обещание, исходящее от более-менее авторитетного источника, то затем на смену ему приходит готовность “свирепо и безрассудно” (по Пушкину) отрицать и громить этот источник»⁴³.

4. Роль человеческого фактора в Китайской Народной Республике

Как уже отмечалось выше, после 1949 г. роль человеческого фактора в политике китайского государства играла чрезвычайно важную роль. Это связано, прежде всего, с именами двух руководителей – Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. Ошибки, совершенные первым в период «большого скачка» и т.н. «культурной революции», не дают оснований для умаления его заслуг в период вооруженной борьбы Китая против Гоминьдана. Мао Цзэдун сумел объединить усилия китайских коммунистов для завоевания власти. Нельзя отрицать его заслуг и в первые годы существования народного Китая. Обо всем этом справедливо говорится в постановлении ЦК КПК об историческом опыте партии, принятом в середине 1981 г.

Трудно переоценить заслуги Дэн Сяопина в осуществлении модернизации страны, начатой в 1978 г. Он не был теоретиком в обычном смысле этого слова, не получил сколько-нибудь систематического образования, если не считать нескольких месяцев учебы в Коммунистическом университете им. Сунь Ятсена в Москве в 1920-х гг. прошлого столетия. Но как показала его деятельность, в сложных условиях развития китайского общества после 1978 г. абстрактные теоретические знания отнюдь не являются главными в биографии политического деятеля – руководителя страны. Главными являются жизненный опыт, природная интуиция, патриотизм, чувство государственности, умение видеть перспективы развития страны, дар организатора, волевой характер. Всеми этими качествами в достаточной степени обладал Дэн Сяопин. За его плечами был многолетний политический опыт: участие в вооруженной борьбе с Японией и Гоминьданом (во время последней он был политкомиссаром одной из четырех полевых армий коммунистов). После 1949 г. Дэн Сяопин постоянно находился на ответственных партийных постах, был Генеральным секретарем партии, членом Политбюро. В конце 1950-х гг. он занимал «левые» позиции, но затем переменял свои взгляды на социально-экономическое развитие страны, стал реалистически оценивать возможности китайской экономики, за что подвергся репрессиям в период «культурной революции».

Таким образом, к моменту начала нового стратегического курса – «политики реформ и открытости» Дэн Сяопин обладал всеми необходимыми качествами выдающегося политического руководителя. К этому необходимо добавить его природную интуицию, умение слушать других; следует подчеркнуть, что принимаемые им решения никогда не были единоличными, они являлись плодом политического творчества большого количества людей, причем не только высших руководителей, но и советников и экспертов. Он умел аккумулировать мнения экспертов, их рекомендации⁴⁴. Естественно, что Дэн Сяопин владел разнообразной информацией о положении в различных областях общественной жизни страны.

Поэтому Дэн Сяопин осознавал необходимость преобразований, и начал он их с либерализации экономических отношений, прежде всего, с восстановления индивидуальных крестьянских хозяйств в аграрном секторе, модернизации хозяйства, создания свободных экономических зон с целью привлечения иностранного капитала и новых технологий. Это объективно вытекало из сложившейся в то время в Китае кризисной ситуации, учитывался также менталитет китайцев, их национальные особенности.

Как человек, сам не получивший систематического образования, Дэн Сяопин понимал, что результат социально-экономических преобразований в конечном счете зависит от уровня профессиональной подготовки тех партийных и государственных работников, которые будут их проводить. В условиях глобализации и вхождения китайской экономики в мировую экономическую систему у них нет права на ошибочные решения, ибо они могут обернуться непоправимым ущербом для китайского государства. Поэтому Дэн Сяопин постоянно подчеркивал необходимость изучения как собственно китайского, так и зарубежного опыта с области управления.

Когда на рубеже 1977–1978 гг. Дэн Сяопин вернулся в число руководителей Китая, он ясно осознавал, что необходимо решительно менять стратегический курс и соответственно тактические меры. Но Дэн Сяопин не пошел по пути, избранному впоследствии российскими реформаторами, – фактически «избиению» прежних советских кадров и замене их более молодыми, которые якобы отвечают требованиям современного момента. На примере «культурной революции» он видел, к чему приводит подобная переориентация кадровой политики. Поэтому его первые шаги состояли

в возвращении на руководящую и низовую работу большинства опытных по возрасту старых кадровых работников, ибо понимал, что они обладают необходимыми профессиональными качествами для реализации задуманной им модели модернизационного развития. Одновременно он понимал, что далеко не все партийные и хозяйственные работники отвечают новым требованиям, осознавал необходимость ротации кадров, но считал, что она должна осуществляться *постепенно*, а не в виде кампанейщины (что мы наблюдали впоследствии на протяжении многих лет в постсоветской России). Дэн Сяопин в отличие от Мао Цзэдуна призывал к бережному отношению к старым кадрам. Он понимал, что при определенной ограниченности их прошлый опыт может быть использован для обновления общества.

Именно по инициативе Дэн Сяопина в начале 1980-х гг. в центре и на местах, при партийных комитетах, были созданы комиссии советников, которые просуществовали примерно пятнадцать лет. Цель их создания заключалась в аккумулировании опыта старых членов партии, обладавших ценными практическими знаниями, которые могли быть использованы в различных областях партийного и государственного строительства. Эти комиссии явились полезным инструментом принятия важных политических решений в период 80–90-х гг. прошлого столетия, когда шел переход страны от плановой к рыночной экономике и когда новое поколение кадровых работников находилось в процессе формирования. Когда комиссии выполнили свою роль, их упразднили⁴⁵.

В Китае существует стройная система подготовки кадров. Она представлена в виде сети партийных школ во всех городах, а в крупных городах и в районах, в которых готовятся не только партийные работники, но и государственные служащие. На уровне городов такие школы имеют две вывески – «партийные» и одновременно «административные школы», называемые институтами, в некоторых местах последние начинают существовать самостоятельно. В Пекине наряду с Центральной партийной школой есть Институт государственных служащих при Госсовете КНР, т.е. при правительстве страны⁴⁶. Центральную партийную школу возглавляет, как правило, второй человек в партии – заместитель генерального секретаря ЦК, хотя формально такой должности не существует. До 2002 г. Центральную партийную школу возглавлял

Ху Цзиньтао. В ней проходят регулярную переподготовку партийные чиновники различного уровня – центрального и местного, работники центральных ведомств, вплоть до министров, ректоров вузов и т.д. Со слушателями ведут занятия не только преподаватели школы, перед ними выступают и высшие руководители страны. Разительный контраст с Академией государственной службы при Президенте Российской Федерации, которая все более утрачивает свое значение как координирующий центр подготовки государственных служащих. Эту функцию начинает выполнять Высшая школа экономики, во главе которой стоит мало известный экономист, кандидат наук Я.И.Кузьминов, а научным руководителем является активный реформатор 1990-х гг. – Е.Г.Ясин.

После окончания своеобразного перехода от периода, занявшего 1980-е и первую половину 1990-х гг., в Китае сложилась система аттестации кадров, в основе которой лежит целый ряд требований идеологического, интеллектуального, нравственного и возрастного характера. Требования, предъявляемые к личности партийного работника и государственного служащего, состоят в следующем: «Во-первых, нужно обладать коммунистическими идеалами, твердо придерживаться правильной политической ориентации и проводить курс строительства социализма с китайской спецификой; во-вторых, стремиться осуществлять на практике основную установку партии на служение народу, иметь тесные связи с массами, отстаивать их интересы; в-третьих, раскрепощать сознание, решать вопросы реально и практически, во всем исходить из действительности, владеть методологией диалектического материализма; в-четвертых, быть образцом в соблюдении дисциплины и законов, быть честным и неподкупным, ... решительно бороться с негативными явлениями коррупции; в-пятых, усердно учиться, ... постоянно накапливать опыт и овладевать профессиональными знаниями»⁴⁷.

Если не считать марксистской фразеологии типа «коммунистического идеала», «диалектического материализма» и т.п., это обычный набор требований, который может быть обращен к государственным служащим любой страны. Однако обращает на себя внимание настойчивое повторение идеи о необходимости творческого, недогматического подхода к возникающим проблемам. Термин «раскрепощение сознания» означает отказ не только от

устаревших методов работы в повседневной деятельности, поиск новых неординарных форм решения практических вопросов, но и решительное отбрасывание устаревших марксистских догм.

В китайских документах идеологического характера постоянно подчеркивается, что необходимо соединять теорию с практикой, «искать истину в фактах», не опираться только на знания, почерпнутые из книг. Борьба с догматизмом – в центре внимания китайского руководства. Одновременно подчеркивается необходимость борьбы с бюрократизмом, злоупотреблениями власти, кадры должны выдвигаться, исходя из их реальных способностей, не должны допускаться злоупотребления при назначении на должности. Следует подчеркнуть, что китайское руководство тщательно подходит к отбору на все должности, особенно высшие, чтобы обеспечить преемственность политики, ее предсказуемость. В высшие эшелоны власти рекрутируются и т.н. «принцы» – сыновья прежних членов руководства. В настоящее время в составе Политбюро ЦК КПК таких двое – нынешний первый секретарь города центрального подчинения Чунцина Бо Силай, сын ветерана КПК Бо Ибо и заместитель председателя КНР Си Чжунпин – сын другого ветерана Си Чжунсюня. Последнего прочат на место будущего преемника Ху Цзиньтао. В настоящее время в Китае сложилась следующая система смены высшего руководства: срок работы каждого нового поколения – два срока по пять лет, т.е. всего десять лет. Раньше такого временного ограничения не существовало, что вполне объяснимо, поскольку тогда существовали другие политические условия и другая социально-экономическая ситуация в стране. Цзян Цзэминь, к примеру находился на высшей партийной и государственной должности 13 лет, но он занял ее после трагических событий июня 1989 г. По официальной китайской терминологии сейчас у власти находится четвертое поколение китайских руководителей (первое возглавлял Мао Цзэдун, второе – Дэн Сяопин, третье – Цзян Цзэминь).

Следует отметить, что подбор кадровых работников зависит не только от профессиональных качеств кандидатов, учитывается также и их возраст. Китайское руководство заинтересовано в выдвигании на руководящую работу молодых людей, однако оно не проводит политику искусственного омоложения, ибо понимает, что возраст не может восполнить отсутствие необходимого профессионализма. В настоящее время возрастная структура кадровой

системы в Китае выглядит следующим образом: кадры высшего звена – члены Политбюро и министры в пределах 50–70 лет, члены ЦК, первые секретари провинциальных комитетов, работники среднего звена министерств и ведомств – в пределах 40–60 лет, работники низшего звена – в пределах 30–40 лет. Те кадровые работники, которые по достижении установленного для определенной категории предельного возраста не показали профессиональных качеств, необходимых для перехода в следующую категорию, уже обречены все оставшееся до выхода на пенсию время занимать одну и ту же должность⁴⁸.

Вот уже в течение более десяти лет в Китае практикуется открытая конкурсная система для занятия государственных должностей. Суть ее состоит в том, что по мере необходимости в местных газетах публикуется информация о вакантных местах в государственных учреждениях, и любой отвечающий установленным требованиям кандидат имеет право принять участие в конкурсе на занятие этих должностей.

Борьба с коррупцией среди чиновников является в Китае национальным приоритетом. За 2003–2007 гг. за коррупционные преступления осуждены около 47 тысяч бюрократов местного уровня и более 3,5 тысячи чиновников на уровне регионов и в центральных министерствах. Около тысячи человек были приговорены к расстрелу, более 11 тысяч – к тюремному заключению на срок от 10 лет⁴⁹.

Заслугой китайского руководства является создание концепции «социализма с китайской спецификой». До ее появления в марксистской литературе существовало однотипное представление о переходном периоде от капитализма к социализму и коммунизму. Он сводился, прежде всего, к тотальному обобществлению средств производства в городе и деревне. Подобное представление было навеяно идеями классиков о грядущей мировой революции. Маркс и Энгельс мыслили ее начало в странах развитого капитализма. Однако действительность опрокинула их расчеты – социалистические революции произошли в России, Китае, т.е. в менее развитых в социально-экономическом отношении странах. Ленин, в конечном счете, пришел к выводу, что в этих условиях нужен целый исторический период, именно поэтому он провозгласил новую экономическую политику. Однако в конце 1920-х гг. Сталин прекратил ее осуществление.

В конце 70-х гг. прошлого столетия китайское руководство, провозгласив «политику реформ и открытости», по существу вернулось к новой экономической политике, обогатив ее новыми специфически китайскими элементами – легализацией частной собственности, масштабным привлечением иностранного капитала, созданием специальных экономических зон с преференциями для работающих здесь предприятий. Важно отметить, что, учитывая стартовый уровень своей экономики к началу политики реформ, китайское руководство не ограничивает ее продолжительность во времени, говорится не об одном десятилетии жизни нескольких поколений. В этом отличие китайских реформ от замысла Ленина, который ограничивал осуществление новой экономической политики достаточно коротким периодом.

Поскольку проводимые в Китае реформы рассчитаны на длительную перспективу, то естественно, что в процессе их проведения неизбежно возникает большое количество противоречивых явлений, сложных проблем, с которыми не приходилось сталкиваться в прошлом ни одной стране мира, вставшей на путь строительства социализма. Но китайское руководство вплоть до настоящего времени успешно их решает. Одной из таких проблем является проблема – как примирить, согласовать социалистические идеалы, верность которым постоянно провозглашается, с растущим влиянием национальной буржуазии, возникшей в ходе реформ. Именно боязнь владельцев частных предприятий, презрительно называвшихся нэпманами, явилась одной из причин свертывания в Советском Союзе новой экономической политики. Для нейтрализации негативного влияния капиталистических элементов китайское руководство избрало оригинальный способ – оно решило допустить их представителей в коммунистическую партию Китая. Видимо, оно решило осуществлять над ними политической и идеологический контроль, чем позволять им находиться в автономном политическом плавании. Выступая в 2001 г. на торжественном заседании, посвященном 80-летию компартии, тогдашний генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь обратил внимание на изменения в социальной структуре китайского общества, в котором появились новые социальные слои – «предприниматели и технический персонал научно-технических предприятий негосударственной собственности, управленческий и

технический персонал компаний с иностранным капиталом, индивидуальные предприниматели, хозяева частных предприятий, сотрудники посреднических структур, лица свободных профессий»⁵⁰. Далее он сделал важное заявление: «Нельзя упрощенно брать за критерий наличие состояния или его размеры у конкретного человека, чтобы говорить о нем как о передовом или отсталом в политическом отношении. В качестве такого критерия необходимо рассматривать идейно-политическую зрелость, а также то, какими способами человек нажил богатство, как оно используется и какой вклад вносит этот человек в строительство социализма с китайской спецификой»⁵¹.

Собственно говоря, участие в работе коммунистической партии представителей класса капиталистов или просто сочувствие коммунистической идеологии – не новость в мировой истории. Так было и в Германии, и в России. Другое дело, что подобные явления не носили такого характера как в Китае, где это стало официальной политикой властей. Однако подобный подход не привел к изменению социальной природы коммунистической партии, как этого опасались в самом Китае и за его пределами. Во-первых, «новые китайцы», как правило, являются рядовыми членами партии, они не представлены в ее органах ни на местах, ни тем более в центре⁵²; во-вторых, не следует забывать о том, что большинству китайцев независимо от их социального статуса присуще сильное чувство этнической общности, осознание своей принадлежности к стране с многовековой историей и культурой.

Все возрастающую роль в политической системе Китая играют т.н. демократические партии (их всего восемь), их общая численность – около 600 тысяч человек, что неизмеримо меньше количества членов коммунистической партии Китая – свыше 70 млн. Тем не менее их члены в той или иной степени участвуют в обсуждении общегосударственных проблем. Китайское руководство сознательно поступает таким образом, поскольку члены этих партий представляют те спектры общественного мнения, которые не охватываются прямым влиянием коммунистической партии. В последние годы представители демократических партий стали шире привлекаться на государственную службу. Естественно, что компартия держит их деятельность под своим контролем, одновременно не допускает появления каких-либо

действительно оппозиционных организаций, хотя такие попытки постоянно имеют место, чего объективно трудно избежать в многомиллионной стране.

Конечно, политическая стабильность в китайском обществе, экономические достижения страны зависят не только от уровня государственного руководства. Очень многое зависит от *качества* самой китайской нации. В последние годы об этом очень много говорят в Китае, как в средствах массовой информации, так и в научных кругах. «Сучжи» – природные качества китайцев, включающие в себя удивительное трудолюбие, умение выживать в трудных условиях, способность быстро приспосабливаться к незнакомому национальному окружению, этническая сплоченность (о чем мы уже говорили выше), бытовая неприхотливость, делают китайский этнос жизнеспособным, готовым к любым жертвам во имя целей, судящих выгоды в будущем. Подобные качества, несомненно, способствуют успешному осуществлению модернизации китайского общества, *происходит органическое соединение* продуманной политики руководства и национальных черт характера.

В российских средствах массовой информации, в российском обществе вообще бытует мнение, что успех модернизационного процесса в Китае чуть ли не определяется национальным менталитетом китайского населения, что русские, в более широком смысле россияне, по своей природе, по своим качествам не способны к решению задач обновления, реформирования страны, ибо они более консервативны, менее трудолюбивы и дисциплинированы, склонны к пьянству и т.п. На первый взгляд здесь есть свой резон. Однако только на первый взгляд. Главная причина неудач реформирования постсоветского общества *состоит не в качестве населения, а в качестве политического руководства*. В Китае политическое руководство в течение последних тридцати лет, образно говоря, держит руку на пульсе страны, внимательно следит за настроениями в различных слоях общества и поэтому в состоянии адекватно реагировать на возникающие социальные проблемы. Проиллюстрируем это на нескольких примерах.

Первый. В конце 1980-х гг. в деревнях стало стихийно возникать индивидуальное сельское хозяйство, которое оказалось намного эффективнее, чем существовавшие тогда народные коммуны. Осознав данное обстоятельство, руководство КПК пошло

на такой шаг, как изменение производственных отношений в сельском хозяйстве – введение системы подряда, при котором крестьянин получил возможность самостоятельно распоряжаться результатами своего труда.

Второй. События на площади Тяньаньмэнь в мае–июне 1989 г. Как известно, в это время она была центром демократического движения студентов, лозунги которого о борьбе с коррупцией и бюрократизмом были естественно справедливы. В то же время нельзя не отметить, что лидеры этого движения имели связи с представителями западных средств массовой информации, а через них с политической элитой Запада. Последняя была заинтересована в выгодном для нее развитии событий. Однако быстрая политическая демократизация Китая, на чем она настаивала, должна была неизбежно привести к хаосу, дезинтеграции и, в конечном счете, к гражданской войне и развалу страны. Поэтому китайские власти для подавления движения студентов были вынуждены применить вооруженную силу, что привело к жертвам среди его участников. Однако такой финал событий был предпочтительнее, нежели такой, который ожидал страну в случае непринятия решительных мер к этому движению.

Третий. Политика реформ привела к росту доходов крестьян во многих регионах Китая, особенно на юге и востоке страны. В то же время из-за изъятия земель сельскохозяйственного назначения под промышленное и культурное строительство произошло обезземеливание значительной части крестьянства. Кроме того, в течение продолжительного времени оно испытывало налоговый гнет и поборы со стороны местных властей. Все это не могло не вызывать естественного недовольства крестьян, что выражалось в протестном движении с их стороны. Учитывая данное обстоятельство, четвертое поколение китайских руководителей пошло на такие меры, как прекращение взимания налогов с крестьян в течение пяти лет и введение бесплатного образования в сельских школах.

Конечно, не следует идеализировать социально-экономическую ситуацию, существующую в Китайской Народной Республике. В стране имеет место значительное имущественное расслоение – от реформ выиграли далеко не все члены общества; существует большая армия безработных и полубезработных; значительное число чиновников подвержено коррупции; налицо разрыв в уровне развития регионов;

до сих пор не преодолены явления сепаратизма в национальных окраинах и т.д. Однако все эти явления буквально меркнут на фоне впечатляющих экономических достижений Китая, и это нельзя объяснить только менталитетом китайской нации и дешевизной китайской рабочей силы, как это часто делают в России и других странах мира.

Самая важная причина заключается в *правильности стратегического курса развития китайского государства*. Не в последнюю очередь это объясняется тем, что он вырабатывается в процессе консультаций с представителями различных слоев общества, и прежде всего с учеными. При правительстве существует под скромным названием «Центр изучения развития» специальное Министерство стратегического анализа, где работает несколько десятков высококвалифицированных специалистов по различным отраслям общественности, прежде всего экономики. Такие же центры есть в провинциях и крупных городах. Кроме того, в партийных органах, министерствах и ведомствах существуют свои аналитические центры. Представляемые ими в соответствующие органы материалы относительно различных аспектов социально-экономической ситуации в стране, провинции, городе не «кладутся под сукно», а внимательно изучаются теми руководящими работниками, которым они направляются.

Другое важное обстоятельство, о котором стоит напомнить, – высшее руководство государства регулярно, раз в месяц собирается на специальные семинары, где с докладами по актуальным теоретическим и политическим проблемам выступают представители научной общественности. Данный факт свидетельствует о многом, прежде всего о том, что руководство Китая не замыкается в своем узком кругу, не стесняется выслушивать мнения людей, стоящих значительно ниже их на социальной лестнице. Тем самым оно подает хороший пример руководителям всех уровней, который в условиях политического режима, существующего в стране, не может не восприниматься как прямое указание – о необходимости постоянной учебы, повышения уровня своих знаний, расширения своего кругозора. Разительный контраст с современной Россией, где руководители всех уровней слушают только самих себя!

Следует подчеркнуть, что Китай практикует контакты с ведущими государствами мира по различным каналам, не ограничиваясь лишь связями с деятелями коммунистических партий. Его

представители участвуют в мероприятиях, проводимых организациями разной политической и идеологической ориентации (исключая естественно явно антикоммунистические), кроме того, в страну приглашается широкий круг ученых и политиков из многих стран мира, одновременно на китайский язык переводятся труды наиболее видных представителей мировой мысли по различным отраслям общественности, что позволяет ученым и политикам Китая быть в курсе всех идейных новаций.

Результатом продуманной стратегии развития явилось превращение Китая в третье государство мира по своему валовому продукту. Мировой финансово-экономический кризис нанес большой ущерб китайской экономике (значительно сократился экспорт, что привело к закрытию ряда производств и увеличению числа безработных), тем не менее Китай пострадал меньше, чем США, страны Западной Европы и тем более Россия.

По данным Всемирного банка ВВП России в 2009 г. упадет на 4,5 %, в 2010 г. роста также не ожидается. Между тем в среднем в двадцати ведущих странах падение составит лишь 1 %. По всем важнейшим показателям Россия оказалась последней из стран «двадцатки». По данным экспертов Всемирного банка, отток капитала из России в 2009 г. достигнет \$ 170 млрд., тогда как российское правительство заявляет, что лишь \$ 83 млрд. «Число бедных увеличилось примерно на 1,1 млн. человек в 2008 г. и вырастет еще на 4,7 млн. человек в 2009 г.», – говорится в отчете Всемирного банка. Уровень бедности достигнет 15,5 %, что на 2,8 % выше докризисного уровня, безработица увеличится до 12 %, инфляция составит 11–13 % за год. По мнению директора Всемирного банка по России Клауса Роланда, средств на социальную поддержку граждан в условиях кризиса России тратит меньше, чем другие страны. И что еще существеннее – меньше, чем позволяет российский бюджет. Предлагаемый России социальный пакет Всемирный банк предлагает увеличить детские пособия в 2,5 раза, минимальные пенсии повысить на 20 %, пособие по безработице – на 70 %⁵³.

Что касается китайской экономики, то здесь положение совершенно иное. Как справедливо пишет ведущий российский эксперт по Китаю Я.М.Бергер: «растущая вовлеченность Китая в глобальную экономику и политику приносит ему немалые дивиденды. Китай получил широкий доступ к мировым рынкам сбыта това-

ров и услуг, к источникам сырья и энергии, к новым технологиям и современному управленческому опыту, к принятию важных для его развития решений в международных организациях. Вместе с тем неуклонно возрастает и зависимость страны от общемировых процессов, колебаний конъюнктуры и даже катаклизмов. Нынешний глобальный финансово-экономический кризис показал это с полной наглядностью»⁵⁴. Поэтому, развивая рыночную экономику, Китай стремится сохранять в руках государства достаточно мощные рычаги макрорегулирования, помогающие ему справляться с кризисами.

За годы реформ общественное богатство Китая многократно возросло. Объем ВВП увеличился с 362,4 млрд. юаней в 1978 г. до 24,9 трлн. юаней в 2007 г. Существенно повысились в абсолютных цифрах и доходы населения.

Сегодня, как и в 1997–1998 гг., инвестиции направляются, прежде всего, в капитальное строительство, но теперь сфера их приложения расширилась. Антикризисные меры, принимаемые руководством Китая, состоят в следующем: направление инвестиций в капитальное строительство, а также в здравоохранение, культуру и образование, на защиту окружающей среды, инновации, восстановление районов, пострадавших от землетрясения, на повышение доходов городского и сельского населения и проведение налоговой реформы.

Одновременно с 2009 г. начинается широкомасштабное снижение налоговой нагрузки на предприятия. Далее, для расширения внутреннего спроса важное место отводится увеличению доходов населения. Прежде всего имеются в виду группы населения с низкими доходами: здесь речь идет, во-первых, об обеспечении прожиточного минимума; во-вторых, повышении уровня пенсионного обеспечения; в-третьих, поддержки населения, пострадавшего от стихийных бедствий. По мнению многих китайских экспертов, среднегодовой экономический рост за 2009 г. может составить 8–9 %.

По мнению Я.М.Бергера, «в целом после ликвидации негативных последствий кризиса в мировом и национальном масштабе благоприятные возможности Китая для продолжения успешного экономического роста могут быть относительно быстро восстановлены и еще более укреплены. Тем самым продолжится его восхождение к вершине мировой финансово-экономической системы. От этого может выиграть и сама система, став более устойчивой,

более разносторонней и сбалансированной, менее зависимой от катаклизмов в какой-то одной ее части, сколько бы важной и даже доминирующей она ни была»⁵⁵.

Сравнивая развитие России и Китая за последние десятилетия, нельзя не сделать очевидного вывода: неудачи реформ в России и их успеха в Китае зависят от человеческого фактора – от наличия или отсутствия в руководстве каждой из стран компетентных, профессиональных политиков, обладающих необходимым опытом, знаниями и четко продуманной стратегии модернизации страны.

Примечания

- ¹ В начале 1990-х гг. представители республики Якутия-Саха приезжали в Пекин с предложением установить дипломатические отношения между этой республикой и КНР.
- ² Так, например, власти Адыгеи явочным порядком приняли решение, согласно которому русскоязычное население, составлявшее более 2/3 от общей численности населения, имели такое же количество мест в местном парламенте, как и адыги.
- ³ Неблаговидную роль в принятии данного решения сыграл тогдашний председатель Верховного Совета РСФСР Р.Хасбулатов.
- ⁴ В начале 1990-х гг. в Грозном были убиты ректор университета (еврей по национальности) и журналист «Комсомольской правды» (армянин по национальности).
- ⁵ В подготовке этих соглашений принимали участие генерал А.Лебедь и нынешний омбудсмен В.Лукин.
- ⁶ Свободная мысль. 2005. № 2. С. 122.
- ⁷ *Коэн С.Ф.* Провал крестового похода США и трагедия коммунистической России. М., 2001. С. 173.
- ⁸ *Хорев Б.С.* Прогресс СССР и регресс буржуазной России: Сравнит. сопоставления на мировом фоне. М., 2001. С. 11–12.
- ⁹ См.: Свободная мысль. 2009. № 1. С. 35.
- ¹⁰ Свободная мысль. 2005. № 9. С. 86.
- ¹¹ Там же. С. 88.
- ¹² Свободная мысль. 2005. № 2. С. 79.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 86.
- ¹⁵ В окрестностях Гуанчжоу на площади в 22 гектара вырос целый университетский городок, куда переведены 10 ведущих вузов города.
- ¹⁶ По моим личным впечатлениям, преподаватели старшего возраста, большинство преподавателей среднего возраста обеспечены вполне приличным жильем, некоторые из них в последние годы приобрели в личное пользование автомобили.
- ¹⁷ В Шанхае и других городах есть трехъярусные транспортные развязки.

- 18 В частности, в Шанхае на центральной площади города построен прекрасный Большой театр, где выступают лучшие музыкальные коллективы мира, в частности, в нем выступал Мариинский театр из Санкт-Петербурга. В Пекине на центральной площади Тяньаньмэнь по проекту иностранного архитектора также построено здание своего Большого театра.
- 19 Кстати сказать, существовавшие во Вьетнаме национальные районы в 1960-х гг. прошлого столетия были ликвидированы, по-видимому из-за угрозы сепаратизма.
- 20 В настоящее время брак монголки или монгола с представителем китайской нации считается у них престижным.
- 21 По-настоящему широко образованных людей, тем более стремящихся к переменам в тибетском обществе было очень и очень мало; в 1980-е гг. прошлого столетия я встретил в Пекине лишь одного тибетского марксиста, вступившего в КПК до 1949 г. Он был переводчиком на тибетский язык «Манифеста Коммунистической партии».
- 22 См.: Жэньминь жибао он-лайн. 25.10.2007. С. 48.
- 23 Там же.
- 24 Подобной точки зрения придерживаются и некоторые китайские ученые, хотя открыто ее и не высказывают.
- 25 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 152.
- 26 См.: Жэньминь жибао он-лайн, 25.10.2007. С. 35.
- 27 См.: Там же. С. 42.
- 28 Достаточно вспомнить упразднение при Петре Первом такого религиозного института как патриаршество, и трагическую судьбу писателя Радищева при Екатерине Второй.
- 29 Созданная нелегально в 1898 г. Российская социал-демократическая партия была малочисленной и не играла сколь-нибудь существенной роли.
- 30 Их началом по праву считается «Кровавое воскресенье», когда 9 января 1905 г. была расстреляна мирная демонстрация рабочих. Интересно заметить, что в 2005 г. столетняя годовщина этого события была сознательно «не замечена» ни официальной властью, ни средствами массовой информации.
- 31 Убийство Николая Второго и его семьи без суда и следствия в Екатеринбурге в 1918 г. не дает оснований для реабилитации последнего российского монарха как государственного деятеля.
- 32 Все перипетии коллективизации, ее подоплека и последствия прекрасно описаны в романе представителя почвеннической традиции в современной русской литературе Василия Белова «Год великого перелома».
- 33 *Толстых В.* Советский человек как он есть. М., 2008. С. 64.
- 34 В начале 80-х гг. прошлого столетия в период структурных преобразований в китайском аграрном секторе тамошние ученые не случайно обратились к теоретическому наследию Бухарина. Они пытались найти в нем подтверждение правильности избранного КПК курса.
- 35 Яркие тому примеры – А.Н.Косыгин, который за два года прошел путь от рядового инженера до заместителя председателя Совета Министров РСФСР, Л.И.Брежнев – за короткий период из зам. председателя райисполкома города стал секретарем обкома партии.

- 36 Нельзя не упомянуть и о Митрофане Рютине, кандидате в члены ЦК, секретаре одного из райкомов г. Москвы, который вместе с группой своих единомышленников прямо обвинил Сталина в отходе от ленинских принципов внутрипартийной демократии и установлении режима личной власти.
- 37 Самое удивительное состоит в том, что во время своего нахождения у власти Горбачев ни разу не вспомнил об этой программе.
- 38 «Кадровые работники-ракеты» – прозвище выдвиненцев «культурной революции» (1966–1976), сделавших во время ее головокружительную карьеру – в течение короткого времени прошедших путь от рядовых служащих до высших постов в коммунистической партии и государства.
- 39 Достаточно назвать имена зятя Ельцина Окулова, ставшего генеральным директором «Аэрофлота», научных сотрудников Шелова-Коведяева, Кунадзе, Лукина, Попова, Мурашева, ставших соответственно двумя заместителями министров иностранных дел, послом в США, мэром Москвы и начальником московской милиции.
- 40 Свободная мысль. 2005. № 2. С. 24.
- 41 Там же. С. 26.
- 42 Свободная мысль. 2008. № 10. С. 63.
- 43 Свободная мысль. 2008. № 9. С. 92–93.
- 44 Один из его помощников рассказывал автору статьи, что Дэн Сяопин как никто другой умел использовать мнения и опыт других людей при решении конкретных проблем китайского общества на различных этапах его развития.
- 45 Комиссии советников играли также и другую важную роль: их члены, ветераны партии, многие из которых были подвергнуты критике во времена «культурной революции», чувствовали себя сопричастными к судьбам страны.
- 46 Его ректор – член Госсовета, т.е. правительства страны.
- 47 Теория Цзян Цзэминя о социализме с китайской спецификой. Пекин, 2002. С. 508 (на кит. яз.).
- 48 Тот же самый порядок существует и в отношении профессорско-преподавательского состава: предельный возраст для профессора и доцента 60 лет, профессор, имеющий докторантов, может работать до 65 лет, только небольшое количество профессоров, имеющих всекитайскую или мировую известность, могут работать до 70 лет и лишь немногие профессора первого разряда имеют право работать пожизненно (всего у профессоров существует четыре разряда).
- 49 См.: Свободная мысль. 2008. № 10. С. 65.
- 50 *Цзян Цзэминь*. Избр. соч. Пекин. Т. III. С. 20 (на кит. яз.).
- 51 Там же.
- 52 Скорее их можно увидеть среди представителей «старых китайцев» – тех членов партийных органов, которые связаны с бизнесом через своих родственников.
- 53 Советская Россия. 2.04.2009.
- 54 Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 1. С. 31.
- 55 Там же. С. 43–44.

ЧЕЛОВЕК И СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

1. Генезис и развитие гуманитарного императива

Утверждения философов древности о том, что «человек – мера всех вещей» и что «все добро и зло исходят от человека», на пороге нового XXI столетия не утратили глубины своего содержания и приобрели еще большую актуальность и универсальность. Это связано с качественными изменениями в социальной реальности XX в.

Социальная реальность функционирует не по абсолютным законам, а по законам человеческой деятельности. Вне социальных действий человека нет и не может быть никакой социальной реальности. Человек создает социальную реальность и социализирует естественную природу, воздействуя на нее и изменяя ее.

Всё бесконечное многообразие явлений и процессов социального мира сводится к четырем основным видам взаимодействия: экономическому, социальному, политическому и духовно-нравственному. В совокупности все основные виды взаимодействия составляют то, что в социологии и обозначается понятием *социальная реальность*. Социальная реальность выступает на двух уровнях – глобальном и национальном.

Общество может ставить перед собой разные цели, добиваться их осуществления и сознательно конструировать социальную реальность как в глобальном, так и национальном масштабах, которая должна развиваться по законам добра, а не зла, по законам совершенствования человека, а не его психической и физической деградации.

На протяжении всей истории социальной жизни складывались различные основополагающие для каждой эпохи гуманистические императивы, связанные с пониманием человека, его отношения к самому себе и окружающей действительности.

В эпоху Просвещения вошло в обращение понятие «культура». Культура непосредственно связана с нравственным императивом. Нравственный императив по мере развития цивилизации все более обретал черты светскости, являясь следствием осознанной работы человека по самосовершенствованию. В XVIII в. понятие «культура» приобрело смысл – уровень развития духовных и практических навыков различных народов. Тогда же представитель немецкого Просвещения И.Гердер одним из первых ставит вопрос о том, «... в каких чертах следует усматривать культурность? Способствует ли культура счастью людей?»¹.

Осмысление данного социального явления имело место уже в древних цивилизациях. Например, древние греки проводили различие между «воспитанностью» греков и «дикостью» варваров, тем самым определяя особенности культуры различных народов. Философы античности сопоставляли «природное» и «нравственное».

В средние века в европейской философии сложился комплекс идей, породивших понятие «цивилизация», тесно связанное с культурой.

Прошло два столетия неустанных философских и эстетических поисков, однако и в XX, и в XXI в. ни одно понятие общественных наук не вызывало и не вызывает такого расхождения во взглядах и многообразия суждений, как понятие «культура» и связанный с нею комплекс *идейно-нравственных императивов*.

Пристальным вниманием к проблемам культуры характеризуются взгляды философов XX в. С 1871-го по 1919 г. было дано семь определений культуры, с 1920-го по 1950 г. появилось еще 150. В настоящее время насчитывают от 500 до 1000 определений. Это свидетельствует о том, что круг явлений, охватываемых этим понятием, чрезвычайно широк.

В XX в. возникает убеждение, что культура всесильна. По мнению Николая Бердяева, «... не в политике, не в экономике, а в культуре осуществляются цели общества»². Такому убеждению способствуют те черты культуры, которые признаются большинством современных исследователей. Рассмотрим наиболее важные из них.

Во-первых, культура есть явление социальное. Она не существует «вне человека», следовательно, не может существовать «вне общества». «Культура есть неотвратимый путь человека и человечества. Нельзя миновать его»³.

Во-вторых, культура – это уровень самосознания общества в определенный период человеческой истории. С этой точки зрения культура – исторический процесс, т.е. совокупность постоянно изменяющихся явлений.

В-третьих, культура – процесс творческий. «Вся история человеческой культуры есть цепь последовательных открытий человека»⁴. Человек творит культуру, культура создает человека.

В-четвертых, культура общества в определенный исторический период представляет собой многоуровневую систему. Это накопленные обществом материальные, духовные ценности и «живая» человеческая деятельность, опирающаяся на оставленное наследие и передающая его новым поколениям.

В-пятых, культура по своей сути диалогична. Она предполагает понимание и освоение феноменов культуры. На этой основе происходит включение в культурный процесс потребителей культуры – народных масс и разных социальных групп. Свободным человека делает профессиональная культура.

Естественная реальность, в отличие от социальной реальности, дана человеку как факт и существует независимо от его воли и сознания. Законы этой реальности, которые изучают и познают естественные науки, не зависят от воли человека. Законы остаются таковыми даже тогда, когда деятельность человека (антропогенный фактор) вступает в противоречие с ними, нарушает и разрушает баланс природы.

Социальная реальность (общество) в ее самых различных разновидностях – результат социальной деятельности человека. В обществе действует большое количество социальных сил, каждая из которых преследует реализацию своих собственных интересов и целей. В результате противоборства этих сил складывается социальная реальность, или реальность общества, к которой осознанно никто не стремился и которую никто не хотел. Будучи раз создана, эта реальность начинает функционировать и развиваться (как в положительном, так и отрицательном смыслах) по своим собственным объективным законам, начинает оказывать определяющее воздействие

на характер и содержание социального поведения не только отдельных индивидов, но и их объединений. Все позитивное и негативное, что имеет место в данном обществе (патриотизм и предательство, преступность и наркомания и т.д.), – результат социальных действий личностей, объединенных в социальные группы. При условии качественного изменения социальной реальности законы, определявшие ее существование как таковой, утрачивают силу и перестают действовать. Осуществляется переход к новой социальной реальности.

Человек самостоятельно создает свою социальную реальность, продуктом которой он сам впоследствии становится. Социальная реальность – это объективизация субъективной деятельности человека. В современную эпоху, на рубеже XX и XXI вв., сложилась принципиально новая социальная реальность.

2. Угрозы и риски современной цивилизации

Новая социальная реальность породила ряд негативных социальных и экономических явлений, наличие которых науки об обществе не могут обойти молчанием.

Истощение запасов сырья и усиление парникового эффекта. Происходит разительное расслоение стран и регионов по количеству потребляемого сырья. Например, потребление нефти на одного человека Земли составляет 554 кг в год. При этом в США на каждого человека приходится около 2614 кг, в Канаде – 2415 кг, Заире – 210 кг, в Индии – 62 кг, а в Эфиопии – 14 кг; 43 % добываемых редких металлов расходуется в Японии, 36 % – в США. Если бы 90 % населения Земли приблизились по уровню потребления к США, то добычу сырья на планете пришлось бы увеличить в сотни раз, и весь сырьевой ресурс Земли был бы исчерпан в течение двух-трех десятилетий.

Помимо данной тенденции возникли и стремительно обостряются глобальные проблемы, среди которых первоочередное значение имеют:

- прогнозируемое истощение природных ресурсов нефти как источника наиболее технологичного вида жидких углеводородных энергоносителей для топливной энергетики и транспорта, усложнение горно-геологических условий добычи нефти;

- нарастание накопления в атмосфере продуктов сгорания топлива – «парниковых» газов, выбрасываемых растущей энергетикой, промышленностью и транспортом.
- развивающиеся страны никогда не достигнут в сложившихся условиях уровня развитых стран. Предел их развития ограничен наличием сырьевых ресурсов.

Вышеперечисленные проблемы поставили человечество перед жизненной необходимостью их решения на основе научных разработок и достижений. Главную роль в их решении отводят науке. Рассмотрим только одну проблему – в частности, неординарные идеи академика РАН Б.И.Каторгина предполагают комплексное и кардинальное решение проблемы утилизации парниковых газов⁵.

В ходе реализации программы, разработанной российским ученым и его сотрудниками, становится возможным эффект восстановления запасов невозобновляемого природного ресурса – жидких углеводородов за счет возврата тупиковой техногенной эмиссии «парниковых» газов из атмосферы в круговорот углерода, обеспечивая при этом будущую сырьевую базу промышленности.

*Возвращение болезней социального неблагополучия*⁶. Высокие концентрации загрязняющих веществ в окружающей среде привели к появлению «экологических заболеваний». Это химическая астма; киришский синдром (тяжелая аллергия, связанная с выбросами от производства белково-витаминных концентратов); синдром тиккеров, который развивается у детей в зонах нефтеперерабатывающей промышленности; общая иммунная депрессия при интоксикации тяжелыми металлами, диоксинами и др.; болезнь Юшо, связанная с действием на организм полихлорированных бифенилов. На Урале появилось заболевание, получившее название «картофельной болезни» (симптом «хлюпающей стопы»); в Алтайском крае обнаружено заболевание, которое называли «желтые дети».

Рост и характер заболеваемости в России инфекционными болезнями обусловлен рядом причин.

Во-первых, в последние 10–15 лет осложняется эпидемиологическая ситуация и возрастает опасность распространения «классических» инфекций, называемых «возвращающимися, или вновь возникающими». Например, стремительный рост заболеваемости туберкулезом. За последние десятилетия на территории Московской области увеличились показатели по инфекционным

и паразитарным болезням, а также по социально значимым заболеваниям (гемоконтактные гепатиты, гепатит В, туберкулез, ВИЧ-инфекция).

Во-вторых, причинами инфекций являются так называемые «отложенные проблемы». Невозможность или нежелание, халатность или непонимание, отсутствие средств или технологий и т.д., через некоторое время приводят к заболеваниям.

В-третьих, официальная статистика в России регистрирует лишь часть опасных инфекционных заболеваний. В последние два-три десятилетия описано более 20 ранее неизвестных инфекционных болезней, многие из которых представляют большую эпидемическую опасность и характеризуются высокой летальностью.

Все инфекционные болезни являются социально опасными, однако среди наиболее тревожных показателей, характеризующих общественное здоровье и являющихся индикаторами общего экологического и санитарно-эпидемиологического неблагополучия в стране, является рост числа больных туберкулезом. До Первой мировой войны в России от туберкулеза умирало до 400 человек на каждые 100 тыс.⁷. В Петербурге около 30 человек из 10 тыс. ежегодно погибало от легочного туберкулеза⁸. Резкий рост заболеваемости и смертности от него повсеместно отмечался в периоды социально-экономических кризисов и войн. Сейчас на поддержание жизнедеятельности системы профилактики и лечения туберкулеза не хватает ни денег, ни специалистов.

Демографические проблемы. Проблема демографии в России рассмотрена практически во всех возможных аспектах, на самом высоком уровне (включая Президента и главу Правительства РФ). Пример общего социального неблагополучия – *диспропорция в расселении населения*.

За последние 15 лет возросла концентрация населения в Европейской части страны. Уменьшается население и снижается его плотность в российских регионах в Азиатской части, в том числе в приграничных районах. Так, за эти годы Сибирь и Дальний Восток потеряли более 2,6 млн. населения, а население Москвы, Санкт-Петербурга и Центральной России возросло почти на 2,0 млн. человек. Значительная часть восточной территории страны имеет плотность населения менее чем 1 чел./кв.км. Растет

количество регионов, в которых сокращается население. С 1997 г. количество регионов с сокращением населения увеличилось с 68 до 77, а с ростом населения уменьшилось с 21 до 11.

Необходима разработка и принятие *Государственной программы расселения населения в районах Сибири и Дальнего Востока*, целью которой должно стать создание благоприятных условий (жилье, уровень заработной платы, социальная инфраструктура, возможность получения земли для ведения производственной и сельскохозяйственной деятельности, а также строительства жилья) людям, готовым переселиться в регионы Сибири и Дальнего Востока. Реализация такой программы невозможна без создания условий для занятости населения в промышленности, сельском хозяйстве, транспорте, строительстве, туризме и развитии инфраструктуры этих территорий, включая транспортную.

Основой такого перераспределения населения по территории России мог бы стать мегапроект «Евразия», включающий строительство трансконтинентального транспортного коридора Москва-Владивосток с разветвленной инфраструктурой по его обслуживанию и линией сверхскоростной многоканальной оптоволоконной связи. Такой транспортный коридор через всю страну не только мог бы решить проблему привлечения и занятости населения в отдаленные регионы, но и послужил бы реализации выгод транзитного положения России между странами Азиатско-Тихоокеанского региона и Европы.

Уже сегодня можно сказать, что современная демографическая ситуация в России не является объективно неизбежной, она может и должна быть решена на основе научно и системно обоснованной политики государства.

Гуманитарный императив. Не абсолютная идея, не вечные законы человеческого бытия довлеют над человеком. Не потусторонние силы породили и привели в действие теории «неограниченного экономического роста», «потребительского общества», «общества всеобщего благоденствия» и многое другое, а люди, стоящие у власти, и коммерческие структуры, господствующие в политике и экономике.

Следование архаичным традициям и рутинному планированию определяет действия людей, стоящих во главе политической и экономической власти, что приводит к негативным социальным

последствиям. Научный руководитель высшей школы экономики Евгений Ясин считает, что весь негатив современного общества, породивший глобальный кризис, – это не результат каких-то недоработок или чьего-то непрофессионализма. Кризис современного состояния общества породили факторы, которые находятся вне управления и возникают в силу случайного стечения обстоятельств или являются последствиями того, что произошло раньше. Известный экономист неолиберальных взглядов предлагает смириться с возможным действием непредвиденных сил, порождающих хаос и дестабилизацию, продолжать «латать дыры на теле общества» и переживать время от времени обрушившиеся на него социальные и экономические кризисы и катаклизмы. Таким образом, экономист выдвигает и отстаивает социально-философскую концепцию постмодернизма. Принять ее – значит распечататься в собственной беспомощности, признать принципиальную невозможность управлять социальными процессами в обществе. Задача ответственного социального ученого – не ставить под сомнение или отрицать возможность управления обществом и его процессами, а переходить к качественно новой системе социального управления с учетом новых социально-экономических реалий и на основе социальных наук и гуманитарного знания.

Гуманитарное знание определяет основные цели функционирования и развития общества с позиций высокой нравственности, духовности и гуманизма. Социальные науки определяют механизм, пути и средства достижения этих целей и обосновывают возможную экономическую и социальную эффективность их реализации с позиций интересов общества и человека.

Социальный императив. Сегодня не растения и не животные, а человек и создаваемые в процессе его деятельности техносфера и социосфера (социальная реальность) детерминируют состояние и будущее не только физического мира – неорганической и органической природы, но и мира социального, т.е. человеческой цивилизации и ее существование.

С вступлением в стадию социосферы человек превратился в крупнейшую «геологическую силу», стихийные разноплановые действия которой выходят за пределы рационального контроля. Антропогенные воздействия на отдельные компоненты социальной реальности возрастают, стремительно приближаются к кри-

тическим и неизбежно ведут к возникновению синергетического эффекта в системе. Происходит включение механизмов адаптации к происходящим изменениям, о последствиях которых никто не имеет ни малейшего представления. Растет беспорядок и непредсказуемость в современном мире.

Техносфера под воздействием разнонаправленных социальных действий человека, осуществляемых во имя реализации его интересов и достижения целей, развиваясь в геометрической прогрессии, порождает ряд глобальных угроз. Это «ядерная зима», «кислородный голод», «безудержная гонка вооружения», бесконтрольное распространение «оружия массового уничтожения» и многое другое.

Человек подошел к пределу, который нельзя перешагнуть ни при каких обстоятельствах.

Гуманистический и социальный императивы составляют содержание перехода к качественно новой стадии в развитии человеческого общества, которое получило название *коэволюция*.

Рост достижений современной цивилизации на рубеже XX и XXI в. с позиции разума и науки создает объективную необходимость отказа от субъективизма и волюнтаризма (индивидуального или коллективного) в управлении человеческим обществом. Это и означает переход к коэволюционному мышлению.

Невозможно принимать разноплановые решения и реализовывать их на практике как на глобальном, так и национальном уровнях без социального конструирования путей достижения поставленной цели и с учетом синергетического эффекта.

В случае принятия концепции коэволюции ставятся две проблемы реализации гуманистического и социального императивов:

во-первых, это решение проблемы социосферы с позиций социальных наук, что означает их включение в систему научного управления обществом. К сожалению, пока приходится констатировать очевидный факт: глобальные, национальные, социальные, экологические и геополитические проблемы и социально значимые действия по их решению властных структур не только не совпадают, а вступают в конфликт с культурой науки. Культура власти основывается в современном обществе не на социально-научном мышлении, а на методе «проб и ошибок» при принятии стратегических решений.

Социальная сфера, создаваемая на основе метода проб и ошибок, обладает удивительным свойством притягивать, словно магнит, негативные проявления;

во-вторых, это развитие гуманитарного, в том числе научного знания, которое позволило бы определить цели и направления дальнейшего развития техносферы и социосферы и соответствующего метода и способа использования социальных наук с нравственных позиций. Иначе – это научный и гуманитарный аспект коэволюции. Не случайно XXI в. назван веком социальных наук.

Социальные науки в XXI в. выполняют свою историческую миссию, если культура власти будет интегрировать культуру социальных наук, а социальные науки будут переходить от социально-философского мышления к социально-научному мышлению. Практически это означает, как уже было сказано выше, включение социальных наук в систему научного управления обществом и в социальную практику властных структур, чья деятельность будет основываться на данных этих наук.

На смену традиционным методам управления обществом должен прийти качественно новый этап в системе управления функционированием и развитием человеческого общества. Эта задача носит гипотетический характер и ее постановка обусловлена реалиями XXI в. Эту задачу необходимо решить, если человечество хочет выжить и сохранить среду своего обитания.

3. Современный глобальный кризис

Глобальный кризис – это явление системное и социальное. Он не может быть только финансовым или финансово-экономическим. Его первопричины и последствия неразрывно связаны с экономикой, политикой, социальной и духовно-нравственной деятельностью человека. Поэтому надо лечить не болезнь, а причины, ее вызвавшие, и только так можно избежать негативных последствий.

Кризис – это та красная черта, к которой подошло современное общество в результате субъективных и стихийных действий человека в погоне за прибылью, в неумном желании реализовать свои узкокорыстные цели, используя для их достижения антигуманные средства.

Выход из кризиса, на наш взгляд, имеет две четкие альтернативы:

а) *во-первых*, попытку решения проблем на эмпирическом уровне, в результате чего проблемы не снимаются, а откладываются и в дальнейшем провоцируют рецидивы с необратимыми последствиями;

б) *во-вторых*, переход к качественно новой экономической и социальной организации человеческого сообщества, способного встать на коэволюционный путь развития.

Очередное испытание – глобальный кризис мировое сообщество переживает с лета 2008 г., когда всемирную финансово-экономическую систему потрясли первые удары «кризиса ипотечных неплатежей». С этого временного рубежа в мире ширится и крепнет понимание необходимости создания «новой архитектуры мировых финансов», все более настойчиво на всех уровнях обсуждаются проекты ужесточения государственного контроля над обращением денег, в первую очередь, – за рынками ценных бумаг и заимствований. «Вспомнили» самонадеянно «отмененную» радикальными либералами формулу «товар – деньги – товар», которая в последние десятилетия безудержного спекулятивного денежного оборота все больше превращалась в формулу «товар – деньги – деньги».

Кардинальная перестройка мировой финансово-экономической системы необходима, и чем скорее она начнется, чем радикальнее станут усилия по реструктуризации нынешней неэффективной системы, тем все более заметно начнут ослабевать тиски мирового кризиса.

Сумеет ли мировое сообщество понять, что в основе очередного глобального кризиса находятся не только экономические ошибки, но и давние враги рода человеческого – эгоизм, жадность, безответственность, паразитившие как отдельные личности, так и целые властные, политические структуры? От этого зависит его будущее.

4. Постмодернизм и социальная реальность

В мировом интеллектуальном сообществе нет сейчас другого столь же популярного и одновременно с этим спорного, в смысловом плане, термина, как *«постмодернизм»*. Впервые термин этот

появился в архитектуре, где выразил протест творчески ориентированных архитекторов против рациональных бетонных коробок. Затем им стали пользоваться в дискуссиях по проблемам искусства и культуры, где сторонники и популяризаторы этого нового течения проявили себя нарочито отстраненными от проблем социальной реальности. Тогда же в живописи на смену более или менее реалистического отражения реальности пришел принцип абстракционизма, пластические формы заполнил максимально субъективный, «текущий» перформанс. Игровая стихия превратилась в основную форму творческого процесса по выражению художественных идей.

К концу 1980-х гг. термин «постмодернизм» взяли на вооружение философы, политологи, экономисты и социологи. Для того, чтобы наилучшим образом представить суть какого-либо явления, согласно основоположникам теорий постмодернизма, полезно найти максимально полно выражающий его феномен или сконструировать своеобразный иероглиф, создать символ, а еще лучше – метафору.

Во второй половине XX в. все чаще абсолютизируются различного рода номиналистские и феноменологические концепции социальной реальности. Постмодернизм констатирует дестабилизацию и даже исчезновение социальной реальности. Следствием неактуальности модернистских ценностей становится упадок мобилизующей и организующей силы общества как системы институтов.

С переходом в стадию постмодерна, согласно социологам-постмодернистам, основополагающие ценности модерна реализованы и потому становятся неактуальными. Они утрачивают устойчивость и определенность. На смену им приходят эфемерность, нестабильность, неопределенность, парадоксальность, иррациональность.

В эпоху постмодерна сущность человека отчуждается уже не в социальную, а в виртуальную реальность. С помощью понятия «виртуальная реальность» в настоящее время обозначаются многие новые экономические, политические, культурные феномены, не связанные непосредственно с компьютеризацией, но обнаруживающие сходство логики человеческой деятельности с логикой виртуальной реальности. Сущностный принцип этой логики – замещение реальных вещей и поступков образами – симулякрами. Такого рода замещение можно наблюдать практически во всех

сферах жизни современного человека, и это дает основание для целостного описания социокультурных изменений рубежа XX–XXI вв. как процессов *виртуализации общества*.

С помощью технологий виртуальной реальности воссоздается видимость институциональности обмена. Обмен осуществляется как симулякр – виртуальный аналог реального социального взаимодействия. Применительно к обществу в целом виртуализация предстает не как единый процесс, а как серия разнородных, но направленных сходным образом тенденций в различных сферах жизнедеятельности.

Современные общества можно систематически изучать и понять, а способы улучшения их можно идентифицировать даже в том случае, когда претворение этих идей на практике оказывается довольно трудным.

При обзоре современного состояния социологии и социально-философского знания не наблюдается признаков «смерти» социального, сопровождаемой, вопреки мнению некоторых философов, отрицанием социальных наук. Вместо этого наблюдается расширение разнообразного спектра теоретической и эмпирической работы.

5. Измерение эффективности антропогенной деятельности

Отечественной и мировой социальной практикой поставлен и решен вопрос о создании социальных индикаторов и показателей, которые позволили бы конкретно анализировать и исследовать характер, содержание и направленность социальной деятельности людей в форме ценностных ориентации и социальных установок. Выработаны научные методы измерения эффективности (позитивной и негативной) социальной деятельности человека.

Важнейшими социальными индексами являются *индекс удовлетворенности жизнью* (или социального благополучия) и *индекс доверия* к социальным структурам и институтам, отвечающим за организацию социальной жизни. Исследования по этим индексам позволили перейти от гипотезы к научному выводу о том, что социальное поведение человека, в том числе демографическое, имеет социальную и социально-психологическую обусловленность и проистекает из нейропсихологической напряженности,

связанной с низкой оценкой социальных перспектив, безысходностью социально-политического положения, отсутствием желательных путей для реализации своего человеческого потенциала.

Любая социальная система «имеет по каждому жизненно важному параметру свою энтропическую границу, переход за которую означает гибель рассматриваемой системы как единого целого»⁹. Приближение показателей развития основных подсистем к предельно критическим величинам означает, что общество находится в состоянии кризиса; уровень рисков при этом возрастает, и для своего сохранения система объективно нуждается в изменении неадекватных механизмов ее функционирования, т.е. в реформах или трансформации.

Предельно критические величины основных социальных показателей развития общества интерпретируются в настоящее время с учетом его интеграционного единства. Существует три важных особенности функционирования общества, которые учитываются при построении и использовании системы предельно критических показателей его развития – это:

а) компенсаторный механизм взаимодействия структур и элементов общества; б) синергетический эффект; в) «принцип домино».

Для сохранения стабильности общество как система обладает защитным *механизмом компенсации* потерь за счет привлечения дополнительных ресурсов из устойчиво работающих подсистем в находящиеся в кризисном состоянии подсистемы. Этот механизм проявляется также в перераспределении функциональных обязанностей с целью временного замещения социальных подсистем, вышедших из нормального режима работы.

«*Эффект синергии*» наблюдается в ситуации, когда определенное сочетание факторов приводит к тому, что реальная сила их комбинированного воздействия значительно отличается от воздействия каждого из них в отдельности. В результате получается неожиданно мощное или, наоборот, слабое воздействие на ситуацию.

Важную роль в развитии общества может сыграть известный «*принцип домино*», когда процессы достигают той «критической точки», после которой наступает цепная реакция последствий. Их последовательная и жесткая заданность делает нейтрализацию такой обвальной реакции ресурсоемкой и трудновыполнимой.

Простая экстраполяция негативного влияния предельно критических показателей развития общества без учета вероятности проявления механизмов «компенсации», «синергии» и «принципа домино» может привести к неточным выводам, сместить аналитические оценки ситуации в катастрофическую или идеализированную крайности.

Несмотря на указанные сложности в выработке достоверной и надежной оценки состояния общества, его стабильности, методика построения системы предельно критических показателей, определение пороговых значений социальной дезорганизации представляется полезной для проведения анализа развития социально-политической ситуации и оценки последствий нелиберальной трансформации. Исходя из этих целей, отечественными учеными впервые была предпринята попытка построения такой системы показателей (см. табл. 1.)¹⁰.

Таблица 1

Соотношение предельно-критических и реальных показателей развития российского общества в 2007 г.*
(база сравнения 1990 г.)

№№ Пп		Предельно-критическое значение	Величина показателя в 2007 г. РФ	Вероятные негативные последствия
	а	б	в	г
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СФЕРА				
1.	Доля в экспорте продукции обрабатывающей промышленности	45 %	8 %	Колониально-сырьевая структура экономики
2.	Доля в экспорте высокотехнологичной продукции	15 %	1 %	Технологическое отставание экономики
3.	Доля студентов (на 100 тыс. населения)	180	256 (гос. ВУЗы)	Дефицит научных квалифицированных кадров

* Впервые таблица, состоящая из 20 показателей, была опубликована в монографии «Социология и политика», 1995, с. 556–568, а затем корректировалась по годам.

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА				
4.	Соотношение доходов 10 % самых богатых и 10 % самых бедных граждан (децильный коэффициент)	10:1	15:1	Антагонизация социальной структуры
5.	Доля населения, живущего за чертой бедности	10 %	25 %	Люмпенизация населения
6.	Соотношение минимальной и средней заработной платы	1:3	1:6	Деквалификация и пауперизация рабочей силы
ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СФЕРА				
7.	Условный коэффициент депопуляции (отношение числа умерших к числу родившихся)	1	1,71	
8.	Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных женщиной в фертильном возрасте)	2,14–2,15 (простое замещение поколений)	1,17	Интенсивная депопуляция
9.	Средняя продолжительность жизни населения	США – 75 лет, Швеция – 78 Япония – 79 лет (1996 г.)	Россия – 65 лет (59 – у мужчин, 72 – у женщин) (1999 г.)	Снижение жизнеспособности страны
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СФЕРА				
10.	Суммарные поступления для экологической безопасности	5 % Германия	0,1 %	Угроза экологической безопасности
ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ				
11.	Уровень преступности (количество преступлений на 100 тыс. населения)	5–6 тыс.	2,1 тыс. (по офиц. данным); 6–6,5 тыс. с учетом латентной преступности	Криминализация общественных отношений

12.	Уровень потребления алкоголя	8 л. абс. алкоголя на человека в год	14–15 л. абс. алкоголя на человека в год	
13.	Доля людей, потребляющих наркотики	7 %	8 % среди молодежи (эмпирические данные)	Физическая деградация населения
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СФЕРА				
14.	Доля граждан, выступающих за кардинальное изменение политической системы	40 %	33 %	Делегетимация власти
15.	Индекс радикальной оппозиции	10 %	8 %	Радикализация политического сознания
16.	Индекс доверия федеральным органам власти	25 %	25 %	Отчуждение граждан от власти

Данные за 2007 г. констатируют резкое снижение показателей по всем сферам гражданского общества.

Социологами на основе обобщения международной практики разработаны также *показатели эффективности государственного управления*.

Введение системы социальных показателей эффективности государственного управления создает механизм, позволяющий поставить в правовом аспекте вопрос об ответственности (вплоть до уголовной) властных структур за последствия своей социальной деятельности.

В.В.Путиным в свое время была инициирована идея создания системы индикаторов и показателей эффективности регионального управления. Идея эта реализована в президентском Указе «О системе индикаторов и показателей регионального управления».

6. Социальная ответственность властных структур и социальные науки

В условиях современной России социальная ответственность традиционно возложена на власть. Практика показала существующую необходимость контроля со стороны социальной науки и помощь действиям властей. Помочь расширению социально-гуманитарного императива может добровольная ангажированность социальной науки задачами служения прогрессу и социально ответственной власти.

Сегодня распространена точка зрения, что академическая социальная наука устранилась от решения проблем, которые стояли перед страной в период «перестройки» и нелиберального реформирования. Научная деятельность ведущих социологов, а также академических институтов социологического профиля Российской академии наук полностью опровергает это утверждение как не соответствующее действительности.

К сожалению, рекомендации ученых, которые позволили бы избежать многих ошибок и рисков, не были приняты во внимание, и в результате развитие России пошло по курсу, который не отвечал национальным интересам страны и ее народа. Диалог между властью и социальной наукой не состоялся.

Социальная практика опровергла еще один общепринятый тезис, согласно которому развитие техники, науки, материального благосостояния автоматически решает все проблемы, связанные с социальным поведением и социальным благополучием человека. Парадокс заключается в том, что научно-технический, экономический прогресс не сопровождается прогрессом социальным, социально-политическим, духовно-нравственным, а порождает новые социальные угрозы и риски, имеющие тенденцию перерастания в катастрофу. Эти угрозы и риски непосредственно связаны с социальным поведением людей, преследующих свои интересы и цели. *Проблема человека и его социальной деятельности в современных условиях выдвигается на передний план.*

Коллективистские, системные параметры, интересы, предпочтения во многом по инерции продолжают доминировать в общественном сознании, в определении лидерской позиции в дихото-

мии «система–личность». При этом личность является не только структурной компонентой, но и создателем системы. Индивид осуществляет свою деятельность не изолированно, а в процессе взаимодействия с другими людьми, объединенными в различные общности в условиях данной социальной среды. В процессе этого взаимодействия социальная общность становится социальной системой, целостностью, обладающей системными качествами.

При всей важности человеческих представлений об образе социального будущего как для своей страны, так и для глобального мира и всего человеческого общества *основополагающим является научное социальное и гуманитарное знание*, на основе которого возможно разработать стратегию и тактику *эффективного управления социальными процессами, вооружить науку и институты власти социальными индикаторами и показателями и современными методами их применения.*

Опасность не успеть провести необходимые *трансформационные действия* в начавшемся XXI столетии велика как никогда ранее. Впервые за всю историю человечества *не успеть* означает *не успеть навсегда.*

Выход России из сложившейся ситуации в одном: перестать распродавать за бесценок невосполняемые ресурсы, а сосредоточить все усилия – интеллектуальные, организационные, производственные и т.п. – на ускоренном и качественном переходе от индустриального общества к постиндустриальному, экономика которого *функционирует на базе мощной индустрии, но во все большей мере обеспечивает свой экономический рост и устойчивость развития путем принципиально нового отношения к информации, знаниям и человеку как их создателю, носителю и потребителю.*

Использовать все современные достижения науки и техники необходимо с позиций *нравственности*, исключающей зло и насилие.

Современный человек – существо социальное, и он обязан иметь представление о *социальной цели*, понимать, какими путями осуществлять движение к ней. Общество без общей цели – это все равно что человек, лишившийся разума. «Лишь понимание общей цели, – считает академик Е.Чазов, – делает человека по-настоящему уверенным в себе, порождает в нем благое чувство стабильности».

С переходом к стадии коэволюции возможно эффективно решить *социальные противоречия*. Основным противоречием является разрыв между объективными возможностями России – единственной на планете самодостаточной страной и крайне низким уровнем и качеством жизни ее населения. На ее огромной территории сосредоточено более 1/3 природных ресурсов Земли, проживает 140-миллионный образованный, умеющий работать народ с преступно низким уровнем жизни. Инструментарием для трансформации нынешней системы управления в систему управления, отвечающую интересам человека и общества, является наука, вырабатывающая как социально-научные знания, так и гуманитарные знания, способные обрести вид современных социальных технологий управления.

Примечания

- ¹ Гердер И. Идеи к философии истории человека. М., 1979. С. 6–7.
- ² Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 190. С. 247.
- ³ Там же. С. 260.
- ⁴ Лихачев Д.С. Русская литература. М., 1984. С. 115.
- ⁵ Каторгин Б.И. Технично-экономическая модель стабилизации климата. М., 2008.
- ⁶ При подготовке данного параграфа использованы положения статьи К.М.Ефимова «Общественное здоровье и загрязнение среды обитания» (М., 2007).
- ⁷ Глобальные последствия лекарственно-устойчивого туберкулеза. Медицинский факультет Гарвардского университета. 1999.
- ⁸ Популярная медицинская энциклопедия. М., 1981.
- ⁹ Горский Ю.М. Хаос, управление, конкуренция. Якутск, 1991.
- ¹⁰ Впервые таблица, состоящая из 20 показателей, была опубликована в монографии «Социология и политика» (М., 1995. С. 556–568), а затем скорректировалась по годам.

Содержание

Предисловие	3
<i>В.И. Спиридонова</i>	
Эволюция взаимосвязи человека и государства	7
<i>В.Н. Шевченко</i>	
Антропологическое измерение российского государства: к методологии анализа	46
<i>Р.И. Соколова</i>	
Антропологическое измерение российского государства: теория и практика	100
<i>В.Г. Буров</i>	
Человеческий фактор в политике государства (Россия и Китай: сравнительный анализ).....	145
<i>Е.В. Осипова</i>	
Человек и современная социальная реальность	194

Научное издание

Антропологическое измерение российского государства

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректор *А.А. Гусева*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 14.07.09.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 13,5. Уч.-изд. л. 11,36. Тираж 500 экз. Заказ № 032.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор: *Т.В. Прохорова*

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14/1 стр. 5

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии: iph.ras.ru

Готовятся к печати

1. *Бурмистров К.Ю.* «Ибо Он как огонь плавильщика»: каббала и алхимия / РАН. Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2009. – 295 с.
2. *Гуревич, Павел.* Расколотость человеческого бытия / РАН. Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2009. – 199 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч.: с. 193–198.
3. Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход / РАН. Ин-т философии; Отв. ред.: И.Т. Касавин, В.Н. Порус. – М.: ИФРАН, 2009. – 215 с.
4. *Кричевский А.В.* Образ абсолюта в философии Гегеля и позднего Шеллинга / РАН. Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2009. – 199 с.
5. Наука: от методологии к онтологии / РАН. Ин-т философии; Отв. ред.: А.П. Огурцов, В.М. Розин. – М.: ИФ РАН, 2009. – 287 с.
6. Ориентиры... Вып. 5 / РАН. Ин-т философии; Отв. ред. Т.Б. Любимова. – М.: ИФ РАН, 2009. – 215 с.
7. Политико-философский ежегодник. Вып. 2 / РАН. Ин-т философии; Отв. ред. И.К. Пантин. – М.: ИФРАН, 2009. – 207 с.
8. Телесность как эпистемологический феномен / РАН. Ин-т философии; Отв. ред. И.А. Бескова. – М.: ИФРАН, 2009. – 231 с.
9. *Уайтхед, Альфред Норт.* Приключения идей / Перевод с англ. Л.Б. Тумановой; [примеч. С. С. Неретиной] / Науч. ред. С.С.Неретина. РАН. Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2009. – 383 с.; 20 см. (Философская классика: новый перевод) – Указ.: с. 367–383. – Перевод изд.: *Adventures of Ideas / Alfred North Whitehead.* Cambridge Univ. Press, 1964.
10. Феномен человека в его эволюции и динамике: Тр. Открытого науч. семинара / РАН. Ин-т философии; Отв. ред.: С.С. Хоружий, О.И. Генисаретский. – М.: ИФРАН, 2009. – 287 с.